

К.В. НИКИФОРОВ

СЕРБИЯ НА БАЛКАНАХ XX ВЕК

«Самое большое разочарование в моей жизни принесли мне победы. Победы не оправдывают себя. Я никого не убивал. Но меня убивали. Задолго до смерти. Моим книгам было бы лучше, если бы их написал какой-нибудь турок или немец. Я же был самым известным писателем самого ненавидимого народа — сербского народа. Новое тысячелетие началось для меня в 1999 году (три перевернутые шестерки) с третьей в моей жизни бомбардировки, когда самолеты НАТО стали сбрасывать бомбы на Белград, на Сербию. С тех пор Дунай — река, на берегу которой я живу, — перестал быть судоходным. В целом я могу сказать, что я при жизни получил то, что многие писатели получают только после смерти. Даровав мне радость сочинительства, Бог щедро осыпал меня милостями, но в той же мере и наказал. Наверное за эту радость».

Милорад Павич

СЕРБИЯ НА БАЛКАНАХ
XX век

*«Самое большое разочарование в моей жизни
принесли мне победы. Победы не оправдывают себя.
Я никого не убивал. Но меня убивали. Задолго до смерти.*

*Моим книгам было бы лучше,
если бы их написал какой-нибудь турок или немец.
Я же был самым известным писателем
самого ненавидимого народа — сербского народа.*

*Новое тысячелетие началось для меня
в 1999 году (три перевернутые шестерки) с третьей
в моей жизни бомбардировки, когда самолеты НАТО
стали сбрасывать бомбы на Белград, на Сербию.
С тех пор Дунай — река, на берегу которой я живу, —
перестал быть судоходным.*

*В целом я могу сказать, что я при жизни получил то,
что многие писатели получают только после смерти.*

*Даровав мне радость сочинительства,
Бог щедро осыпал меня милостями, но в той же мере
и наказал. Наверное за эту радость»*

Милорад Павич

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

К. В. Никифоров

СЕРБИЯ НА БАЛКАНАХ XX ВЕК

Издательство «Индрик», Москва, 2012

УДК 94 (497.1)

Н 62

*Книга публикуется в рамках
Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН
«Нации и государство в мировой истории».*

Рецензенты:

доктор исторических наук *А.Л. Шемякин*
кандидат исторических наук *Л.В. Кузьмичева*

Никифоров К.В.

Сербия на Балканах. XX век. – М.: «Индрик», 2012. – 176 с.

ISBN 978–5–91674–209–1

В книге на широком балканском фоне рассматриваются важнейшие события истории сербского народа в XX веке. В центре исследования особенности его государственности в различных исторических формах – в качестве королевской и республиканской Сербии в начале прошлого и начале нынешнего веков, а также в составе карагеоргиевичевской, титовской и милошевичевской Югославии. Особое внимание уделено различным процессам, происходившим на Балканах в прошлом веке и самым непосредственным образом влиявшим на сербскую историю.

Для специалистов и всех интересующихся историей Сербии и Балкан.

© Институт славяноведения РАН, 2012

© Текст, Никифоров К.В., 2012

© Оформление, Издательство «Индрик», 2012

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга сложилась из многолетних раздумий автора об истории сербов¹. Какие-то мысли в той или иной форме уже излагались им в научной литературе, какие-то публикуются впервые. Причем речь прежде всего идет о сербской государственности в XX веке. Иногда, правда, освещаются и некоторые другие, но связанные с нею проблемы, а при необходимости хронологические рамки немного раздвигаются и захватывают конец XIX и начало XXI вв.

В любом случае сербская государственность – одна из важнейших проблем исторической сербистики². Особенно это применимо к новому времени. Для самих сербов после нескольких веков закабаления – идея своего государства имела почти сакральное значение.

В то же время это государство принимало самые различные очертания по форме и содержанию. Французский политолог Алексис Труд справедливо определяет Сербию как государство с постоянно изменяющимися границами³. И особенно разительные метаморфозы претерпела сербская государственность в XX веке – от королевской Сербии, в которой произошла смена династии, через три абсолютно разные Югославии и до современной республиканской парламентской Сербии.

Кроме того, в начале XX в. существовало еще одно сербское государство – Черногория. В 2006 г. она, вновь добившись независимости, почти отреклась от своего сербского происхождения. Наконец, в

1 В 1982 г., ровно 30 лет назад, автор переступил порог академического Института славяноведения (тогда – Института славяноведения и балканистики) и уже профессионально занялся сербской и балканской историей. Написанию этой книги частично способствовал и спецкурс, который с 2006 г. читается им для студентов кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

2 Недаром последний обобщающий трехтомник по истории Сербии, принадлежащий перу сербских авторов, так и называется: «История сербской государственности». См.: *Благојевић М., Медаковић Д.* Историја српске државности. Књига I. Од настанка првих држава до почетка српске националне револуције. Нови Сад, 2000; *Љушић Р.* Историја српске државности. Књига II. Србија и Црна Гора – нововековне српске државе. Нови Сад, 2001; *Димић Љ.* Историја српске државности. Књ. III. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001.

3 *Trud A.* Geopolitika Srbije. Beograd, 2007. S. 49.

1990-е годы сербская государственность существовала также в форме двух непризнанных государств – Республики Сербская Краина и Республики Сербской. И если Республика Сербская сохранилась как одна из двух частей дейтонской Боснии и Герцеговины, то Республика Сербская Краина прекратила свое существование.

В этой книге мы, с одной стороны, говорим в основном только о собственно Сербии, о ее постоянно менявшейся государственности. Причем военные сюжеты, на которые был так богат для сербов XX век, почти не освещаются. Они требуют отдельного рассмотрения, и многое на этом направлении уже сделано. Но, с другой стороны, добавлены балканские сюжеты. Несколько глав книги посвящены процессам, которые проходили в прошлом столетии на Балканах, но которые оказали заметное влияние на ход сербской истории и развитие сербской государственности.

Понять сербскую историю без общевосточных процессов нельзя. Абсолютно прав был известный сербский историк Радован Самарджич, который любил повторять, что невозможно быть специалистом по истории Сербии, не будучи одновременно специалистом по истории Балкан, причем изучаемых на широком общевосточном фоне. И действительно, история Сербии – это своего рода матрешка, где собственно сербская история вставлена в историю Балкан, а история Балкан, в свою очередь, – в общевосточную и всемирную историю.

В своей работе мы, естественно, опирались на труды предшественников. Не разбирая их подробно, скажем только, что поколение послевоенных отечественных историков-славистов и балканистов заложило основы, если можно так выразиться, монографического изучения истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. До этого углубленно изучалась преимущественно российская история или история более крупных зарубежных государств. Но это поколение ученых, помимо всего прочего, убедительно доказало, что для исторической науки не имеет принципиальной разницы – идет ли речь об огромной тысячелетней империи или о недавно образовавшемся небольшом государстве. Законы общественного развития – едины для всех и могут изучаться на любом материале.

Монографическое направление в исследованиях остается и, по-видимому, останется в обозримом будущем доминирующим направлением мировой, в том числе и российской исторической науки. В полной мере это относится и к истории Сербии. Специалисты рассматривают в монографиях отдельные проблемы ее истории, отдельные источники, деятельность

отдельных исторических персонажей. При этом стоит отметить, что по разным причинам история Сербии XX в. изучена в России крайне неравномерно: начало века (включая Первую мировую войну) с фактологической точки зрения изучено намного лучше, чем остальная часть XX в., особенно период после Второй мировой войны. С историологической же точки зрения – сделать предстоит еще много по всем периодам новой сербской истории.

К сожалению, в советское время заниматься послевоенной «ревизионистской» Югославией и входящей в нее Сербией было намного труднее, чем историей других бывших европейских социалистических стран; разрешение на публикацию любой книги, связанной с современной югославской проблематикой, даже после нормализации советско-югославских отношений давалось фактически на уровне Центрального комитета КПСС. И даже тем изданиям, которые выходили, часто присваивался гриф «ДСП» – «для служебного пользования».

В результате долгие годы самым серьезным исследованием по внутренней истории социалистической Югославии оставалась, на наш взгляд, вышедшая под грифом «ДСП» монография П.Е. Канделя⁴. Понятно, что Кандель был не свободен в своих оценках, и они сегодня нуждаются в серьезной коррекции. Однако циклы развития югославского общества определены им новаторски и вполне достоверно.

Открытый доступ в те годы, по существу, ограничивался двумя коллективными трудами Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (ныне – часть Института экономики РАН), которые так и назывались: «Социалистическая Федеративная Республика Югославия»⁵. Оживление в изучении послевоенной Югославии в отечественной исторической науке началось уже в конце периода «перестройки» в Советском Союзе⁶.

4 Кандель П.Е. Югославское самоуправление и основные направления внешней политики СФРЮ (1949–1979). М., 1979.

5 Социалистическая Федеративная Республика Югославия / Отв. ред. Л.А.Никифоров. М., 1975; Социалистическая Федеративная Республика Югославия / Отв. ред. Л.А.Никифоров. М., 1985.

6 См., например: Гибианский Л.Я. Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947 гг. М., 1987; Кузнецhevский В.Д. Эволюция югославской концепции социализма. М., 1990; Каменецкий В.М. Политическая система Югославии (1950–1980 гг.). М., 1991; Гиренко Ю.С. Сталин–Тито. М., 1991.

Но тут на какое-то время главное внимание российских ученых оказалось приковано к югославскому кризису конца XX – начала XXI вв.⁷ Кстати, некоторые исследователи поспешили назвать череду войн на постюгославском пространстве – «Третьей балканской войной», что являлось очень большой натяжкой. Также нельзя югославский кризис (1991–2001 гг.) называть балканским, что порой еще встречается в историографии. За пределы бывшей Югославии кризис так и не вышел, и нет никакой причины придавать ему в названии региональный характер. Тем более что именно этим часто обосновывалась правомерность вмешательства в югославские дела со стороны так называемого мирового сообщества.

Кризис, наконец, закончился, и в последнее время отечественные авторы смогли вернуться к собственно истории Югославии (и Сербии в ней) в XX столетии. Почти одновременно свет увидели несколько серьезных монографий⁸.

Однако даже после исчезновения идеологических запретов в России остались серьезные проблемы с рассекречиванием архивных материалов, касающихся советского и особенно послевоенного периода отечественной истории. После недолгого периода открытости документы вновь стали труднодоступными⁹. В результате можно сказать, что на монографическом исследовательском уровне история Югославии и Сербии отечественными историками фактически доведена только до конца 1950-х годов. Начиная

7 См., например: *Волков В.К.* Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5; *Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998; *Никифоров К.В.* Между Кремлем и Республикой Сербской. (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999; *Романенко С.А.* Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв.). М., 2000; *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001 и другие работы.

8 См.: *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период холодной войны (1945–1957). М., 2002; *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008; *Силкин А.А.* Королевство сербов, хорватов и словенцев: на пути к диктатуре. 1918–1929 гг. СПб., 2008.

9 Сошлемся на руководителя архивной службы России в 1990–1996 годах. См.: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 2000. С. 651.

с 1960-х годов югославская история изучена намного хуже и в основном на югославских документах. Дальнейшее развитие российской исторической науки должно привести к заполнению существующих пробелов.

Другая проблема заключена в том, что читателю, начинающему исследователю становится все труднее разбираться во все увеличивающемся потоке специальной научной литературы. Растет потребность и в работах совершенно другого характера, прежде всего – в обобщающих трудах, в осмыслении уже написанного.

В конце 1980-х годов в Институте славяноведения была предпринята попытка написания кратких историй стран Центральной и Юго-Восточной Европы, но по истории Югославии запланированный труд выйти в свет не успел. Пали все запреты, и еще не написанный труд устарел уже на стадии обсуждения.

После этого появилось несколько обобщающих работ по истории соседних с Сербией стран. Назовем, в частности, книги Ар.А. Улуныя «Политическая история современной Греции. Конец XVIII в. – 90-е гг. XX в.» (М., 1998), В.И. Фрейдзона «История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991)» (СПб., 2001), Н.Д. Смирновой «История Албании в XX веке» (М., 2003). К ним примыкает недавно вышедшая книга Л.А. Кирилиной, Н.С. Пилько и И.В. Чуркиной «История Словении»¹⁰. Все эти труды носят в основном описательный характер, сродни курсу лекций, что, однако, не снижает их значимости.

Работы подобного рода имеют также прикладное значение. События 1990-х годов в бывшей Югославии выявили, с одной стороны, неподдельный интерес общественности России к сербской истории, а с другой – огромный дефицит соответствующей литературы. Посоветовать что-то для чтения широкой публике довольно трудно. Научно-популярная литература по истории Сербии, сербской культуры, русско-сербских связей также практически отсутствует, заменяется всевозможными суррогатами. А ведь именно с нее, наверное, должно начинаться знакомство с сербской историей и культурой¹¹.

10 Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В. История Словении. СПб., 2011.

11 Из серьезных работ назовем перевод на русский язык книги сербского академика С. Чирковича (*Чиркович С.М. История сербов*. М., 2009).

Еще одним своего рода мостиком между исследовательскими и обобщающими работами могла бы стать литература историографического характера. Однако она почти всегда в дефиците¹², а сегодня даже рецензии на работы коллег пишутся неохотно. В итоге в России почти не выходит работ, специально посвященных развитию сербской исторической науки, исторической мысли¹³. Между тем такие работы были бы очень интересны. Специальных исследований заслуживают и отдельные ученые, например, такой признанный сербский историк, правовед и государственный деятель из межвоенного периода, как Слободан Йованович или, если говорить о современности, Бранко Петранович, Сима Чиркович и Милорад Экмечич. Можно уже обратить внимание и на творчество представителей следующего поколения сербских историков. Разумеется, специальных исследований заслуживают также работы отечественных историков, и не только дореволюционных¹⁴, но и современных. Прежде всего это относится к историкам из блестящего поколения С.А. Никитина, Ю.А. Писарева, И.С. Достян, В.Н. Виноградова, В.К. Волкова¹⁵.

Наконец, в Институте славяноведения РАН был в последние годы реализован большой проект по написанию истории славянских народов в XX веке – одновременно и исследовательский, и обобщающий¹⁶. Этот проект помогает увидеть, как же в целом

12 Больше двадцати лет назад вышел историографический очерк: *Вяземская Е.К., Данченко С.И.* Россия и Балканы. Конец XVIII в. – 1918 г. (Советская послевоенная историография). Обзор. М., 1990. С. 5.

13 О сербской историографии см., в частности, полемическую книгу М. Йовановича и Р. Радича (*Јовановић М., Радич Р.* Криза историје: српска историографија и друштво изазови краја 20. и почетка 21. века. Београд, 2009).

14 См., например: *Воробьева И.Г.* Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999.

15 Пока в свет вышли лишь несколько сборников, посвященные памятным датам этих крупных ученых. См., например: Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной конференции. М., 2004; В «интерьере» Балкан. Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010; Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова. М., 2010.

16 Болгария в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. Е.Л. Валева. М., 2003; Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории в 2 кн. / Отв. ред. В.В. Марьина. М., 2005; Югославия в XX веке. Очерк политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011; Польша в XX веке / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012 (в печати).

выглядит сегодня история славянских народов, по частям составленная учеными в прошедшие десятилетия, представить себе общую картину, основные тенденции, выводы, этапы, наметить будущие исследования.

В полной мере это относится к труду «Югославия в XX веке», в котором Сербия занимает центральное место. До этого в отечественной историографии подобной обобщающей работы по новейшей истории югославянских народов не было. Предыдущий труд — двухтомная «История Югославии» — был написан еще в 1963 г. Повествование в нем доведено лишь до 1945 г.¹⁷

17 История Югославии в двух томах. М., 1963. Т. II.

Часть I. Сербские сюжеты

Цикличность новой сербской истории

Мы постараемся изложить некоторые мысли, выявить проблемы, поставить вопросы, которые, возможно, помогут настоящим и будущим исследователям при осмыслении новой истории Сербии.

При общем взгляде на достаточно длительные временные отрезки большое значение приобретает их периодизация. В случае с Сербией XIX и XX вв. в качестве критерия можно взять «государственность» сербского народа. Тогда получится, что его история имеет определенную цикличность и распадается на пять этапов, четыре из которых частично или полностью захватывают XX век:

- борьба за независимость, то есть «Сербская революция» и автономное княжество (1804–1878)¹⁸;

- независимое государство – Сербское королевство (1878–1918);

- Сербия в составе «первой», карагеоргиевичевской (королевской) Югославии (1918–1944);

- Сербия в составе «второй», титовской (социалистической) Югославии (1944–1992);

- Сербия в составе «третьей», милошевичевской (сербско-черногорской) Югославии (1992–2000).

Характерно, что каждый этап одновременно начинается и заканчивается с больших международных потрясений:

- начало наполеоновских войн (они хотя и не затронули собственно сербские земли, но окончательно сделали Балканы объектом международных отношений);

- Восточный кризис 70-х годов XIX в.;

- Первая мировая война;

- Вторая мировая война;

- наконец, современный югославский кризис, включая и натовскую агрессию против Югославии в 1999 г.

18 Сербский историк Р. Люшич делит этот этап на две части 1835-м годом, когда Сербия не только обрела автономию, но и рассталась с турецкой феодальной системой. Подробнее о периодизации истории Сербии в XIX и начале XX вв. см.: *Љушић Р. Државно-друштвена и генерацијска периодизација нововековне Србије (1804–1918) // Љушић Р. Србија 19. века (2). Београд, 1998. С. 9–33.*

Таким образом, именно международные события, борьба держав на Балканах и за Балканы в решающей степени влияли на очередные крутые повороты в истории Сербии. Именно эти события во многом жестко структурируют всю ее новую историю.

После завоевания Турцией Балканы фактически оказались в Азии. Недаром и в России этим регионом занимался Азиатский департамент Министерства иностранных дел. И только через несколько столетий началось возвращение этого региона в Европу.

Балканы стали частью общеевропейской международной системы в последней трети XVIII в., в связи с возникновением Восточного вопроса. А сам Восточный вопрос был открыт Кучук-Кайнарджийским миром, заключенным после русско-турецкой войны в 1774 г.¹⁹ Чуть позже состоялась и последняя австрийско-турецкая война (1788–1791 гг.). Одновременно Великая французская революция и начало наполеоновских войн ускорили процесс втягивания Юго-Восточной Европы в мировые международные отношения, что не могло не сказаться на судьбах проживавших там народов.

Сербский историк Радош Люшич пишет: «Конец XVIII и начало XIX в. представляют собой время войн и революций, и его можно считать переломным периодом в истории Европы и, естественно, Балкан, являющихся ее частью... В это военное и революционное время из темной бездны Балкан вырвалась накопленная за века духовная и физическая сила измученного сербского народа и как лавина стала сметать феодальную Турецкую империю»²⁰.

Подобно тому, как рубеж XVIII и XIX вв. открыл Балканы Европе и миру, рубеж XIX и XX вв. окончательно сделал их «интегральной частью Европы». Более того, регион «превратился в центр конфликта континентальных и морских европейских держав»²¹. Этот конфликт, в свою очередь, привел к Первой мировой войне, после которой мир базировался на системе Версальских договоров 1919–1920 гг. Одновременно с распадом Османской империи Восточный вопрос исчез из повестки дня международной дипломатии, но Балканы уже никогда не теряли свое значение для международных отношений. Таковыми они были и во время Второй мировой войны, которая закончилась Ялтинско-Потсдамским

19 См.: *Достян И.С.* Особая позиция России // Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С. 15.

20 *Љушић Р.* Други српски устанак (1815) // *Љушић Р.* Србија 19. века. Београд, 1994. С. 65.

21 *Ђорђевић Д.* Огледи из новије Балканске историје. Београд, 1989. С. 36.

урегулированием 1945 г. и установлением блокового биполярного мира. Наконец, югославский кризис, разразившийся после окончания «холодной войны» в конце XX в., стал ареной и ярким свидетельством складывания нового натоцентристского миропорядка во главе с США.

Таким образом, при замене одной системы международных отношений на другую важнейшую роль играли именно Балканы и, в частности, Сербия. Резкие повороты в развитии последней практически совпадают с установлением новых моделей системы международной безопасности. Но даже в периоды относительного затишья между очередными кризисами внутренние проблемы Балкан не шли ни в какое сравнение с их значением для международных отношений.

И еще одно интересное наблюдение. Замечено, что Великая французская революция стала своего рода «матрицей» для XIX века, а Первая мировая война – для XX века.²² На наш взгляд, вполне возможно, что подобной «матрицей» для XXI века, по крайней мере для его первой половины, окажется югославский кризис 1991–2001 гг. Совершенно очевидно, что многие последовавшие вскоре войны в разных частях мира были развязаны по югославскому сценарию.

* * *

Кроме глобального международного фона, в истории Сербии как уже отмечалось, четко выделяется балканский пласт: региональное соперничество и сотрудничество балканских государств. Хотя, конечно, этот пласт чаще всего определялся деятельностью тех же великих держав. Вспоминается сербская шутка о балканском любовном треугольнике, при котором «Сербия любит Россию, Россия любит Болгарию, а Болгария – Германию». И все несчастны.

Говоря о региональной проблематике, нельзя обойтись без упоминания о «Начертании» Илии Гарашанина. Речь в этом документе шла прежде всего об объединении сербского народа²³. Между тем, «Начертание» трактуется некоторыми историками и

22 См.: *Екмечић М.* Огледи из историје. Београд, 1999. С. 163.

23 Подробнее о «Начертании» см., например: *Љушић Р.* Књига о Начертанију. Национални и државни програм Кнежевине Србије (1844). Београд, 1993; *Никифоров К.В.* Сербия в середине XIX в. (Начало деятельности по объединению сербских земель). М., 1995. С. 43–59.

политиками как доказательство якобы извечного стремления сербов к доминированию над соседними народами, к созданию так называемой «Великой Сербии». Это словосочетание – «Великая Сербия» – вообще превратилось в своего рода жупел, наполнилось резко отрицательным, великодержавным смыслом²⁴. В 90-е годы XX в. клише «Великая Сербия» без конца повторяли не только журналисты, но и ведущие политики, в том числе, к сожалению, и некоторые российские.

Однако в «Начертании» не было идей национализма, шовинизма или национального превосходства, не было и ничего необычного для своего времени. Достаточно сказать, что в том же 1844 г., когда «Начертание» было написано, возникла известная «мегали идея» («великая идея») в Греции, позже идеи объединения Дунайских княжеств, создания Великой Болгарии, Великой Албании и т. п. Идея Великой Сербии как идея собирания всех сербских земель в одном государстве была не хуже и не лучше всех этих планов.

В целом балканский фон проходит через всю новую сербскую историю. Говоря о XX веке, уместно отметить такие региональные объединения, как Балканский союз времен Балканских войн; Малую, а затем Балканскую Антанту в межвоенный период; планы создания Балканской федерации, почти перешедшие в практическую плоскость сразу после Второй мировой войны, а затем и Балканский пакт первой половины 1950-х годов как своего рода региональный филиал НАТО. Собственно, и идеи южнославянского единства из XIX в., и образование единого государства югославян в 1918 г. в определенной степени находятся в этом же ряду.

* * *

Теперь обратимся к собственно сербской истории. По точному наблюдению крупнейшего сербского историка Слободана Йовановича, в общественно-политической жизни Сербии на протяжении длительного периода присутствуют две главные идеи – национальная и конституционная²⁵. Отмеченные две идеи, на самом деле, проходят через всю новую сербскую историю вплоть до наших дней.

24 Подробнее см.: Велика Србија. Истине, заблуде, злоупотребе. Београд, 2003.

25 Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Београд, 1936. Књ. III. С. 396.

Обратимся вначале к первой из них – национальной. В Сербии она понималась как освобождение и объединение сербских земель. К возрождению Сербского государства привели два мощных крестьянских движения – Первое и Второе сербские восстания, или, как принято называть их в историографии, – «Сербская революция»²⁶. Точно таким же путем пытались освободиться другие сербские земли, оставшиеся в составе Османской и Австрийской империй. Из самых крупных подобных попыток следует упомянуть сербское движение в Южной Венгрии во время революции 1848–1849 годов в Австрийской империи и восстания православных крестьян 1870-х годов в Боснии и Герцеговине, положившие начало Восточному кризису. «В истории сербского народа, – указывает М. Экмечич, – Великий восточный кризис играет ту же роль, что и «Сербская революция» 1804 г., революция 1848 г., объединение 1918 г. Это одна из переломных точек в истории сербского народного объединения»²⁷.

Мы также считаем, что крестьянское движение в Боснии и Герцеговине потенциально могло стать «Третьим сербским восстанием» и закончиться тем же, что и первые два. Однако история распорядилась иначе. В результате именно в Боснии был зажжен фитиль Первой мировой войны и прошли самые ожесточенные на югославской земле битвы во время Второй мировой войны.

Кроме того, именно Босния стала основной ареной для двух гражданских войн – в 40-е и 90-е годы XX в. О характере этих и более ранних войн можно спорить. Однако, несомненно, были в них и этнический, и религиозный компоненты. Сравнивая события 1875 г. с войнами, начавшимися в 1914, 1941 и 1992 годах, тот же М. Экмечич видит больше всего сходства с последним югославским кризисом. И действительно, лидеры боснийских сербов в ходе войны 1992–1995 годов, по их же собственным словам, пытались решить те же задачи, что и их предшественники в 1875 г.

26 Вопрос о времени окончания «Сербской революции» остается дискуссионным. Некоторые историки завершают ее 1815 годом; другие – хатти-шерифами 1830 и 1833 гг.; есть исследователи, которые доводят ее до 1878 г. (обретение независимости) и даже до 1918 г. (объединение сербов с другими югославянами). Р. Люшич временем окончания «Сербской революции» считает 1835 г., а в ней видит военный (до 1815 г.) и мирный периоды. Подробнее см.: *Љушић Р. Социјална револуција. Проблеми // Љушић Р. Србија 19. века. С. 10–11.*

27 *Екмечич М. Огледи из историје. С. 154.*

Так или иначе, но процесс освобождения и объединения сербских земель с 1878 г. и до Первой мировой войны пошел в другом направлении, чем это было предвидено в «Начертании». В лице Австро-Венгрии Сербия получила мощную преграду на своем пути в Боснию. Ей осталось круто развернуться и расширяться на юго-восток, в сторону Македонии, и именно там, через Грецию, искать выход к морю.

Далее последовало расширение Сербии за счет Санджака (Рашки), Косово и Метохии и Вардарской Македонии после Балканских войн (1912–1913 гг.). В рамках Королевства сербов, хорватов и словенцев, образованного в 1918 г., Сербия объединилась с Черногорией, а также Воеводиной и другими населенными сербами землями бывшей Австро-Венгрии. Однако объединительный процесс не ограничился всесербским объединением, а распространился и на все югославянские земли Габсбургской монархии.

Через 70 лет при распаде Югославии начался обратный процесс. Провозглашение независимости бывшими югославскими республиками автоматически вело к новому расколу сербского народа. Более того, Сербия потеряла Черногорию, принадлежность населения которой к сербскому народу вплоть до Второй мировой войны не ставилось под сомнение, а также автономный край Косово и Метохию. Отделение Черногории было особенно болезненным. Некоторые наблюдатели называли его второй Косовской битвой, проигранной сербским народом.

Королевство Югославия во главе с династией Карагеоргиевичей, в котором сербы занимали доминирующее положение, так и не стало устойчивым, прочным государством. Хотя его руководство, казалось бы, перепробовало все варианты региональной политики – от унитаризма до федерализма. В 1939 г. хорватские земли (две прежние бановины) были выделены в Хорватскую бановину – особую автономию с достаточно широкими полномочиями. Вслед за этим должно было, по-видимому, последовать распространение подобной автономии на словенские земли (преобразование Дравской бановины в Словенскую) и затем – образование третьей, сербской федеральной единицы (Сербской бановины). Этому, однако, помешала война. Сербская бановина так никогда и не была создана. Наоборот, забегая вперед, отметим, что на территории, на которую она могла бы теоретически претендовать, начали создаваться новые нации и новые республики.

Несмотря на все ухищрения, сербско-хорватские противоречия так и не были урегулированы. В преддверии войны они

продолжали растаскивать страну, в середине которой была Босния, в разные стороны. Именно по этой оси распалась «первая», а затем и «вторая» Югославия.

«Вторая», титовская, Югославия в поисках решения национального вопроса – от формально федеративного, но по сути унитарного устройства по типу Советского Союза до фактически конфедеративного по конституции 1974 г. – в чем-то повторила путь королевской Югославии. И с тем же «успехом». Это замечено не только нами. Например, внимательный исследователь югославского «самоуправления» П.Е. Кандель пишет: «“Вторая Югославия” не только повторила судьбу “Первой”, вновь пройдя путь от централизма до федерализации и распада. Несмотря на все различия в их общественном и политическом строе, по сути, на этой сцене была дважды поставлена одна и та же драма, сюжет которой – национальный вопрос»²⁸.

Административные границы между федеративными республиками в «титовской Югославии» фактически возвращали всю ситуацию ко времени до Первой мировой войны, реанимировали старые так называемые «исторические границы» между Австро-Венгрией, Сербией и Черногорией. Как будто бы межвоенного периода просто не существовало. Кроме того, административно из Сербии были выделены автономные края Воеводина и Косово и Метохия. Существовали планы создания также автономного края Санджак. В то же время были предложения присоединения к Сербии на правах автономии Боснии и Герцеговины, но шансов на реализацию они фактически не имели. Последняя попытка всесербского объединения была предпринята во время распада «второй Югославии» на начальном этапе югославского кризиса в первой половине 1990-х годов. Этому, как известно, жестко воспрепятствовало так называемое мировое сообщество. Таким образом, сербы вновь оказались разделенным народом. Эта проблема, которую часто называют «сербским вопросом», из XIX в. перескочила в XXI в.

С «сербским вопросом» тесно связана и проблема сербского национального самосознания. В первой половине XIX в. национальное самосознание сербов было самым развитым по сравнению с соседними народами, к концу же XX в. оно оказалось самым размытым. В этом смысле можно говорить даже о том, что процесс оформления сербской нации до сих пор еще окончательно не завершился.

28 Кандель П. Югославский «Вавилон» // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 10. С. 105.

В самой Сербии существуют серьезные региональные различия, есть разногласия между жителями собственно Сербии – «сербиянцами» — и живущими за Савой, Дунаем и Дриной «пречанами», между сербами из Центральной Сербии и сербами из Косово, между сербами и черногорцами (часть которых все интенсивнее формируется в отдельную от сербов нацию) и т. п. Существуют две версии сербского литературного языка (закрепленные реформой В. Караджича), а в Черногории уже на официальном уровне признается существование черногорского языка²⁹. Нельзя не сказать и о преобладании в Черногории и достаточно распространенного в Сербии латинского письма вместо родной для сербского языка кириллицы.

Отражением всех этих противоречий стало то, что с XIX в. в Сербии существовали три концепции, три взгляда на перспективы развития государства: развитие в рамках существующих границ («узкосербская»), достижение в каких-либо формах всесербского объединения («великосербская») и объединение также в каких-либо формах с другими южными славянами (югославизм).

Еще одна подобная проблема – почему сербская нация потеряла к сегодняшнему дню все свои иноконфессиональные и ино-религиозные ответвления? Почему для сербов потеря веры всегда означала потерю национальности? Многочисленные некогда сербы-католики превратились теперь в хорватов, а сербы, принявшие ислам, образовали со временем отдельную «мусульманскую», ныне – боснийскую нацию. В то же время существуют многочисленные противоположные примеры. На тех же Балканах живут албанцы – не только мусульмане, но и католики и православные.

Такую ситуацию сербский академик В. Крестич объясняет, в частности, разрывом в истории сербской государственности после уничтожения сербских средневековых государств, а также уничтожением сербской элиты после турецкого завоевания³⁰. Мы бы добавили, что сербская государственность прервалась фактически еще раз в 1918 г., когда она была растворена в

29 См., например: *Ивић П.* Књижевни језик као инструмент културе и продукт историје народа // *Историја српске културе*. Горњи-Милановац; Београд, 1994. С. 49; *Јокановић Д.* Је ли Његош знао црногорски // *Глас црногораца*. 1999. 12 новембра.

30 *Крестић В.* О интеграцији и дезинтеграцији српског народа // *Српско питање данас*. Други конгрес српских интелектуалаца (Београд, 22–23. април 1994). Београд, 1995. С. 40.

государственности югославской. Сербский историк Дж. Станкович справедливо отмечает, что после 18-го года началась «демобилизация сербов». Тяжелые последствия имел также разрыв государственности после нападения на Югославию гитлеровской Германии и победы коммунистов в национально-освободительной и гражданской войнах. И вновь сильнее всего пострадал господствующий слой³¹.

На «демобилизацию» сербов, конечно, не могли не повлиять и огромные жертвы в годы двух мировых войн. Напомним, что в Первую мировую войну погибло около 1 млн. сербов. Немногим меньше, но сопоставимо погибло сербов и в годы Второй мировой войны (цифры потерь до сих пор остаются дискуссионными, в Сербии их часто завышают, в Хорватии – занижают).

Говоря о национальной политике Сербии, позволим себе затронуть еще проблему так называемых «этнических чисток». До Первого сербского восстания на территории Белградского пашалыка проживало 40–50 тыс. турок и потурченцев, а православных сербов – около 400 тыс. То есть мусульманином был почти каждый десятый. Накануне Второго сербского восстания мусульманское население сократилось вдвое и составляло уже около 24 тыс.³² В дальнейшем борьба сербского народа за независимость была также неразрывно связана с изгнанием из страны турецкого населения и прежде всего ликвидацией турецких крепостей с гарнизонами в сербских городах (1862 и 1867 гг.). Принцип был один: «чем меньше турок, тем свободнее Сербия».

Уместно вспомнить и другую часть сербского народа – черногорцев, которые под девизом «Очистим Черногорию от турецкого духа» в ночь под Рождество 1709 г. истребили несколько тысяч потурченцев. Изгнание черногорцев-мусульман продолжалось весь XVIII век.

В новой сербской истории были попытки несколько изменить такой характер борьбы за независимость. В частности, у И. Гарашанина в «Начертании» предполагалось сотрудничество с мусульманами, особенно в Герцеговине³³. Однако развития эта тенденция не получила.

31 Там же. С. 41–42.

32 Љушић Р. Српска револуција // Љушић Р. Србија 19. века. С. 17.

33 Он же. Турско наслеђе у Кнежевини и Краљевини Србији // Србија 19. века (2). С. 76–77.

Насильственные этнические перемещения происходили, разумеется, не только в Сербии, не только на Балканах и не только в XIX в. Ими изобилует весь XX век. Можно также сказать, что от «этнических чисток» в конечном счете больше всех пострадали сами сербы. Хорошо известны массовые притеснения и убийства, настоящий геноцид, развязанный против сербского населения в Независимом государстве Хорватия во время Второй мировой войны. В титовской Югославии получил дальнейшее распространение процесс выдавливания сербов и черногорцев из Косово и Метохии. Наконец, миллионы людей, и опять больше всего сербов, были изгнаны с насиженных мест в конце XX в. во время югославского кризиса, когда и получил широкое хождение термин «этнические чистки». Понятно, что периодически повторявшиеся на Балканах «этнические чистки» были связаны прежде всего с чересполосным проживанием в этом регионе разных народов, невозможностью для них жить вместе и одновременно мирно разделиться.

Не была чем-то исключительным, резко отличающим Сербию от других стран и «конституционная идея». В Сербии она, по словам С. Йовановича, означала ограничение власти князя, а впоследствии короля. Ту же цель преследовали при своем появлении конституции и в других странах. Сербию, пожалуй, отличало лишь небывалое количество принимаемых конституций.

Перечислим сначала сербские конституции: 1) так и не вступившая в действие «Сретенская конституция» 1835 г.; 2) первая действовавшая «турецкая» конституция 1838 г.; 3) конституция 1869 г. (первая написанная самими сербами); 4) известная своим либерализмом и явно обгонявшая свое время конституция 1888 г.; 5) конституция 1894 г. (возвращение конституции 1869 г.); 6) конституция 1901 г.; 7) конституция 1903 г. (восстановление конституции 1888 г.). Затем идут две югославские конституции из межвоенного периода: 1) Видовданская конституция 1921 г. и 2) октроированная конституция 1931 г. Еще четыре конституции были приняты в послевоенные годы³⁴: 1) конституция ФНРЮ 1946 г.; 2) конституционный закон 1953 г. (по значимости равный конституции и закреплявший поворот к так называемому «рабочему самоуправлению»); 3) конституция СФРЮ 1963 г. (взявшая курс на «общественное

34 Мы говорим лишь о югославских конституциях, оставляя за скобками республиканские сербские конституции, которые играли все же подчиненную роль.

самоуправление»); 4) конституция 1974 г. (означавшая официальный переход к «социалистическому самоуправлению», но фактически вводившая конфедеративное устройство). Конституции коммунистической Югославии являлись юридическим оформлением декларируемых попыток распространения «самоуправления» на все новые стороны жизни югославского общества. После распада титовской Югославии была образована Союзная Республика Югославия в составе Сербии и Черногории, которая базировалась на конституции СРЮ от 1992 г.

Таким образом, Сербия и Югославия (все три ее «реинкарнации») имели каждая по 7 конституций. Еще одна, так называемая конституционная хартия, регулировала отношения внутри существовавшего три года (2003–2006 гг.) государственного сообщества Сербии и Черногории. Наконец, 28–29 октября 2006 г. была принята ныне действующая Конституция Республики Сербии (первая конституция сербского государства после 1903 г.).

Разумеется, такая частота принятия новых конституций характеризует крайне неустойчивый политический режим на всем 200-летнем отрезке новой сербской государственности, постоянные поиски и изменения путей развития. Об этом говорит и то, что два раза сербские короли – Александр Обренович и Петр I Карагеоргиевич – восстанавливали старые, отмененные до этого конституции, и то, что несколько раз в истории Сербии (Югославии) конституции вообще отменялись и вся власть переходила к верховному правителю.

Кстати, типичным для Сербии оказался институт наместничества, или регентства, который заслуживает особого изучения. Различные наместничества проходят через всю новую сербскую историю: регентство при смертельно больном князе Милане Обреновиче и затем до признания Портой князем его брата Михаила Обреновича (1839–1840); два регентства, возглавляемые Й. Ристичем, при малолетних будущих королях Милане (1868–1872) и Александре (1889–1893) Обреновичах; с 1914 г. регентом при своем отце Петре Карагеоргиевиче стал будущий «король-объединитель» Александр I, и, наконец, в 1934 г. после его убийства был образован регентский совет при малолетнем наследнике Петре II. «Страсть» к коллективному руководству сохранилась и в дальнейшем. После смерти Тито было фактически сформировано «регентство» над уже «больным» югославским государством, когда функционировал Президиум, составленный из представителей всех югославских республик.

Все это отражает сложный процесс складывания сербской государственности, в частности, слабость и неукорененность двух соперничавших сербских династий — Карагеоргиевичей и Обреновичей (не считая третьей сербской династии Петровичей-Негошей, существовавшей в Черногории). В Сербии за почти 140-летнее поочередное нахождение на престоле представителей двух династий власть крайне редко переходила от отца к старшему сыну: фактически это случилось только дважды, когда королями стали Александр Обренович и Петр II Карагеоргиевич, да и то отца первого заставили отречься от престола, а отец второго был убит в результате теракта. Насильственное прекращение полномочий того или иного монарха было скорее правилом, чем исключением. В своей монаршей постели умерли только Милош Обренович (успевший побывать до этого в 20-летней ссылке) и Петр I Карагеоргиевич, лишенный власти своим сыном. В целом династии в Сербии менялись четыре раза: по два раза каждая³⁵.

Наконец, в 2003 г. в Сербии был застрелен премьер-министр страны З. Джинджич, который пополнил ряды сербских политиков, возглавлявших страну и умерших не своей смертью. Это случилось ровно через сто лет после убийства в мае 1903 г. в Белграде группой офицеров-заговорщиков короля Сербии Александра Обреновича и королевы Драги. Но еще раньше, в 2000 г., был убит бывший председатель Президиума Союзной Республики Сербия Иван Стамболич, отстраненный от власти еще в 1987 г. Таким образом, возглавлявшие Сербию непосредственно до и после Милошевича сербские политики закончили свой земной путь одинаково — насильственным путем. Даже исполнитель был один и тот же — сербские спецслужбы.

Тема насильственной смены власти в Сербии тесно связана с темой сербского офицерства, престижа военной службы, общей милитаризации сербской политики. На определенном этапе развития страны вместо государственного аппарата, чиновничества именно армия стала одновременно и опорой, и угрозой для правящего режима. Кстати, и в наместничества, как правило, входили военные.

Это отмечают и сербские историки. Так, Д. Джорджевич считал, что в конце XIX в. государственный аппарат из-за партийных

35 Љушић Р. Државно-друштвена и генерацијска периодизација... С. 17. Кстати, в Сербии существовала, по-видимому, реальная возможность основания еще какой-нибудь династии. По некоторым данным, глубоко скрытые претензии на сербский престол имел, например, Илия Гарашанин (1812–1874). По крайней мере, его в этом обвиняли.

распрей перестал быть надежной опорой правящего режима и эта роль постепенно перешла к регулярной армии, которая стала активным участником сербской политической жизни³⁶. Р. Люшич полагает, что армия приобрела новое значение и роль в политической жизни Сербии еще раньше, начиная со второго правления Михаила Обреновича, и именно он – «творец нашего милитаризма»³⁷. Можно вспомнить и известную тайную офицерскую организацию «Черная рука» во главе с Драгутином Димитриевичем-Аписом³⁸, и то, что опорой Александра Карагеоргиевича еще со времен Первой мировой войны была другая офицерская группировка, называвшаяся «Белой рукой».

Сербское офицерство стремилось сыграть в истории своей страны политическую роль и в дальнейшем. Назовем, в частности, движение четников Драголюб (Дражи) Михайловича во время Второй мировой войны, попытки руководства Югославской народной армии не допустить развала единой страны в начале 1990-х годов, наконец, упоминавшийся нами выход на политическую сцену сербских спецслужб в конце милошевичевского правления.

Офицерство пыталось заполнить нишу потомственной элиты, отсутствовавшей в Сербии после турецкого завоевания. Однако с проблемой неполной социальной структуры сербского общества связана и другая тема – более обширная и почти главная для Сербии. Имеется в виду феномен сербского крестьянства. После изгнания турок Сербия превратилась в страну лично свободных мелких земельных собственников. Это дало основание многим наблюдателям и исследователям говорить о Сербии как о «рае для маленького человека», в котором существовала «земледельческая демократия».

Характерно, что в самой Сербии после обретения автономии, в отличие, например, от сопредельных Боснии или Болгарии, практически не было крупных крестьянских движений. Речь идет скорее о дворцовых переворотах, о которых мы упоминали. Бунтовать в «раю» не было серьезных причин. Консервативная крестьянская сила, возможно, мешала более быстрой модернизации страны, но одновременно придавала Сербии, несмотря на все политические

36 *Ђорђевић Д.* Указ. соч. С. 53–86; см. также: *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903 гг. М., 1996. С. 20.

37 *Љушић Р.* Михаило Обреновић (1823–1868) // *Љушић Р.* Србија 19. века. С. 133.

38 Подробнее см., например: *Макензи Д.* Апис. Гениальный конспиратор. М., 2005.

катаклизмы, большую устойчивость. Впрочем, завершение Восточного кризиса в 1878 г. за редким исключением означало и для других балканских стран завершение эпохи больших крестьянских восстаний³⁹.

Огромная роль крестьянства в Сербии во многом сохранилась до наших дней. Сербия никогда бы не выстояла в период санкций и агрессии со стороны НАТО без своего крестьянства. Именно оно сумело прокормить заметно обнищавший город. Возможно также, что именно из-за позиции крестьянства Сербия вступила на путь трансформации заметно позже своих региональных соседей.

Напомним, что режим С. Милошевича во многом держался на голосах сельских избирателей, которые, в отличие от жителей Белграда и других крупных городов, всегда голосовали за социалистов. Голоса сельского населения еще больше выросли в цене в связи с известной деурбанизацией Сербии во время югославского кризиса, отъездом интеллигенции и учащейся молодежи за границу.

Но затем, как это ни парадоксально, крестьянство сыграло чуть ли не решающую роль в смещении С. Милошевича во время «малой октябрьской революции» в Белграде в 2000 г. Оно, наконец, отказало ему в поддержке и, более того, направило в Белград своих представителей на тракторах и бульдозерах. Отсюда эту революцию иногда называют «бульдозерной». В этом – известная специфика сербского отказа от коммунизма.

Но, разумеется, политическую жизнь в Сербии определяли не только военные круги или представители крестьянства. С развитием парламентаризма в Сербии⁴⁰ начинает функционировать партийная система. Уже после Святоандреивской скупщины (1858 г.) в княжестве формируются два политических течения – либералы и консерваторы. В 1881 г. создаются политические партии и происходит перегруппировка политических сил на радикалов, напредняков (прогрессистов) и либералов. Наиболее влиятельной в независимой Сербии была Радикальная партия⁴¹. Она же и вновь образованная Демократическая партия были самыми заметными сербскими политическими организациями в межвоенный период, то есть в период между двумя мировыми войнами. Эти партии

39 *Ђорђевић Д.* Указ. соч. С. 51.

40 Подробнее о сербском парламентаризме будет сказано в следующей главе.

41 См.: *Крестић В., Љушић Р.* Програми и статуту српских политичких странака до 1918. године. Београд, 1991.

чаще всего находились у власти, вступая в коалиции с другими партиями из несербских областей.

После 1945 г. партийная система в стране была полностью разрушена. Монополия на власть принадлежала Союзу коммунистов Югославии. Лишь через 45 лет, в конце 1989 – начале 1990 г., в канун первых многопартийных выборов в Сербии, партийная система стала возрождаться. Коммунисты стали социалистами, а конкуренцию им составили правые партии, некоторые из которых воспользовались старыми, «историческими» названиями.

Однако при всем различии партийных систем в Королевстве Сербии, Королевстве Югославии, СРЮ и сегодняшней Сербии у них были и общие черты. Попытки сербских партий и в межвоенный период, и в период распада титовской Югославии стать общегославскими успеха не имели. Во время парламентских выборов как в конце XIX в., так и в конце XX в. соревновались главным образом не партийные программы, а партийные лидеры. По именам своих лидеров партии и вошли в сербскую историю: радикалы Н. Пашича, демократы Л. Давидовича, социалисты С. Милошевича, радикалы В. Шешеля и т. п. Персонафикация сербского политического поля сохраняется до сих пор.

Еще одна проблема, о которой хотелось бы сказать: позиция России и российско-балканские, в частности российско-сербские, связи. Эта проблема, кстати, в чем-то связана с крестьянской проблематикой, так как именно сербские крестьяне и раньше, и в наши дни генерируют то самое знаменитое русофильство сербского народа, о котором мы уже говорили. В то же время часть сербской элиты с известной периодичностью заглядывается на более богатый и развитый Запад. Европеизация Сербии была необходима, но без отрыва от собственных корней. Часто односторонняя ориентация, например на Австрию, приводила к глубокому расколу сербского общества. И именно поэтому падение правителей в Сербии «по некоей фатальной случайности» (выражение того же С. Йовановича)⁴² происходило в период ухудшения отношений с Россией.

В основе Восточного вопроса, как известно, лежали сложные взаимоотношения западных стран с Россией в связи с разрешением кризиса в Османской империи. Эти отношения, как правило, сводились к тому, что западные державы «выдавливали» Россию из Балкан, пытались заменить российское влияние своим, осла-

42 *Јовановић С.* Указ. соч. С. 450.

бить связи между русским и местными народами. Можно сказать, что западные страны (хотя они, естественно, были неоднородны) чаще играли на Балканах достаточно агрессивную роль, хотя и обвиняли в этом Россию. Вспомним два удивительных по сходству ультиматума, предъявленных Сербии Австро-Венгрией в 1914 г. и НАТО в 1999 г. Оба они были заведомо неприемлемы для сербов, изначально нацелены на войну, к которой и привели.

Политика же России по отношению к Сербии и на Балканах «в целом была обычно более консервативной и менее агрессивной, чем это нередко изображается в литературе»⁴³. Этот вывод И.С. Достян сделала для первой трети XIX в., однако его вполне можно распространить практически на весь период до Первой мировой войны.

Приход к власти югославских коммунистов в годы Второй мировой войны был во многом обеспечен военной и дипломатической поддержкой СССР. Но затем, в связи с конфликтом 1948 г., две страны балансировали даже на грани вооруженного конфликта. Однако и в этот период решимость Советского Союза начать вторжение в Югославию, по-видимому, преувеличивается.

После нормализации отношений с Югославией во второй половине 50-х годов XX в. Советский Союз уже не предпринимал усилий для изменения сложившейся расстановки сил на Балканах. Такой же фактически была политика СССР и новой России, когда начался югославский кризис. Более того, российское руководство в первой половине 1990-х годов стало, по сути, подыгрывать западным странам во главе с США, взявшим курс на перекройку карты Балкан и на их втягивание в сферу своего влияния⁴⁴.

43 Достян И.С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972. С. 338.

44 О российской политике на Балканах, проблемах российско-сербских отношений, сербском русофильстве см. далее.

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В СЕРБИИ В XX ВЕКЕ

Вплоть до нового времени Запад и Восток развивались достаточно изолированно друг от друга. Однако постепенное возвышение Запада и открытие им (а иногда и насильственное «взламывание») других цивилизаций полностью изменило характер всех мировых процессов. Начался технологический отрыв Запада от Востока, который к началу XX в. приобрел уже абсолютные формы. В результате Запад перестал выглядеть просто как одна из цивилизаций наряду с другими – незападными. Он стал трактоваться многими исследователями как особая «центральная», «всемирная» цивилизация, превосходящая все другие общества, а мировой исторический процесс стал представляться простым расширением западной цивилизации, поглощающей все окраинные. Это и стало фактически основой возникновения теории политической модернизации. И в этом смысле между модернизацией и «вестернизацией» (европеизацией) можно поставить знак равенства⁴⁵.

Добавим и то, что марксистское учение о смене общественно-экономических формаций – так называемая «пятичленка» – имеет в своей основе такое же линейное развитие, как и теория модернизации. Не случайно именно поэтому теория модернизации получила в России широкое распространение, именно она больше соответствовала привычному для большинства исследователей пониманию исторического процесса.

Пример модернизации в XX в. (в смысле модернизации, «догоняющей» ушедшие вперед западные образцы) дает Сербия. Причем традиционное сербское общество обладало всем «классическим» набором препятствий, которые, как считается, мешают модернизации. Они определяются как отсутствие социальной мобильности, ориентация на конечные и вечные ценности в противовес повседневным, практическим; неспособность к постоянному, каждодневному упорному труду; фатализм; этноцентризм; чувство гордости и достоинства; консервативные нормы скромности; привязанность к «своей» земле, «своему» языку; опора на обычаи и традиции; высокие моральные ориентации и пренебрежение реальными условиями существования и т. п.⁴⁶

45 См.: *Ерасов Б.С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность. М., 2002. С. 362–370.

46 Там же. С. 367–368.

Принято даже считать, что жизнь в традиционном обществе вообще не знает политики в современном смысле этого слова. Однако в дополнение к этим общим факторам, препятствующим модернизации, Сербия обладала и своими индивидуальными. В частности, это – неполная социальная структура сербского общества, отсутствие потомственной элиты и феномен сербского крестьянства. Мы уже упоминали, что после изгнания турок Сербия превратилась в страну лично свободных мелких земельных собственников. И это, несомненно, придавало Сербии, несмотря на все политические катаклизмы, бóльшую устойчивость. В то же время, сохраняя традиционный уклад жизни, консервативная крестьянская сила, естественно, мешала более быстрой модернизации страны.

Именно на этом фоне в Сербии все-таки начинает развиваться парламентаризм, нормальное функционирование которого является одним из показателей успешности процесса модернизации страны. Кроме того, парламентаризм в современных условиях – один из главных показателей развитости государственности той или иной страны. Поэтому интересно проследить, как институт парламентаризма функционировал в сербском обществе, как он влиял на это общество, а оно – на него.

Наконец, упомянутые «классические» препятствия модернизации сформулированы западными творцами этой теории. Но то, что на Западе выглядит минусом, на Востоке может быть «плюсом». Ведь можно только приветствовать любовь к родной земле и языку, скромность, чувство достоинства и т. п. Таких различий масса, и гораздо более существенных. Недаром так часто цитируют слова Редьярда Киплинга о том, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись».

Развитие человеческого общества показывает, что классический Восток до сего дня почти не модернизируется или модернизируется чисто внешне. Другое дело такие страны, как Сербия, которые, по сути, никаким Востоком не являются. Или, как любят говорить некоторые сербские интеллектуалы: «Сербия – это Запад для Востока и Восток для Запада».

* * *

Начало XX в. Сербское королевство встретило и без конституции, и без парламента. Оппозиция была также разогнана. Правда, вскоре король Александр Обренович перешел к заигрыванию с оппозицией. Это выразилось в разработке новой конституции,

для чего король настоял на совместной работе двух непримиримых соперников – Радикальной и Напредняцкой партий. Соглашение между ними, получившее позже название «фузия» (объединение, слияние. – *К.Н.*), вылилось в новую конституцию, которая была октроирована указом Александра Обреновича в апреле 1901 г. Эта так называемая Апрельская конституция впервые вводила в Сербии двухпалатный парламент, который состоял из скупщины и сената. В отличие от скупщины, только 1/3 сената избиралась, причем пожизненно. Из членов сената король формировал Государственный совет, функции которого расширились⁴⁷.

Система власти по Апрельской конституции продолжала оставаться автократической, и о возврате к парламентаризму говорить фактически было трудно. А главное – по этой конституции сербский парламент просто не успел поработать. Уже в мае 1903 г. Александр Обренович был убит офицерами-заговорщиками, и вся система власти изменилась.

Считается, что майский переворот «был одним из редких путей, которые вместо военной диктатуры отдают власть демократически избранным представителям народа»⁴⁸. Уже на следующее утро после переворота было сформировано временное правительство, которое сразу же созвало распущенную скупщину, а она, в свою очередь, с небольшими изменениями восстановила либеральную конституцию 1888 г.

Конституция 1903 г. оказалась последней конституцией Сербии до образования югославского государства. Согласно этой конституции, Сербское королевство объявлялось наследственной конституционной монархией с народным представительством. Парламент (скупщина) получил право законодательной инициативы и контроля над государственным бюджетом. Конституция восстанавливала права и свободы граждан. Выборы в скупщину были прямыми и тайными.

Скупщина призвала на сербский престол внука основателя нового Сербского государства, 60-летнего Петра Карагеоргиевича. Он присягал уже на новой конституции 1903 г. Таким образом, после дворцового переворота 1903 г. в Сербии установился режим конституционной парламентской монархии.

47 См.: *Љушић Р.* Историја српске државности. Књ. 2. Србија и Црна Гора. Нови Сад, 2001. С. 213–214.

48 *Батаковић Д., Протић М.Ст., Самарџић Н., Фотић А.* Нова историја српског народа. Београд, 2002. С. 186.

Конституция обеспечивала достаточно широкий круг политических свобод, а Петр I Карагеоргиевич старался править строго по конституции, став одним из самых либеральных и популярных сербских монархов. Десятилетие после его прихода к власти вошло в историю Сербии под необычным для этой страны названием – «золотая пора», или даже «эра Перикла»⁴⁹. Конечно, в преданиях о любом «золотом веке» всегда есть большая доля преувеличения. Сербский случай – не исключение. Парламентская форма и ее реальное содержание расходились очень значительно. Но если принять во внимание дальнейший ход сербской истории в XX в., такую оценку можно если не принять, то вполне понять.

Главной политической силой в стране была Радикальная партия, расколовшаяся в тот период на два течения. «Старорадикалы» имели в скупщине доминирующее положение, второе место в ней занимали «младорадикалы», которые в 1904 г. образовали собственную Самостоятельную радикальную партию. Эти два радикальных течения поочередно и возглавляли правительства, в том числе и в коалиции друг с другом. По существу в стране сложилась своего рода полуторпартийная политическая система: «старорадикалы» и «самостальцы» всегда имели голосов намного больше, чем все их соперники вместе взятые. В социально однородном и политически не структурированном сербском обществе избирательная процедура «не только не обеспечивала торжество плюрализма, но напротив – закрепляла политическую монополию одной-единственной партии, выражавшей интересы большинства населения»⁵⁰.

С 1912 г. Сербия входит в шестилетний период войн, когда о реальном парламентаризме можно было забыть. Хотя скупщина номинально существовала и в годы Первой мировой войны: во время знаменитого отступления сербских войск зимой 1915/1916 г. и даже в изгнании на греческом острове Корфу.

Мирная история для сербов возобновилась только 1 декабря 1918 г., когда принц-регент Александр Карагеоргиевич от имени короля Петра провозгласил в Белграде создание Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевства СХС). Причем в эту новую историю для сербов и других югославян «сербский народ вводили

49 Батаковић Д., Протић М.Ст., Самарџић Н., Фотић А. Указ. соч. С. 187.

50 Шемякин А.Л. Сербское общество на рубеже XIX–XX вв.: традиционализм и модернизация. Взгляд изнутри // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. СПб., 2002. С. 41, 45.

старые, усталые и опустошенные политики, образ мышления и политические взгляды которых принадлежали XIX веку»⁵¹.

Еще два с половиной года до Учредительной скупщины и принятия первой конституции нового государства длился так называемый переходный или временный (по-сербски – «провизорный») период. Попытки в этот период распространить на новые земли действие сербской конституции 1903 г. не увенчались успехом. Действие этой конституции распространилось только на Вардарскую Македонию, Косово и Метохию⁵², которые после Первой балканской войны существовали фактически вне рамок правового поля. Формально в этот период временный парламент – Временное народное представительство – все-таки существовал. Однако он не был избран, а явился результатом соглашения между различными партиями.

Фактически уже в переходный период обнаружилось главное противоречие Королевства СХС – проблема его государственного устройства. Большинство сербов, исходя из своего старого опыта, выступали за централизованное государство, похожее скорее на расширенную довоенную Сербию. Хорваты, исходя из другого опыта, были в основном приверженцами федералистских или даже конфедералистских идей. В то же время среди сербской элиты (и в значительно меньшей мере – хорватской) была распространена и концепция так называемого «интегрального югославизма». Она исходила из представления о том, что сербы, хорваты и словенцы – один народ, который только в силу различных обстоятельств оказался разделенным на три части. Главным сторонником и пропагандистом этой концепции была Демократическая партия. Таким образом, существовали три взгляда на развитие Королевства СХС: два старых – сербский и хорватский и один новый – югославянский⁵³. Последний был, конечно, не равноудаленным от двух первых, а – в «сербском обличье».

Наконец, надо сказать и о словенской позиции. Ее суть хорошо охарактеризовал будущий главный соратник Тито Э. Кардель, словенец по национальности. Он писал, что в Словении в разных вариантах ставка делалась «на карту сербско-хорватских противо-

51 Димић Љ. Указ. соч. С. 34.

52 Сумарокова М.М. Часть I. Глава 6. Югославия // Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1917–1929 гг. М., 1988. С. 226–228.

53 Батаковић Д., Протић М.Ст., Самарџић Н., Фотић А. Указ. соч. С. 282.

речий», а сами словенские политики выторговывали себе многие уступки, пытаясь играть «роль стрелки на весах»⁵⁴.

В ноябре 1920 г. состоялись, наконец, выборы в Учредительную скупщину. А еще через полгода, 28 июня 1921 г., в годовщину Косовской битвы в день Св. Витта (по-сербски – Видовдан) после многочисленных консультаций демократам и радикалам удалось склонить Учредительную скупщину к одобрению проекта конституции. Причем конституция была принята не конституционным, как предполагалось ранее, а простым большинством голосов.

По Видовданской конституции сербско-хорватско-словенское государство узаконивалось как парламентская наследственная монархия во главе с династией Карагеоргиевичей. О парламентаризме говорилось уже в первой статье конституции, и это было впервые в сербской истории, так как конституция 1903 г. понятие «парламентаризм» не упоминала. Однопалатная Народная скупщина (парламент) наравне с королем считалась верховным законодательным органом. Принятые скупщиной законы подлежали утверждению королем, который также имел право созыва и роспуска парламента.

Правительство объявлялась ответственным перед королем и скупщиной, но фактически оно в наибольшей степени зависело от монарха, которому принадлежало право назначения премьер-министров, отправки кабинета министров в отставку и т. п. Достаточно привести известный факт: за 10 лет видовданского режима сменилось более двадцати правительств. Причем только два правительства были заменены по решению скупщины, остальных отправил в отставку Александр Карагеоргиевич.

Тем не менее, правительство было после монарха вторым политическим центром силы в стране. Именно за преобладание в нем шла политическая борьба. Скупщина же мало что решала. С. Прибичевич, представлявший интересы сербского населения Хорватии, говорил в декабре 1925 г., что «наш парламент не имеет никакой силы, ни значения, ни авторитета, он не может ничего сделать»⁵⁵.

Принципиальных различий между конституциями 1903 г. и «видовданской» относительно трактовки парламентаризма не

54 Кардель Э. Из предисловия ко 2-му изданию труда «Развитие словенского национального вопроса» (Белград, 1960) // Нация и международные отношения. Белград, 1975. С. 19–20.

55 Цит. по: Сумарокова М.М. Часть II. Глава 6. Югославия. // Указ. соч. С. 488.

было. Различия были в парламентской практике. В Королевстве СХС она намного чаще противоречила провозглашенным принципам, чем это было в начале века⁵⁶. Разница была и в восприятии парламентаризма у Петра Карагеоргиевича и его сына. Во время войн и переходного периода Александр привык править единолично, привык обходиться без парламента. Привыкли к этому и политические партии, и население, среди которых парламентаризм и раньше не успел как следует укорениться.

Видовданская конституция наделяла избирательным правом только мужчин. Для женщин предстояло разработать специальный закон. Но он так и не был принят, и женщины первый раз проголосовали только в 1945 г., уже в совершенно иных условиях⁵⁷.

Первым парламентом нового югославского государства стала сама Учредительная скупщина. По указу короля именно она была преобразована в Народную скупщину, после того как принятием конституции Королевства СХС Учредительная скупщина исчерпала свои полномочия.

Выборы в Учредительную скупщину определили четыре главные политические силы королевства: две правящие сербские партии – Радикальная и Демократическая и две оппозиционные – Хорватская народная крестьянская партия и Коммунистическая партия. Первые две партии ожесточенно боролись друг с другом, а оппозиция оказалась внесистемной. Коммунисты фактически взяли курс на насильственное свержение существующего строя, а Хорватская народная крестьянская партия отказалась участвовать в работе Учредительной скупщины. В начале декабря 1920 г. она по предложению своего лидера С. Радича была демонстративно переименована в Хорватскую республиканскую крестьянскую партию (ХРКП). Руководство партии заявило о своем намерении добиваться созыва Хорватского сабора и провозглашения независимой Хорватской крестьянской республики. В результате обе партии были запрещены: КПЮ еще в конце 1920 г., а ХРКП – в самом начале 1925 г.

В отличие от ХРКП, сумевшей сплотить вокруг себя все хорватское население, сербские партии не только враждовали между собой, но и действовали в основном только на территории Сербии. «Пречанские» (то есть проживавшие в бывшей Австро-Венгрии за реками Дунай, Сава и Дрина) сербы были фактически предоставлены сами себе.

56 Димић Љ. Указ. соч. С. 93.

57 Goldstein I. Hrvatska 1918–2008. Zagreb, 2008. S. 58–59.

Только в 1925 г., после ареста С. Радича, руководство ХРКП заявило, наконец, о признании Видовданской конституции и династии Карагеоргиевичей. Из названия партии было исключено слово «республиканская», и она была переименована в Хорватскую крестьянскую партию (ХКП). На основе этого заявления и последовавших соглашений было создано коалиционное правительство из представителей Радикальной партии и ХКП, а сам Радич выпущен на свободу. После тюремных нар он попал сразу в министерское кресло.

Итак, можно сказать, что переходный период длился в Хорватии вплоть до 1925 г. В течение этого времени ведущая хорватская партия саботировала центральную власть, в Хорватии сохранялась старая административная система и не применялись многие законы⁵⁸. Не лучше было и в других исторических областях страны. Фактически все еще существовало шесть различных правовых систем со своим законодательством и судопроизводством. В итоге за одно и то же преступление в разных областях наказывали по-разному. Многочисленные правовые пустоты заполняло нормотворчество самого Александра Карагеоргиевича⁵⁹. В этом смысле можно сказать, что переходный период длился даже до 1929 г.

Относительное сотрудничество ХКП и радикалов продолжалось всего около двух лет. (И даже в течение этого времени Радич, хотя и вошел в состав правительства, продолжал его критиковать.) В конце 1927 г. ХКП и выделившаяся из Демократической партии Независимая демократическая партия С. Прибичевича, выступавшего до этого с позиций убежденного монархиста и централиста, договорились о создании Крестьянско-демократической коалиции. Образовывался единый фронт всех ведущих «пречанских» политических сил против центральной власти. В определенной степени «Пречанский фронт» был обновлением Хорватско-сербской коалиции начала века⁶⁰. Одновременно общесербский политический фронт был окончательно раздроблен.

Между Крестьянско-демократической коалицией и правительственным большинством в скупшине разгорелась ожесточенная

58 См., например: *Силкин А.А.* Создание коалиции Н. Пашича и С. Радича и крах «видовданской политики» Белграда // *Югославянская история в новое и новейшее время.* М., 2002. С. 208.

59 *Димић Љ.* Указ. соч. С. 95–96.

60 *Батаковић Д., Протић М.Ст., Самарџић Н., Фотић А.* Указ. соч. С. 288.

борьба, усугубившая хронический политический кризис, в том числе кризис парламентаризма. В стенах скупщины раздавались взаимные оскорбления и угрозы, часто доходило и до выяснения отношений на кулаках. В июне 1928 г. во время дебатов в скупщине депутат от Радикальной партии П. Рачич из пистолета убил двух хорватских депутатов и смертельно ранил С. Радича. «Видовданский» парламентаризм запомнился именно этим трагическим эпизодом.

По мнению хорватского историка Иво Голдштайна, «покушение на Радича и его соратников оказало шокирующий эффект на положение в Хорватии». Оно не только решило судьбу парламентаризма в Королевстве СХС, но имело и другие далеко идущие последствия. На многие годы вперед это покушение травмировало хорватское общество и хорватско-сербские отношения. И более того: «Убийство Радича и его партийных коллег стоит в начале процесса распада Югославской монархии»⁶¹.

Интересно, что при жизни Степана Радича даже в Хорватии многие его остро критиковали. Однако когда он погиб, то все признали его заслуги, и он превратился в «Великую Личность»⁶². Много позже подобная метаморфоза произошла с сербским премьером Зораном Джинджичем. Не будучи популярным при жизни, после трагической гибели он превратился в символ сербской демократии.

По некоторым данным, и за союзом радикалов с ХКП, и за созданием Крестьянско-демократической оппозиции стоял король Александр. Его целью было недопущение единого политического фронта сербских сил, ослабление Радикальной партии и парламента путем постоянной внутрипартийной борьбы, которую разжигал Радич. Король мог выступать в этой ситуации в роли арбитра и готовить почву для захвата всей полноты власти. По сути, скупщина была не особенно нужна ни основным партиям, которые договаривались друг с другом вне парламентских процедур, ни, тем более, Александру Карагеоргиевичу. Сам С. Радич требовал от него решительных действий⁶³.

В любом случае попытки создать основы парламентского строя по Видовданской конституции потерпели крах. Государство,

61 Goldstein I. Op. cit. S. 89.

62 Ibid.

63 Подробнее о характере и крахе «видовданского» парламентаризма см.: Силкин А.А. Королевство сербов, хорватов и словенцев. С. 157–181.

по словам М. Экмечича, «вместо парламентской демократии превратилось в парламентскую анархию», но еще существовало и могло существовать без парламента. Но говорить о том, что руку П. Рачича направлял сам Александр Карагеоргиевич, все-таки нельзя. Рачич «был один из, по крайней мере, миллиона балканских националистических неврастеников, всегда готовых умереть за свой народ»⁶⁴.

6 января 1929 г., через 10 лет после образования Королевства СХС, король, следуя примеру своего тезки из династии Обреновичей, совершил государственный переворот. Видовданская конституция была отменена, парламент распущен, все политические партии запрещены. Парламентаризм в Королевстве СХС пришел к своему печальному концу и был заменен жестким монархическим режимом, режимом личной власти Александра Карагеоргиевича, опиравшимся на армию.

Как говорилось в королевском манифесте, «пришел час, когда больше не должно быть никаких посредников между народом и королем... Парламентские институты, которыми как политическим инструментом пользовался мой блаженно почивший отец, остаются и моим идеалом... Но слепые политические страсти настолько злоупотребляли парламентской системой, что она стала препятствием всякой полезной национальной деятельности»⁶⁵.

Александр Карагеоргиевич считал, что 10 лет достаточно, чтобы приступить к формированию действительно интегрированного югославянского государства. 3 октября 1929 г. Королевство СХС было переименовано в Королевство Югославию. Новое название должно было символизировать государственное и национальное единство населения страны. Вслед за этим была проведена административная реформа, по которой страна была разделена на 9 бановин и один столичный округ. Этой реформой централистские тенденции в устройстве югославского государства были доведены до своего логического завершения. В стране, наконец, с помощью Верховного законодательного совета была произведена унификация законодательства.

В первой половине XX в. в Сербии и Югославии периоды личной власти были, однако, недолгими. Через два года, в 1931 г.,

64 *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку 1492–1992. Београд, 2007. С. 408.

65 Цит. по: *Силкин А.А.* Король Югославии Александр Карагеоргиевич // До и после Версаля. Политические лидеры. М., 2009. С. 19.

Александр, вновь повторив своего тезку, «даровал» народу новую конституцию. Правда, в ней говорилось уже о «народном представительстве», а не о «парламентаризме». Парламент становился двухпалатным, состоявшим не только из скупщины, но и из сената. Причем половину членов сената король назначал собственноручно. Правительство также назначалось королем и было на этот раз ответственно только перед ним. Фактически октроированная конституция сохранила за Александром всю полноту власти. Была создана своего рода смешанная система – личная власть с элементами парламентаризма. Если Видовданская конституция была шагом назад (по крайней мере, в практике применения) по сравнению с конституцией 1903 г., то конституция 1931 г. с точки зрения парламентаризма делала еще один большой шаг назад.

По октроированной конституции 1931 г. страна жила следующие десять лет. Хотя партии еще были запрещены, конституция привела к некоторой их активизации. И если новому лидеру Хорватской крестьянской партии В. Мачеку в целом удалось сохранить влияние своей партии в хорватских землях, то сербские партии оставались неконсолидированными. Более того, они были реорганизованы и дезориентированы созданием так называемой партии «правлящего режима». Вначале таковой пыталась стать Югославская радикально-крестьянская демократия, позднее – Югославская национальная партия.

Ситуация в принципе не изменилась и в период наместничества, который наступил после убийства Александра Карагеоргиевича в октябре 1934 г. в Марселе⁶⁶. После парламентских выборов в 1935 г. формирование нового правительства было поручено крупнейшему белградскому банкиру М. Стоядиновичу, который отмежевался и от своего членства в Радикальной партии, и от связи с Югославской национальной партией. Он отказался также от идеологии «интегрального югославизма» и пропагандировал так называемое «реальное югославянство», при котором национальные особенности не выпячивались, но уже и не отрицались⁶⁷.

В результате сложных переговоров в коалиционный кабинет Стоядиновича вошли частично члены Радикальной и Югославской национальной партий, словенские клерикалы А. Корошеца и мусульманская партия М. Спахо. Они образовали новую правящую

66 Вновь напрашивается сравнение с судьбой Александра Обреновича, убитого заговорщиками в 1903 г.

67 *Димић Љ.* Указ. соч. С. 160.

партию – Югославский радикальный союз. Партия позиционировалась как единственная общегославская, но в реальности таковой так и не стала. В целом можно сказать, что, кроме неполной выборности парламента, искусственное создание сверху «партий власти» было еще одним показателем серьезной болезни югославского парламентаризма.

На выборах в декабре 1938 г. блок Стоядиновича одержал лишь незначительную победу над объединенной оппозицией во главе с Мачеком. Фактически выборы означали триумф оппозиции, в которую входили не только пречанские, но и сербские партии – Радикальная, Демократическая, Союз земледельцев. Выборы показали полный раскол сербских политических сил, часть которых входила в правящий блок, а часть – в оппозицию. В результате уже в феврале 1939 г. Стоядинович был вынужден уйти в отставку, передав руководство правительством лидеру Югославского радикального союза Д. Цветковичу – министру социальной политики в его кабинете.

Переговоры последнего с Мачеком привели к созданию в августе 1939 г. автономной Хорватской бановины. В связи с этими преобразованиями Мачек вошел в правительство в качестве вице-премьера. Правда, в тот же день скупщина была распущена, а новая уже не созвана. Даже к такой важной реформе, означавшей, по сути, кардинальное изменение государственного устройства (то есть, можно сказать, еще один государственный переворот), парламент не имел никакого отношения.

Иво Голдштайн полагает, что хотя Мачек и не считал принятое решение окончательным, он все же добился своей цели по достижению хорватской автономии внутри Югославии. Однако это «в некоторых аспектах реалистичное и хорошее решение было запоздалым... Внутренние противоречия и внешнеполитическое давление были чересчур сильными, чтобы им могли противостоять даже мудрые политические решения». К тому же даже в рядах Хорватской крестьянской партии многие считали, что Мачек продешевил. На правом националистическом фланге среди будущих усташей его вообще считали предателем, поскольку решение хорватского вопроса видели только в отделении Хорватии от Югославии⁶⁸.

Столь кардинальное изменение государственного устройства отражало полное поражение в Югославии сербских партий. Сербские партии спохватились очень поздно. Задним числом они

начали говорить о забытом прежде сербском вопросе. Однако за двадцать лет существования югославского государства ими ничего не было сделано для экономической, культурной, национальной и духовной интеграции всех сербов⁶⁹.

Времени осуществить дальнейшие федеративные преобразования по созданию Сербской и Словенской бановин уже не оставалось. В Югославии успел состояться только еще один государственный переворот — из-за присоединения Югославии к Тройственному пакту. Тогда вместо наместничества престол занял провозглашенный совершеннолетним король Петр II, а правительство возглавил генерал Д. Симович⁷⁰. В его правительстве были представлены почти все партии: от правящего блока — Хорватская крестьянская партия (Мачек остался вице-премьером), словенские клерикалы, боснийско-герцеговинские мусульмане; от объединенной оппозиции — демократы, радикалы, земледельцы. Были в правительстве представители Независимой демократической партии и Югославской национальной партии. Симович (по аналогии с 1903 г.) пытался представить себя не как некоего нового диктатора, а как человека, положившего конец диктатуре. Но его кабинету довелось править всего 10 дней.

Известно, что королевская Югославия распалась после фашистской агрессии. И, как не без основания считает М. Экмечич, «без немецкого военного удара это государство само бы по себе не распалось». Место агонизирующей унитарной Югославии заняло бы государство федеративное. Труднее согласиться с другой мыслью сербского академика, что тогда смог бы все же образоваться и единый «этнически федеративный» народ, как баварцы и австрийцы среди немцев⁷¹.

После нападения на Югославию гитлеровской Германии никакого парламентаризма в стране, естественно, не было. Сама Югославия фактически перестала существовать, о ней напоминало только эмигрантское правительство в Лондоне. Подавляющее большинство югославских политических партий после оккупации страны факти-

69 Димић Љ. Указ. соч. С. 197.

70 Хорватский историк З. Раделич, не приводя дополнительных аргументов, утверждает, что путч был направлен не только против присоединения Югославии к Тройственному пакту, но и против создания Хорватской бановины (*Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991. Od zajedništva do razlaza. Zagreb, 2006. S. 25*).

71 Экмечич М. Дуго кретање... С. 438.

чески прекратили свою деятельность, а многие партийные лидеры быстро нашли общий язык с фашистскими властями. Например, с заявлением о поддержке новой власти выступил В. Мачек. Правда, затем никакой активности по этой линии он уже не проявлял.

В ноябре 1942 г. в Бихаче на освобожденной территории коммунисты создали Учредительную скупщину, где были представлены левые антифашистские группы и организации. Делегаты провозгласили создание нового политического представительного органа – Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ). Через год, в ноябре 1943 г., состоялась II сессия АВНОЮ в Яйце, которая приняла декларацию, определившую основы нового государства. АВНОЮ было провозглашено временным верховным законодательным и исполнительным органом власти. Функции правительства должен был выполнять Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ). Деятельность эмигрантского правительства была осуждена, а королю Петру II запрещено возвращаться в страну до окончания войны.

Эмигрантское правительство и западные комментаторы оценили решения II сессии АВНОЮ как государственный переворот. Советский Союз, естественно, наоборот, воспринял эти решения положительно, направив в начале 1944 г. к партизанам свою военную миссию.

Окончательно эмигрантское правительство прекратило свое существование 7 марта 1945 г., когда было создано объединенное правительство Тито–Шубашича. 11 ноября 1945 г. в Югославии состоялись выборы в Учредительную скупщину и плебисцит по поводу государственного устройства. И то, и другое проходили под полным контролем КПЮ. Нормальным представительным органом Учредительную скупщину назвать было никак нельзя. За объединенных кандидатов возглавляемого коммунистами Народного фронта было отдано 90% голосов. Подавляющее число избирателей проголосовало также за республиканскую форму правления.

29 ноября Учредительная скупщина провозгласила создание Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ). Еще через два месяца, 31 января 1946 г., Учредительная скупщина приняла Конституцию ФНРЮ. Высшим органом власти в стране становилась Народная скупщина, состоявшая из двух палат – Союзного веча и Веча национальностей. Начался период социалистического строительства.

После 1945 г. Югославия вновь стояла перед задачей «догоняющей» модернизации, но уже не «имитирующей» западный

образец, как в первой половине века, а «альтернативной», которая имитировала другую – советскую модель. В 1945–1947 годах новая власть под руководством КПЮ провела коренные политические и социально-экономические реформы. В частности, была окончательно упразднена многопартийность.

Таким образом, после войны в парламентской истории был сделан еще один, и очень заметный, шаг назад. Более того, нормально функционирующего парламента в стране уже фактически не было. Вернее, существовал квазипарламент советского образца, который, по сути, не был ни представительным, ни законодательным, ни контролирующим органом. А был лишь органом, штампующим решения руководства компартии. И даже резкий поворот к самоуправлению после 1948 г. не принес в этом смысле особых перемен.

Эксперименты с самоуправлением продолжались до второй половины 70-х годов. Однако в реальной жизни ремонт здания югославского социализма ограничился лишь подкраской фасада. Одновременно в стране нарастали кризисные явления.

При жизни Тито югославским руководителям еще как-то удавалось их сдерживать. Однако уже с начала 1980-х годов Югославия стала неумолимо втягиваться в глубокий системный кризис. Кончилось все развалом Социалистической Федеративной Республики Югославии и чередой войн на ее бывшем пространстве. 27 апреля 1992 г. скупщины Сербии и Черногории приняли конституцию нового государства – Союзной Республики Югославии (СРЮ). В соответствии с этой конституцией Югославия объявлялась плюралистическим государством, базирующимся на парламентской демократии, законах, социальной справедливости, правах человека, свободной рыночной экономике, свободе деятельности и равноправности всех ее граждан.

Согласно конституции, законодательная власть в СРЮ принадлежала Скупщине СРЮ (союзному парламенту), состоявшей из двух палат – Веча республик и Веча граждан. Первоначально в первую палату по 20 депутатов делегировали скупщины Сербии и Черногории. Эти 20 мест заполнялись пропорционально голосам, которые получали на выборах в республиканские парламенты местные партии. После поправок к конституции эти места стали заполняться в результате прямых республиканских выборов. Во вторую палату депутатов избирало все население СРЮ (по одному от каждых 35 тысяч избирателей).

Конституционные положения представляли собой благие пожелания. В реальной жизни возник режим личной власти лидера

Социалистической партии С. Милошевича с элементами парламентаризма. По сравнению с коммунистическим временем это был, несомненно, шаг вперед – по крайней мере, возникла многопартийность. Но до настоящей демократии было еще далеко.

В политической жизни Сербии в 1990-х годах были в основном представлены три политических течения с различными переходными формами: социалистическое (социал-демократическое), либерально-демократическое и националистическое. В то же время большинство голосов в союзной скупщине в течение всего десятилетия неизменно имела Социалистическая партия Сербии. В борьбе за власть она иногда блокировалась с другими политическими силами, представлявшими все оттенки политического спектра – от Радикальной партии В. Шешеля и «Новой демократии» Д. Михайловича до «Югославских левых», которых возглавляла жена С. Милошевича – М. Маркович. Такая система фактически также была полупарламентарной – по аналогии с ситуацией, сложившейся в Сербии в начале века.

Монополия социалистической партии рухнула 5 октября 2000 г., когда Милошевич пытался оспорить фактически проигранные им президентские выборы, но был лишен власти вышедшим из повиновения населением. Президентом Югославии стал В. Коштуница. Места поменялись. К власти пришла Демократическая оппозиция Сербии (ДОС) – блок небольших партий преимущественно демократической направленности, а в новой оппозиции оказались социалисты и радикальные националисты. Однако нельзя сказать, что парламентаризм в Сербии наконец-то приобрел нормальный вид.

* * *

В целом вместо прогресса в развитии парламентаризма в Сербии в XX в. наблюдался регресс. К тому же, если вычесть все войны и годы различной степени диктатур (включая и самую длительную – коммунистическую), то получится, что сербский парламентаризм в прошлом веке существовал менее сорока лет. Но даже в свои лучшие годы такой важнейший институт государственности функционировал преимущественно как обрамление для своего рода полупарламентарной политической системы. И если при однопартийной системе парламентаризм в принципе невозможен, то и при полупарламентарной – он функционирует далеко не самым лучшим образом. Права меньшинства в Сербии и Югославии, как правило, не учитывались. Парламентаризм также часто понимался

лишь как неограниченная власть большинства. Национальная идеология – будь то местный национализм, «интегральный югославизм» или «самоуправление» – сразу же превращалась в догму и насаждалась силовыми методами вплоть до диктатуры. Мало что изменилось и после прихода к власти демократов.

Вся сербская истории, и XX век – не исключение, состоит из удивительных повторов. В частности, принятие новых конституций в Сербии и в первой, и во второй половине XX в. всегда обуславливалось закреплением монополии той или иной партии, находившейся у власти. Как точно подметил В. Коштуница, говоря о последнем десятилетии прошлого века в истории своей страны: «Республиканская конституция 1990 г. была конституцией Соцпартии Сербии, федеральная конституция 1992 г. была конституцией Соцпартии Сербии и Демократической партии социалистов Черногории. Новая республиканская конституция (которая в те годы разрабатывалась в Сербии. – *К.Н.*) грозит стать конституцией ДОСа»⁷². По словам того же Коштуницы, внутри ДОСа «все подчинено интересам одной Демократической партии, а сам ДОС – современный вариант Народного фронта, в котором подобным же образом доминировала КПЮ»⁷³.

В целом задача политической модернизации, в том числе и создания полноценного института парламентаризма, по-прежнему стоит перед Сербией. Выполнить эту задачу до конца мешали отсутствие преемственности в развитии сербского общества и более того – неоднократные разрывы сербской государственности. Напомним, что в одном только XX веке это произошло несколько раз: в 1918 г., когда сербская государственность была растворена в государственности югославской; в 1943 г., когда коммунисты, проведя II сессию АВНОЮ, осуществили, по сути, государственный переворот; в 1992 г., когда распалась титовская Югославия, и наконец, в 2000 г., когда после «октябрьской революции» в Сербии произошла смена власти, покончившая с коммунистическим прошлым.

Отсюда проистекает и тот факт, что попытки модернизации в Сербии осуществлялись неоднократно. По крайней мере, три раза – в первое десятилетие XX в. и в межвоенный период; после Второй мировой войны; наконец, в настоящее время. В начале века

72 *Петровская Ю.* Интервью с В. Коштуницей: «Влияние России на Балканах ослабевает» // «Независимая газета». 2003. 22 апреля.

73 Власт замагљује атентат // «Вечерње новости». 2003. 17 мая.

это была модернизация «догоняющая» и «имитационная»⁷⁴. После 1945 г. – вновь «догоняющая», но уже не имитирующая западный образец, а «альтернативная». Последняя попытка модернизации частично началась еще при Милошевиче, но окончательно закрепились только после 5 октября 2000 г. Причем эту модернизацию вновь можно определить как «догоняющую» и «имитационную».

У такой политики в Сербии есть оппоненты, прежде всего на левом и национальном сегментах политического спектра, в армии и спецслужбах. По-прежнему инертной массой остается сербское крестьянство. Впрочем, и в науке у теории политической модернизации есть влиятельные оппоненты, которые не рассматривают исторический процесс столь однолинейно – через призму «вестернизации» всех государств. Они считают, что незападные общества могут пройти этапы трансформации, не ломая свой «генетический код», не отказываясь в политическом плане от суверенитета, а в культурном – от самобытности, или, как сейчас принято говорить, идентичности⁷⁵. Более того, попытки прямого внедрения западных политических стандартов в незападных обществах не дают эффекта, но могут спровоцировать многие негативные явления – рост бюрократизации и коррупции, резкое расслоение общества и т. п.

Этого не избежала и Сербия. И в целом, по-видимому, надо пытаться сохранить все-таки две системы координат для явлений, о которых мы говорим, – модернизационную (формационную) и цивилизационную. Однако это не отменяет и того факта, что, как и во многих странах с «догоняющей» модернизацией, причину невысокой эффективности различных формальных, в том числе и представительных, институтов следует все-таки искать прежде всего в отсутствии нормальной рыночной экономики, правового самосознания и гражданского общества. Именно из них постепенно вырастали представительные институты в странах так называемой «первичной» модернизации. В странах же «вторичной», «догоняющей» модернизации телега часто была поставлена впереди лошади.

Наконец, представленный Западом либерально-демократический, рационально-материальный вариант развития сегодня сам находится в глубоком ценностном кризисе. Как отмечает Адам

74 Подробнее о модернизации на Балканах в этот период см. семь сборников серии «Человек на Балканах», вышедшие в 2002–2012 гг. под редакцией Р.П. Гришиной и А.Л. Шемякина.

75 См., например: *Ерасов Б.С.* Указ. соч. С. 370–376.

Михник: «Мы верили в свободу, но, когда свобода пришла, оказалось, что свобода, реализованная в демократической системе, во всем мире переживает кризис. У нас совпали два кризиса – кризис трансформации и кризис западной демократии»⁷⁶.

Приверженцы модернизационного подхода выдвинули уже концепцию следующей стадии развития для стран, осуществивших «первичную» модернизацию, — стадии политического пост-модерна, когда теряют эффективность и размываются такие классические политические институты, как бюрократическое государство, парламентаризм, массовые партии и т. п. Причем процесс размывания затрагивает и само национальное государство, суверенитет которого все больше ставится под сомнение со стороны так называемого мирового сообщества. В этих условиях предстоит ответить на вопросы, как эти процессы будут влиять на страны, осуществляющие «вторичную» модернизацию, и что предстоит делать самим этим странам, чтобы навсегда не отстать в цивилизационном развитии и не стать «новыми колониями» развитых стран.

76 Михник А. Язык Манделыштама – это язык свободы // Мир перемен. 2005. № 4. С. 111.

ЮГОСЛАВСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

ВОСПРОИЗВОДСТВО СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ

Королевская Югославия погибла в 1941 г. Возникновение в горниле войны «второй», титовской Югославии, казалось, давало этой стране новый шанс создания устраивающего все югославянские народы успешного общего государства. Однако югославский эксперимент, как часто называют в литературе специфичный опыт социалистического развития этой страны во второй половине XX в., окончился полным крахом и был усугублен кровавой гражданской межэтнической войной «за югославское наследство»⁷⁷. Причем причинами, которые завели югославский эксперимент в тупик, были не только присущие всем странам «реального социализма» неэффективная экономика и авторитарная политическая система (в ее экзотическом самоуправленческом варианте), но и окончившаяся полным провалом государственная национальная политика.

Национальный вопрос всегда был одним из самых главных в Югославии. Это и понятно, учитывая многонациональный состав этого существовавшего на протяжении большей части XX в. балканского государства. Несмотря на этническую близость югославян, говорящих практически на одном или очень близких языках, между ними все же было много различий, в частности в уровне экономического и культурного развития. Югославские народы объединились на этапе уже сложившихся (или, в некоторых случаях, складывавшихся) наций, у них было разное историческое прошлое, традиции, они принадлежали к разным религиям. Все это позволяло говорить даже о встрече на югославской земле различных цивилизаций.

Создавая общее государство, они решали разные задачи. Если сербы достигали, наконец, объединения всех частей своего народа в одном государстве, то хорваты и словенцы в определенной степени выбирали меньшее из двух зол и из лагеря проигравших войну

⁷⁷ Термин применительно к войнам, происходившим на территории Хорватии (1991–1995) и Боснии и Герцеговины (1992–1995), принадлежит С.Рамет (см.: *Ramet S.P. Tri Jugoslavije. Izgradnja države i izazov legitimacije. 1918–2005. Zagreb, 2009. S. 467–573*), однако его вполне можно распространить и на весь югославский кризис, включая военные события вокруг Косово (1998–1999 г.) и в Македонии (2001 г.).

переходили в стан победителей. Хотя нельзя умалять и того факта, что среди хорватов и словенцев были и искренние сторонники югославского объединения.

Подчеркнем особо, что Югославия, на наш взгляд, не была совершенно случайным образованием, как считают сейчас постфактум некоторые политики и исследователи. Но она не была, конечно, и прочным гармоничным государством, гарантированным от распада. Наоборот – любым властям Югославии предстояло все время заботиться о целостности государства, бороться с то усиливавшимися, то затухавшими центробежными тенденциями.

Сначала с подобными проблемами столкнулось руководство еще «первой», королевской Югославии. Разрешить их оно не смогло, хотя, казалось бы, перепробовало все варианты национальной и региональной политики – от жесткого унитаризма при доминировании сербской политической элиты до некоего прообраза федерализма.

Точно так же и коммунистическая партия Югославии (КПЮ) была вынуждена рассматривать различные способы решения национального вопроса. В период между двумя мировыми войнами точка зрения коммунистов по этому вопросу претерпевала сильные колебания. Обсуждалось прежде всего лучшее устройство «версальской Югославии» (но существовали и оставшиеся от их социал-демократических предшественников туманные планы Балканской федерации). В начале 1920-х годов КПЮ поддерживала идею унитарного государства. Затем в течение более десяти лет (1923–1935 гг.) лучшим вариантом считался противоположный – раздел Югославии на независимые национальные государства. Под влиянием Москвы накануне войны коммунисты вновь пересмотрели свои взгляды и выступали уже за югославскую федерацию⁷⁸. Неизменным оставалось лишь одно: во время всего межвоенного периода КПЮ обвиняла в угнетении других югославских народов и во всех остальных грехах «великосербскую буржуазию» как главного носителя идеи «великосербского гегемонизма».

Во время войны лидер югославских коммунистов Й. Броз-Тито ставил решение национального вопроса по важности на второе место, сразу же после задачи освобождения страны и захвата власти. Под его руководством компартия сформировала по национальному вопросу программу из трех пунктов: 1) борьба против

78 См.: *Димић Љ.* Указ. соч. С. 262, 265.

национального неравноправия; 2) отстаивание единства Югославии как государственного объединения и 3) гарантирование в этом государстве национальных свобод⁷⁹.

Вместо культивировавшейся на последнем этапе существования королевской Югославии идеи «интегрального югославизма» и особенно в противовес кровавой межнациональной розни военного времени коммунистами стал пропагандироваться своего рода местный югославский интернационализм, выраженный в формуле – «братство и единство югославских народов». В этом духе и принимались решения на известной II сессии Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) в 1943 г. Одним из решений этого представительного органа титовских партизан было построение новой послевоенной Югославии на федеративном принципе, который, как считалось, только и способен обеспечить равноправие всех югославских народов.

Такая позиция встречала понимание самих югославян. Во многом именно из-за своей позиции по национальному вопросу коммунисты и смогли создать самое крупное движение Сопротивления на югославской земле. При этом единственной реальной силой, способной составить конкуренцию партизанам, были четники Дражи Михайловича, которые по понятным причинам могли рассчитывать только на поддержку сербов.

Четники оказались обречены, когда их перестали поддерживать англичане. По мнению югославского эмигрантского правительства в Лондоне, англичане посчитали более выгодным ориентироваться не на потенциальных русофилов – сербов Михайловича, а на хорватов, которые могли бы обеспечить Британии прозападную Югославию. Возможно, из-за национальности Тито англичане почему-то полагали коммунистическое партизанское движение преимущественно хорватским. Кроме того, разрывом с четниками Великобритании также рассчитывала оторвать хорватов от верхушки фашистского Независимого государства Хорватии и тем самым от немцев⁸⁰.

Сформулированная КПЮ политика «братства и единства» была продолжена и после войны. Однако на практике это не всегда вело к примирению, иногда такая политика даже плодила новые национальные обиды. В частности, зверства хорватских усташей на территории Хорватии и Боснии в отношении сербского

79 Социалистическая Федеративная Республика Югославия. М., 1985. С. 50.

80 Аникиев А. С. Указ. соч. С. 24–25, 27, 32–33, 35, 36, 45.

населения⁸¹ не только не получили должной оценки, но и по возможности замалчивались. Считалось, что это может спровоцировать национальную рознь. Соответственно, не было и покаяния со стороны хорватов.

В результате, может быть, и из лучших побуждений, болезнь загонялась внутрь. Впрочем, надо сказать, что и никакого специального лоббизма хорватских интересов тоже не было. Коммунисты в целом не обращали внимания на национальные различия и относились ко всем своим противникам одинаково – будь то их классовые враги, коллаборационисты или местные фашисты⁸².

Главной проблемой новой власти было получение международного признания. Для этого следовало проявлять известную гибкость. Югославские коммунисты оказались на нее способны только под настойчивым давлением Москвы. 2 ноября 1944 г., сразу же после освобождения Белграда от немецких оккупантов, между Национальным комитетом освобождения Югославии (НКОЮ) и эмигрантским королевским правительством, которое тогда возглавлял И. Шубашич (глава Хорватской бановины до войны), было подписано соглашение об образовании объединенного правительства. Одновременно до Учредительного собрания (скупщины) король Петр II Карагеоргиевич был принужден уступить свои полномочия регентскому совету.

Параллельно Тито продолжал укреплять свою власть. 9–12 ноября в Белграде была созвана Великая антифашистская народно-освободительная скупщина Сербии, что фактически означало ее

81 По свидетельству очевидца, планы геноцида сербов вожди будущего Независимого государства Хорватии вынашивали еще в итальянской эмиграции, причем вдохновение они черпали в турецкой резне армян во время Первой мировой войны. См.: *Екмечић М.* Дуго кретање... С. 444–445.

82 Отголоски такого подхода, когда всех стригут под одну гребенку, находят иногда место и в современной научной литературе. Например, С. Романенко фактически ставит знак равенства между Независимым государством Хорватией А. Павелича и режимом М. Недича в Сербии, между хорватскими усташами и сербскими четниками Д. Михайловича (см.: *Романенко С.* Между национальной и пролетарской диктатурой: Милан Недич – Дража Михайлович – Анте Павелич – Йосип Броз Тито // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. М., 2002. С. 61–87). Характерно, что даже в целом прохорватски настроенная западная исследовательница С. Рамет специально оговаривает неправомерность подобного отождествления (см.: *Ramet S.P.* Op. cit. S. 44).

конституирование в качестве федеральной единицы (последней из всех югославских земель). На скупщине отмечалось огромное значение Сербии и сербского народа в борьбе против оккупантов. В то же время подчеркивалась важность борьбы с «великосербским шовинизмом», с «реакционной великосербской кликой», которая проводила политику присваивания чужих территорий и ассимиляции других народов, препятствовала их культурному и экономическому развитию. Особенной критике подверглась расширительная трактовка понятия «сербские территории», когда в их состав включались (кроме собственно Сербии) Черногория, Македония, Босния и Герцеговина. Отвергли и идею двух сербских федеральных единиц – Сербии и Черногории. Вместо этого было официально признано существование черногорской и македонской наций и поставлена задача их конституирования как отдельных федеральных единиц наравне с Сербией⁸³.

Крымская конференция руководителей трех держав антигитлеровской коалиции (февраль 1945 г.) в отношении Югославии рекомендовала немедленно ввести в действие соглашение об объединенном правительстве, а также расширить АВНОЮ за счет депутатов довоенного югославского парламента, не запятнавших себя сотрудничеством с фашистами. Объединенное правительство Демократической Федеративной Югославии было сформировано Й. Броз-Тито месяц спустя, 7 марта 1945 г., незадолго перед окончанием войны. Теперь существовало только одно правительство, представлявшее Югославию. Вице-премьером и ответственным за принятие конституции был назначен ближайший титовский соратник Э. Кардель. Представители лондонской эмиграции получили в правительстве только три места (из почти 30). Министром иностранных дел стал И. Шубашич, а одним из вице-премьеров — М. Грол (лидер преимущественно сербской по составу Демократической партии).

Цель Тито была достигнута. Пойдя на незначительный компромисс, он получил международное признание новой власти⁸⁴.

83 Димић Љ. Указ. соч. С. 284–285, 321–322.

84 М. Джилас вспоминал, что договориться в тактических целях с эмигрантским королевским правительством югославским коммунистам особенно советовали советские лидеры. Когда он в марте 1944 г. первый раз посетил Москву, Сталин прямо ему сказал: «А не сумели бы мы как-нибудь надуть англичан, чтобы они признали Тито – единственного, кто фактически борется против немцев?» (Джилас М. Беседы со Сталиным // Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 50).

Впрочем, даже компромиссом это было трудно назвать. Коммунистическая партия Югославии по-прежнему руководила всеми центральными и местными органами власти, армией, судом, прокуратурой, экономикой, культурной жизнью.

Летом 1945 г. в Югославии обсуждался проект закона о выборах в Учредительную скупщину, которая должна была принять новую конституцию. Руководителями компартии в закон были специально внесены такие пункты, которые не только затрудняли, но и делали фактически невозможным участие в выборах оппозиции. Руководство компартии, в частности, получило возможность лишать гражданских прав не только за сотрудничество с оккупантами, но и за «сотрудничество с сотрудниками оккупантов». Таким образом, понятие «контрреволюционеры» у коммунистов очень быстро распространилось вообще на всех несогласных и недовольных новым строем. Военные методы были перенесены и на мирное время. Как и во время войны, «все, кто не с нами», были «против нас».

М. Грол, один из немногих эмигрантских политиков, вернувшихся в послевоенную Югославию, уже через несколько месяцев, в августе 1945 г., подал в отставку. В своем письме Тито он обвинил коммунистов в «самоуправствах, трюках, доктринерстве». По воспоминаниям М. Джиласа, в ближайшем титовском окружении письмо произвело впечатление не столько логикой и содержанием, сколько культурой и достоинством формы. «Наше сознание, — писал он, — наши образцы, наши силы и наши структуры уже давно были... заскоружило однопартийны. Демократическая альтернатива уже тогда была не только упущена, но и уничтожена... Мы, коммунисты, не желали вообще никакой оппозиции — мы хотели сохранить для себя абсолютно всю власть...»⁸⁵ Еще один вернувшийся в страну эмигрант — заместитель председателя главного комитета Радикальной партии М. Трифунович — в 1946 г. был осужден на 8 лет тюрьмы, где и скончался.

Одновременно в Потсдаме на конференции руководителей союзных держав У. Черчилль прямо заявил, что Югославия не выполнила рекомендации предыдущей, Крымской конференции, что «администрация Тито установила строго контролируемый партией режим, поддерживаемый политической полицией, печать также контролируется, как и в некоторых фашистских странах». И. Сталин лицемерно возражал, что советская сторона не располагает

85 Джилас М. Тито, мой друг и мой враг (Дружба с Тито). Париж, 1982. С. 207–208.

сведениями о таких нарушениях и, по его мнению, рекомендаций держав «выполняются маршалом Тито полностью и целиком»⁸⁶.

11 ноября 1945 г. под полным контролем коммунистов в Югославии состоялись выборы в Учредительную скупщину и плебисцит по поводу государственного устройства. За объединенных кандидатов возглавляемого коммунистами Народного фронта было отдано 90% голосов. Подавляющее число избирателей проголосовало также за республиканскую форму правления. 29 ноября Учредительная скупщина провозгласила создание Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ) и утвердила все предыдущие законы и постановления АВНОЮ. Югославская монархия объявлялась главным препятствием созданию братского и демократического содружества равноправных народов. Еще через два месяца, 31 января 1946 г., Учредительная скупщина приняла конституцию ФНРЮ. Высшим органом власти в стране становилась Народная скупщина, состоявшая из двух палат – Союзного веча и Веча национальностей. Народная скупщина избирала свой президиум и образовывала правительство ФНРЮ.

По конституции 1946 г. Югославия провозглашалась объединением равноправных народов, которые на основе права на самоопределение выразили желание жить в едином федеративном государстве. Причем вопрос о «праве на самоопределение вплоть до отделения» до самого последнего момента оставался дискуссионным. Так, этого положения не было в проекте конституции. Однако было решено, что его отсутствие может помешать другим народам присоединиться к Югославии «в скором времени» и «без страха».

Одновременно М. Пияде подчеркивал, что права на отделение нечего бояться, никто в нем не заинтересован. Нет причин опасаться сепаратизма «сербского народа, который является Пьемонтом югославянской идеи и сердцем Югославии»; «хорватского народа, который всегда вел борьбу за федерализм и республику»; «словенского народа, который без совместной жизни с остальными народами Югославии был поработен, и ему постоянно угрожали северные и западные соседи»; «народа Боснии и Герцеговины, который прикреплен родственными и экономическими связями к сербскому и хорватскому народам»; «черногорского народа, который по своему географическому и экономическому положению не может жить без остальных народов Югославии»; «македонского народа, который в рамках Югославии первый раз получил национальную свободу»⁸⁷.

86 Цит. по: *Гиренко Ю.С.* Указ. соч. С. 278–279.

87 Цит. по: *Димит Љ.* Указ. соч. С. 333.

В состав федерации вошли шесть республик: Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия, Черногория, Македония. То есть в стране, как и замышлялось, по советскому образцу была реализована этнотерриториальная модель федерации. Впрочем, этот принцип не был соблюден до конца. Целью Тито и узкого круга новых югославских руководителей было добиться в федерации «национального равновесия». При этом они исходили из ленинского положения об опасности национализма доминирующей нации⁸⁸. Значит, надо было не допустить в стране нового сербского доминирования. Для этого часть сербского народа решили оставить за пределами сербской федеральной единицы. Если Республика Словения после изгнания, согласно решению АВНОЮ, всех немцев и итальянцев стала фактически моноэтнической, а Республика Хорватия оказалась даже чуть больше довоенной Хорватской бановины, то Республика Сербия охватывала только две из четырех бановин, считавшихся до войны сербскими. В результате сербы оказались во всех югославских республиках, кроме Словении.

Тито не воссоздавал довоенную Югославию, опыт территориального деления и межнационального разграничения в межвоенный период был полностью отброшен. В новом межреспубликанском разграничении при небольших изменениях фактически произошел возврат к границам, существовавшим еще до 1918 г. во времена Австро-Венгрии и Османской империи. Не совпадавшие с ними «этнические территории» в расчет не принимались. Впрочем, учитывая существовавшую межэтническую чересполосицу, провести такую границу было невероятно трудно. Между всеми югославскими республиками тут же возникали пограничные споры, но это не влияло на ситуацию. Межреспубликанские границы чертились руководителями, без участия самих народов.

Федерализация Югославии (опять же по опыту Советского Союза) происходила на разных уровнях: республика, автономный край, автономная область. Однако автономии (автономный край Воеводина и автономная область Косово и Метохия) были образованы только на территории Сербии. Причем если в Косово и Метохии преобладало албанское население, особенно выросшее за счет переселенцев из Албании во время Второй мировой войны, то в Воеводине большинство составляли сербы. Помимо Косово и Воеводины, обсуждался вопрос о выделении в особую автономию Санджака со значительным славя-

88 См.: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. Т. 2. От стабилизации к кризису (1966–1989). М., 2002. С. 90.

но-мусульманским населением, но эта область осталась разделенной между Сербией и Черногорией. Кроме того, из Воеводины была выделена Бараня и передана Хорватии, несмотря на то, что хорватское большинство в этом районе возникло только в результате массового уничтожения сербов в годы Второй мировой войны.

В Хорватии, где сербы составляли около 15% населения, никаких автономий не предполагалось. Еще в 1942 г. Тито отверг соответствующее предложение М. Пияде⁸⁹. В Боснии и Герцеговине, где сербы составляли даже относительное большинство – 44,3% (славяне-мусульмане – 30,7%, хорваты – 23,9%), для них также не было предусмотрено никакой автономии. Хотя некоторые высшие партийные функционеры, в частности тот же М. Пияде, выступали за присоединение всей Боснии и Герцеговины на правах автономного края к Сербии, Тито на это вновь не пошел. Как не пошел и на создание автономной Македонии в составе Сербии, что также предлагалось. Не была создана и албанская автономия в самой Македонии, хотя албанцы составляли там 17,12%⁹⁰.

В 1946 г. сербским колонистам, поселившимся в Косово и Македонии в межвоенный период и бежавшим в годы войны в Сербию, было запрещено возвращаться к своим домам. Считалось, что это, в частности, может повредить будущему объединению с Албанией (которой в этом случае предполагалось отдать Косово) и Болгарией. Правда, в отличие от Косово, Македонию Болгарии отдавать не собирались. Она, наоборот, замышлялась федеративной республикой наравне с Сербией и Болгарией в составе потенциальной Балканской федерации или расширенной Югославии. Считалось, что только таким образом можно будет решить застарелый македонский вопрос⁹¹. Славянское население Македонии, действительно отличное от сербов, конституировалось в македонскую нацию. Население Черногории

89 Goldstein I. Op. cit. S. 653; Radelić Z. Op. cit. S. 261.

90 Батаковић Д., Протић М.Ст., Самарџић Н., Фотић А. Указ. соч. С. 344–347.

91 Споры вокруг Македонии больше всего омрачали отношения между югославскими и болгарскими коммунистами во время войны. Последние претендовали на руководство македонской организацией КПЮ, поскольку Македония была оккупирована Болгарией. В 1944 г. в Москве В. Коларов ехидно спросил М. Джиласа, на какой язык больше похож македонский – на болгарский или сербский? Тот ответил: «Я не знаю, ближе ли македонский язык к болгарскому или к сербскому, но македонцы – не болгары, а Македония – не болгарская» (Джилас М. Беседы со Сталиным. С. 32).

также объявлялось отличным от сербов и сформировавшимся в «горниле войны» самостоятельной черногорской нацией. На первой переписи в Черногории в 1948 г. многих ее жителей фактически насильно заставляли записываться не сербами, а черногорцами.

Тенденция была абсолютно ясной. Югославская федерация была «нарезана» на республики именно таким, а не иным способом в целях решить три основные задачи: во-первых, для ослабления позиций доминирующей нации; во-вторых, для облегчения предполагавшегося расширения государства за счет новых республик и, в-третьих, для выравнивания уровня экономического развития различных регионов страны. Если первое, то есть ослабление сербского фактора, можно было сделать довольно просто и быстро, второе – потеряло актуальность после 1948 г., то третье – так и осталось благим пожеланием.

Весь период существования титовской Югославии без конца говорилось о выравнивании уровней экономического развития, на решение этой задачи были израсходованы колоссальные средства из специального фонда, но разрыв в положении республик и краев так и не был преодолен. Вместо придания федерации прочности в югославской практике подобные действия лишь стимулировали сепаратизм. Были недовольны все – и те, кто помогал, и те, кому помогали.

Конечно, югославские лидеры занимались не только национальными и федеративными отношениями. В 1945–1947 годах новая власть под руководством КПЮ провела коренные политические и социально-экономические реформы, которые также полностью копировали преобразования, осуществленные в СССР. По скорости и радикальности внедрения большевистского опыта власти Югославии опережали все другие страны Восточной Европы. Была упразднена многопартийность и установлена «диктатура пролетариата» (фактически – компартии, еще точнее – партаппарата); проведена национализация, в результате которой государству стали принадлежать промышленные предприятия, банки, средства связи, транспорт, предприятия торговли и т. д.; введена монополия внешней торговли; проведена конфискационная денежная реформа. Посредством сверхцентрализации государственного управления проводился курс на форсированную индустриализацию. В ходе аграрной реформы (с конфискациями, изъятиями и колонизацией реквизированной у немцев земли) создавались трудовые задруги (югославские колхозы)⁹².

92 См., например: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. Т. 1. Становление «реального социализма» (1945–1965). М., 2000. С. 477–478.

Новый лидер Югославии Й. Броз-Тито быстро превращался в обычного коммунистического вождя-диктатора, опиравшегося на всесильную тайную полицию и систему привилегий для своих. В частности, для высоких партийных и государственных работников была создана сеть закрытых распределителей. В Белграде, например, работал знаменитый «дипломатический магазин», обслуживавший членов ЦК коммунистической партии и правительства, а также иностранных дипломатов высококачественными товарами по низким ценам.

ПОВОРОТ К САМОУПРАВЛЕНИЮ

Хотя Югославия и являлась для Советского Союза верным, проверенным в боях союзником, постепенно у И. Сталина стало возникать раздражение и недовольство некоторыми чересчур самостоятельными действиями югославских лидеров. Прежде всего это было связано с попытками титовской Югославии играть на Балканах роль «маленького Советского Союза». Так, без предварительного разрешения Москвы Тито договорился с руководством Болгарии о более тесном союзе, ввел две военные дивизии и полк авиации в Албанию, активно помогал коммунистическим партизанам в Северной Греции. Тито замыслил создание Балканской федерации под патронатом Югославии или, что было для него предпочтительнее, включение Болгарии и Албании в состав Югославии на правах новых федеративных республик. Возможно, его планы распространялись и на Северную Грецию (Эгейскую Македонию).

Советское руководство вначале как будто не возражало против планов Балканской федерации, но затем резко поменяло свою точку зрения. 10 февраля 1948 г. в Москве состоялось советско-болгарско-югославское совещание. На нем Сталин и Молотов в грубой форме подвергли критике югославских и болгарских руководителей за их якобы особую внешнеполитическую линию.

После мучительных раздумий на заседании политбюро ЦК КПЮ 1 марта 1948 г. Тито поставил вопрос о том, что отношения между Югославией и СССР зашли в тупик, что в деле экономического и военного строительства необходимо ориентироваться на собственные силы. Об этом заседании через осведомителей стало известно в Москве. Из Югославии были немедленно отозваны все советские военные и гражданские советники. Произошел обмен письмами, в которых Сталин и Молотов во все более грубой форме реагировали на попытки югославских руководителей оправдаться.

Дело дошло до обвинения Белграда в антисоветизме и клеветнической пропаганде, в левачестве и одновременно в оппортунизме и потворстве буржуазным элементам. В конце июня 1948 г. на заседании Информбюро (без участия представителей КПЮ) была принята резолюция, в которой говорилось, что югославское руководство перешло на позиции буржуазного национализма.

В 1949 г. в странах «народной демократии» прошли сфальсифицированные судебные процессы против видных местных партийных и государственных деятелей, на которых «доказывалось», что Тито и другие югославские лидеры являются шпионами и агентами империалистических разведок. Это дало повод СССР разорвать советско-югославский договор о дружбе и взаимопомощи и выслать из страны югославского посла. В средствах массовой информации стран «народной демократии» открылась широкая антиюгославская пропагандистская кампания. На границах этих стран с Югославией начали концентрироваться войска. Во второй резолюции Информбюро по Югославии в ноябре 1949 г. титовский режим был уже охарактеризован как антикоммунистический, полицейский и фашистского типа.

Спровоцированный советским руководством конфликт был по существу конфликтом между двумя очень похожими тоталитарными режимами, персонифицированными Сталиным и Тито. Советский Союз стремился распространить свою гегемонию на Восточную Европу (в перспективе – на весь мир), а Югославия – на Балканы. Оказавшись в одиночестве, в отрыве от других восточно-европейских стран и прежде всего от СССР, югославские лидеры были поставлены перед трудным выбором.

Сначала, чтобы оправдаться перед Сталиным и доказать верность коммунистическим идеалам, они решили еще жестче «закрутить гайки» внутри страны. Была проведена повторная национализация, распространившаяся даже на мелкую промышленность, взят курс на ускоренную коллективизацию, усиление административных методов регулирования экономики. На резкий разрыв с советской моделью построения социализма Тито решился только после того, как он понял, что переубедить Сталина ему не удастся, а советские методы, но без советской помощи ведут страну к катастрофе.

Так, массовое сопротивление коллективизации со стороны крестьян выразилось в резком падении сельскохозяйственного производства и убое скота. Страна, которая теоретически могла прокормить не только себя, но и значительную часть Европы, ока-

залась на грани голода. (Позже Югославия получила продовольственную помощь из США и в меньшей степени из Великобритании и Франции.) Дело дошло до того, что зимой 1949 г. взбунтовались крестьяне из числа боснийских мусульман в окрестностях города Цазин. Мятеж был подавлен, а 30 человек, признанных зачинщиками, расстреляны на месте⁹³.

Политика специфического югославского пути социалистического строительства разрабатывалась с 1948 по 1952 годы группой югославских руководителей: Й. Броз-Тито, Б. Кидричем, Э. Карделем, М. Джиласом, В. Бакаричем и другими. Подвергнув резкой критике сталинизм и исходя из известного тезиса Маркса, они в качестве актуальной задачи провозгласили необходимость начала процесса отмирания государства. Любое государство понималось ими по-марксистски исключительно как аппарат насилия, и оно, по их мнению, должно было постепенно заменяться непосредственной демократией и самоуправлением. Самоуправление и стало отличительной чертой югославского эксперимента, а по сути – первой попыткой реформирования в рамках «реального социализма».

Было решено, что при сохранении всех командных рычагов в политической сфере можно допустить частичную демократизацию и «товарную экономику» с относительно свободным действием объективных экономических законов. В странах «реального социализма» ничего подобного в то время не было, и здесь югославы были первопроходцами. В отдаленном виде это напоминало только уже забытые идеи НЭПа, апробированные в СССР в 1920-х годах.

Одним из важных решений югославских властей был отказ от планирования в форме государственных приказов и переход к средствам экономического принуждения. Управлять предприятиями (по крайней мере, так провозглашалось) должны были сами трудящиеся через создаваемые ими рабочие советы. Для этого в 1950 г. был принят Закон об управлении государственными хозяйственными предприятиями со стороны трудовых коллективов (в обиходе – «закон о передаче фабрик в управление трудящимся»). От этого закона и ведется традиционно отсчет начала внедрения самоуправления в Югославии. Чуть позже произошел отказ от насильственного объединения крестьян, нерентабельные трудовые задруги были распущены, принудительные закупки отменены.

На VI съезде КПЮ в 1952 г. (считающемся наиболее либеральным в ее истории) преобразования дошли и до самой

93 Джилас М. Тито, мой друг... С. 95–96.

коммунистической партии. Был провозглашен принципиально иной подход к ее деятельности: переориентация от административно-командных методов к преимущественно политическому и идейному влиянию. Партия по аналогии с одноименным обществом Маркса получила новое название – Союз коммунистов Югославии (СКЮ). Из высшего партийно-государственного руководства страны с решениями съезда не был согласен только А. Ранкович.

Но он волновался напрасно. В реальной жизни СКЮ сохранил всю полноту власти в стране, использовал прежние методы воздействия на общественное развитие, номенклатурную систему подбора кадров и т. п. Югославия оставалась, без сомнения, партийной державой, а речь на VI съезде шла скорее о благих пожеланиях, о придании партийной гегемонии более привлекательного внешнего вида. Тем не менее, даже сама постановка вопроса о роли партии еще при жизни Сталина была большим шагом вперед. Можно сказать, что уже в этот период страна от тоталитаризма начала двигаться в сторону авторитаризма.

В то же время сам Тито ни на йоту не изменил своего поведения. Более того, он вел поистине монарший образ жизни: активно пользовался десятками вилл и дворцов, оставшихся от королевской семьи, во всех уголках Югославии в самых живописных местах для него строились также новые резиденции. Он окружил себя роскошью, обожал охоту, чистокровных лошадей, дорогие автомобили, яхты, гонялся за модой и т. п. Его родной городок Кумровец стал местом поклонения, а в доме, где он родился, был устроен музей. В честь Тито назывались города, улицы и трудовые коллективы. Издавались почтовые марки с его изображением. День его рождения был объявлен государственным праздником – Днем молодежи.

С культом личности Тито фактически не боролись, делая для него исключение. Когда в 1953 г. старые названия вернули многим городам, улицам, фабрикам (они были переименованы в честь живых функционеров, и это было признано ошибочным), все переименования в честь Тито были сохранены⁹⁴. И если на V съезде КПЮ его делегаты еще ограничивались пением «Интернационала», то на VI, «либеральном» съезде партии они уже распевали «Товарищ Тито, мы тебе клянемся»⁹⁵.

Резкий поворот в строительстве социализма в Югославии получил закрепление в конституционном законе 1953 г. об основах

94 Там же. С. 35.

95 *Radelić Z. Op. cit. S. 327.*

общественного и политического устройства (фактически – новая конституция). Конституционный закон провозгласил самоуправление основой всей экономической и общественной жизни страны. В качестве второй палаты во всех представительных органах от общины до федерации вводились веча производителей (депутаты в него избирались не от всех граждан, проживавших на данной территории, а от всех занятых в сфере материального производства). В федерации и республиках вместо самостоятельных правительств создавались исполнительные веча в качестве особых комитетов скупщин, обязанные проводить утверждаемую в представительных органах власти политику. Конституционный закон готовился под руководством Э. Карделя, который выступал за более заметную демократизацию режима. Но политическую систему Тито менять не позволил⁹⁶.

Процессы демократизации и дебиюкратизации, начатые в Югославии, влияли, естественно, на межреспубликанские и межнациональные отношения. Эти процессы инициировали децентрализацию и перенос некоторых функций федерального центра на уровень республик, а с уровня республик – на уровень автономий. В частности, на большую самостоятельность республик повлияла определенная децентрализация в сфере финансов. Еще осенью 1949 г. разработчик первого югославского пятилетнего плана Б. Кидрич прямо требовал «передать республикам все что возможно». Правда, вскоре он первым заметил, что теперь уже республиканское руководство становится средоточием «бюрократического централизма» и что децентрализацию не нужно понимать как «укрепление республиканского суверенитета». Впрочем, переломить тенденцию не удалось. Казалось, что к этому особо и не стремились. Тот же Кидрич в апреле 1951 г., выступая в скупщине, вполне удовлетворенно отмечал: «Сегодня наши народные республики в полном смысле этого слова управляют всем хозяйством на своей территории. В оперативном управлении союзной власти остались только те отрасли, которые централизованы по своей экономической и технической природе»⁹⁷.

Стали раздаваться голоса и о большей самостоятельности югославских народов. Если раньше больше подчеркивалась их общность, то теперь стали обращать внимание на различия. При принятии конституционного закона Кардель прямо указывал, что

96 Джилас М. Тито, мой друг... С. 125–127.

97 Цит. по: Димић Љ. Указ. соч. С. 354–355.

«единое социалистическое югославянское сообщество» не имеет ничего общего с теориями о «слиянии югославянских народов в одну югославскую нацию». Он подчеркивал, что «старая пресловутая теория так называемого “интегрального югославизма” была и останется в будущем настолько реакционной, насколько и неосуществимой»⁹⁸. В отличие от него Тито, по свидетельству Джиласа, все-таки верил, что все народы Югославии когда-нибудь сольются в одну нацию⁹⁹. Как видим, в данном вопросе Кардель посмел разойтись во мнении с самим Тито.

Поворот к самоуправлению был воспринят в стране неоднозначно. Для многих югославов была еще свежа в памяти помощь Советского Союза в годы войны, а советская модель продолжала оставаться эталоном. За резолюцию Информбюро и против нового курса Тито высказалось более 55 тыс. коммунистов из 468 тыс. членов партии, то есть почти каждый девятый. Недовольные были подвергнуты репрессиям. Печально известным стал, например, концлагерь на острове Голый (Голый оток) в Адриатическом море – югославских Соловках. Заключенных там заставляли издеваться друг над другом, и это цинично называлось «самоуправлением». Только через два острова – Голый и Свети-Гргур – прошло более 16 тысяч человек. Из них, по данным З. Раделича, было 12 участников Октябрьской революции в России, 36 участников гражданской войны в Испании, 268 коммунистов с довоенным стажем, 23 союзных и республиканских министра, 99 заместителей министра, 36 союзных депутатов, 6 генералов¹⁰⁰. Около 5 тыс. югославских граждан остались в СССР и других странах «народной демократии»¹⁰¹.

Таким образом, суть югославского режима проявилась в полной мере: со «сталинистами» коммунистические вожжи Югославии боролись сталинскими же методами. И если внутри социалистического лагеря они настаивали на праве каждой коммунистической партии выбирать свой путь в социализм, то внутри своей партии и страны они даже не помышляли о подобной свободе выбора¹⁰².

М. Джилас вспоминал, что Тито сначала хотел ограничить конфликт с Советским Союзом «сферой власти и государства»,

98 Там же. С. 357.

99 Джилас М. Тито, мой друг... С. 158.

100 Radelić Z. Op. cit. S. 272.

101 Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 390–392.

102 Radelić Z. Op. cit. S. 278.

но его удалось убедить вступить также и в «идеологическую борьбу» с советской системой. По словам Джиласа, «вскоре после 1949 г. обе тенденции слились воедино: Тито принял идеологические нововведения – а потом, после смерти Сталина, снова их отбросил как политический балласт и угрозу своему единовластию»¹⁰³. Представляется, что это не совсем так. Конечно, власть для Тито всегда была на первом месте, и он никогда не был убежденным сторонником демократии. Демократизация режима была для Тито скорее тактикой, чем стратегией. Но и после 1953 г. в его политике, а значит, и в жизни Югославии, в рамках существующей системы были не только «этатистские отливы», но и «самоуправленческие приливы».

Однако сразу после смерти Сталина и относительной нормализации отношений с Советским Союзом¹⁰⁴ Тито действительно несколько охладел к «самоуправлению». Это было связано также и со знаменитым делом Джиласа, который в серии газетных и журнальных статей подверг критике «новый класс» – коммунистическую бюрократию, превратившуюся в «красную буржуазию». Джилас был обвинен в «ревизионизме», самом радикальном виде «анархо-либерализма», исключен из партии, а затем и осужден¹⁰⁵. Тито сказал тогда своему бывшему соратнику: «У нас обстановка для демократии еще не созрела – еще должна быть диктатура...»¹⁰⁶

К концу 50-х годов считалось, что национальный вопрос в Югославии уже решен. Ведь предполагалось, что социализму будут чужды национальные предрассудки. Тем не менее, споры и дискуссии на эту тему продолжались. Э. Кардель, активно поддержав Тито во всех гонениях на Джиласа, в национальном вопросе оставался на старых позициях – «бюрократический централизм» провоцирует шовинистический «интегральный югославизм», связанный с остатками «старого великосербского национализма». Й. Броз-Тито часто пытался даже несколько смягчить подобный запал, просил не говорить все время об общей столице Белграде как о «какой-то великосербской столице». Тем более что уже в тот период подобная практика стала мешать экономике. С. Вукманович-Темпо жаловался, что уже ни один

103 Джилас М. Тито, мой друг... С. 46–47.

104 Подробнее см.: Едемский А.Б. Указ. соч.

105 Petranović B. Istorija Jugoslavije. 1918–1978. Beograd, 1981. S. 533–534.

106 Джилас М. Тито, мой друг... С. 62, 181.

хозяйственный вопрос невозможно решить без того, чтобы его не сделали национальным вопросом¹⁰⁷.

Примерно с середины 50-х и до середины 60-х годов реформы в Югославии были, по сути, заморожены. В марте 1962 г. исполком ЦК СКЮ на своем расширенном заседании постановил даже принять меры по усилению государственного контроля над экономикой и укреплению влияния партии на все стороны общественной жизни.

По конституции 1963 г. страна стала называться Социалистическая Федеративная Республика Югославия. Республики определялись как «государственные социалистические демократические сообщества, основанные на власти трудового народа и самоуправления». Автономная область Косово и Метохия была повышена в статусе и переименована в автономный край Косово. Конституция определяла федерацию не только как государство, но и, исходя из концепции самоуправления, как «объединение свободных и равноправных трудящихся». В республиках и краях были учреждены пятипалатные скупщины – вече производителей заменялись четырьмя вечами самоуправления: по экономическим вопросам, по вопросам просвещения и культуры, по вопросам социальной политики и здравоохранения, по организационно-политическим вопросам. Считалось, что это отражает процесс дальнейшего распространения самоуправления, теперь и на нематериальную сферу.

РЕФОРМЫ 60-х ГОДОВ

В 1964–1965 годах в Югославии начали проводиться самые радикальные реформы в экономике за время всего самоуправления. В литературе их обычно объединяют под общим названием «общественно-экономическая реформа 1965 г.» Необходимо отметить, что это было время попыток преобразований и в других социалистических странах Восточной Европы. В частности, именно тогда в СССР задумывалась реформа А. Косыгина, а Чехословакия через три года своей «Пражской весной» попыталась доказать возможность «социализма с человеческим лицом». Подчеркнем, что в целом с этого момента развитие Югославии, несмотря на все своеобразие, опять шло синхронно с остальным европейским социалистическим лагерем, хотя на словах югославское руководство не уставало подчеркивать коренное отличие моделей «самоуправленческого» и «реального» социализма.

107 Димит Љ. Указ. соч. С. 365–366.

В югославском партийном верху шли ожесточенные дискуссии по различным вопросам, в том числе и по вопросу государственного устройства. Э. Карделю, возглавлявшему сторонников максимального укрепления самостоятельности республик и ослабления федеративных связей, противостояли сербские функционеры, которые выступали за более крепкую федерацию. Ослабление последней группы было связано со смещением со своего поста в 1966 г. А. Ранковича, обвиненного в злоупотреблении служебным положением, необоснованных репрессиях, в том числе против албанского населения автономного края Косово. Уход всесильного шефа государственной безопасности способствовал демократизации и общему смягчению обстановки в Югославии.

Поскольку Ранкович был чуть ли не единственным сербом в ближайшем окружении Тито, его смещение официально трактовалось и как борьба с «великосербским шовинизмом». В то же время в Сербии, особенно в более поздний период, вокруг фигуры Ранковича сложился миф как о якобы последнем «защитнике сербских интересов» в коммунистической Югославии.

Главным вопросом, решавшимся в ходе преобразований 60-х годов, был более широкий допуск товарно-денежных отношений и в целом – более полное использование преимуществ рыночной экономики. Провели дальнейшую децентрализацию управления. Предприятия получили хозяйственную самостоятельность как независимые товаропроизводители. Финансовые обязательства их перед государством были значительно уменьшены. Заявлялось, что предприятия должны превратиться в основных носителей расширенного воспроизводства. Кроме того, на средства, получаемые из-за рубежа (разного рода кредиты, займы и т. п.), Югославия закупила новейшее оборудование и современные технологии.

В целом реформы 60-х годов способствовали переходу югославской экономики на путь интенсификации, втягиванию ее в международное разделение труда. Это было время наибольшего экономического роста послевоенной Югославии. По сравнению с другими социалистическими странами уровень жизни в стране стал явно отличаться в лучшую сторону. С 1962 по 1970 гг. реальная средняя заработная плата выросла на 90%¹⁰⁸. В то же время даже частичный переход к рыночной экономике не мог не вызвать и болезненных явлений: увеличения внешней задолженности, роста инфляции, сильной социальной дифференциации, обострения проблемы занятости.

108 Goldstein I. Op. cit. S. 509.

В 1964 г. на VIII съезде СКЮ впервые в титовской Югославии был поднят национальный вопрос, который, как считалось ранее, был свойственен лишь буржуазной эпохе. Тито признал, что федеративным устройством страны, ликвидацией «великосербской политической гегемонии», политикой «братства и единства югославских народов» до конца решить национальный вопрос не удалось. На съезде были высказаны мысли, что централизм в экономике, с одной стороны, порождает «наднациональную бюрократию», а с другой – провоцирует национальные противоречия, что в свою очередь не дает должным образом развиваться экономике всей Югославии. Был сделан вывод, что такая ситуация не соответствует принципу равноправия наций, что каждая нация должна сама распоряжаться своим национальным доходом¹⁰⁹.

Соответствующие идеи начали реализовываться на практике. В 1967–1971 годах поправки к конституции значительно расширили суверенные права республик за счет федерации и права автономных краев – за счет Сербии. Титовская Югославия стала уходить от советского декларативного федерализма в сторону его более реальной разновидности, однако это отнюдь не уменьшило остроты национального вопроса. И именно с этого момента реформы 60-х годов стали решать задачи развития не столько Югославии в целом, сколько ее отдельных республик и краев и даже отдельных народов.

Заметным явлением в этот период в национальной сфере стало создание в Югославии мусульманской нации. По переписи 1948 г. боснийские мусульмане фигурировали как «мусульмане неопределенные», то есть затруднившиеся назвать свою национальность, в 1958 г. они писались как «югославы неопределенные», в 1961 г. – как «мусульмане» (категория этнической принадлежности). Во время переписи 1971 г. боснийские мусульмане в графе «национальность» вписывали себя уже как «мусульмане в смысле народности»¹¹⁰. Это сразу же возродило еще австро-венгерские теории об отдельной «боснийской нации», «боснийском языке» и т. п. А главное – в Боснии и Герцеговине вдруг появилась «титовская нация», республика стала ассоциироваться преимущественно с боснийскими мусульманами (хотя они всегда составляли и составляют там меньше половины населения). Вскоре в Боснии и

109 Димитрий Лб. Указ. соч. С. 379.

110 Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 232–233.

Герцеговине заметно оживилась деятельность мусульманских организаций, особенно в 1978–1979 годах, после исламской революции в Иране¹¹¹.

В это время уже четко определилась главная особенность югославских преобразований. Во время их осуществления всегда в одной связке шли экономика и межреспубликанские межнациональные отношения. Одно влияло на другое, то ускоряя, то замедляя общий ход реформ. Относительная демократизация общественной жизни расчищала путь экономическому развитию. Но она же в сфере национальных отношений, понимаемая преимущественно как децентрализация страны и ослабление федеративных связей, приводила совсем к другим результатам. Вместо гармонизации национальных отношений децентрализация возрождала национализм во всех республиках и во всех сферах жизни, приводила к увеличению претензий каждой из югославских наций друг к другу.

По словам профессора Белградского университета Л. Димича, «старые национальные идеологии, традиции, забытые исторические события, явления, вопросы – начали понемногу разжигать страсти», «когда-то монолитная общественно-политическая жизнь уступила место “самоуправленческому феодализму”»¹¹².

Реформа 1965 г., открыв путь рыночным механизмам и децентрализации, усложнила положение слаборазвитых республик и краев. До этого государство централизованно направляло основную часть инвестиций на их индустриализацию и другие нужды. Во многом благодаря этому за 1947–1965 годы объем промышленного производства Черногории увеличился в 21,7 раза, Македонии – в 8,4 раза, Боснии и Герцеговины – в 8 раз, Косово – в 5,6 раза (по Югославии в целом – в 6 раз).

После 1965 г. инвестиционная политика резко изменилась. Основные средства теперь вкладывались прежде всего в развитие обрабатывающих отраслей промышленности, предприятия которых находились в основном в Словении и Хорватии. Так, в 1971 г. инвестиции в основные средства производства составили в Хорватии 23,7%, в Словении – 15,5% (около 40% на двоих) от общей суммы капиталовложений Югославии. Тогда как в промышленность Македонии было вложено – 6,1%, а Черногории – 3,6% инвестиций.

111 Центральнo-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. Т. 2. С. 90.

112 Димич Лб. Указ. соч. С. 367.

Определенную роль в таком разрыве сыграло то, что в отличие от оставшихся под контролем государства цен на продукцию сырьевых отраслей (которые концентрировались в слаборазвитых республиках), цены на продукцию обрабатывающей промышленности складывались уже свободно на рынке. Проблема занятости также наиболее остро ощущалась именно в слаборазвитых республиках. Попытки исправить ситуацию встречали сопротивление со стороны наиболее развитых республик, не желавших поступаться своими доходами¹¹³.

В. Каменецкий пишет, что на всем протяжении послевоенного развития отмечался разрыв между теоретическими положениями о путях преодоления межнациональных противоречий и практикой, которая невольно вела к их обострению. Положение об опережающих темпах роста экономики слаборазвитых республик и краев так и не было реализовано. «В условиях развития товарно-денежных отношений, ослабления регулирующей роли федерации и экономической самостоятельности республик, — отмечает он, — слаборазвитые регионы вряд ли могли рассчитывать на сколько-нибудь серьезную помощь государства»¹¹⁴.

Между тем власти Югославии упорно продолжали проводить прежнюю политику, полагая, что именно так можно сгладить межнациональные противоречия. В результате республики и края все больше превращались в самостоятельные, замкнутые общественно-экономические образования. Пропорционально этому рос и национализм.

Особенно заметно это происходило в Косово, хотя на 60% нужды этого автономного края обеспечивались за счет сербского и югославского бюджетов. Поправки к конституции Югославии были восприняты косовскими албанцами как сигнал к началу борьбы за расширение своих национальных прав. Неалбанское население края стало испытывать на себе все большее давление, заметно увеличилось число покидавших Косово сербов и черногорцев. В то же время в партийном руководстве этого автономного края уже тогда стала пропагандироваться идея превращения Косово в республику.

Против такой политики и практики первыми из сербского партийного руководства высказались Д. Чосич и Й. Марьянович.

113 *Каменецкий В.М.* Указ. соч. С. 82–83; Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. Т. 2. С. 492–493.

114 *Каменецкий В.М.* Указ. соч. С. 85.

Развитие краевого суверенитета в Косово, по мнению известного сербского писателя Д. Чосича, неизбежно должно было привести к ирредентизму и трагическим последствиям. Однако к его высказываниям не прислушались. Более того, они были квалифицированы товарищами по партии как «диверсия», а он сам назван «националистом», «этатистом» и представителем «остатков разбитых бюрократических сил»¹¹⁵.

Вскоре после выступлений Чосича и Марьяновича жизнь подтвердила их опасения. 27 ноября 1968 г. в Косово и Метохии прошли антисербские и антиюгославские демонстрации. Демонстранты выдвигали экономические и политические лозунги, вплоть до присоединения края к Албании. Для подавления волнений на улицы Приштины ввели танки. События в крае были охарактеризованы югославским руководством как контрреволюция. Однако фактически косовским албанцам пошли на уступки. Большинство албанских требований было удовлетворено в конституции 1974 г. В крае продолжалась кадровая политика, которая отдавала предпочтение албанцам – от поступления в университет и до приема на работу. Тотальная албанизация края затронула все сферы – экономику, образование, культуру. Намного интенсивнее стали связи Косово с Албанией.

Чуть раньше косовских событий, летом 1968 г., в Белграде прошли студенческие демонстрации, созвучные тем, которые проходили в том же году в Париже. Студенты в духе критических высказываний Джиласа и так называемых «новых левых» осуждали моральный облик и привилегии партийной верхушки («красной буржуазии»), требовали возвращения к «аутентичному марксизму и титоизму». На философском факультете провозгласили даже создание «Красного университета имени Карла Маркса». В то же время волнения студентов были реакцией на экономические трудности, особенно – появление безработицы, и шли в русле требований дальнейшей демократизации общественно-политической жизни. Тито сначала пошел студентам навстречу, а затем обрушился на Белградский университет с репрессиями. Студенческие демонстрации состоялись также в Сараево и Загребе¹¹⁶.

Вскоре в ходе обсуждения поправок к конституции в Хорватии возникло «Массовое движение» – «маспок» (сокращенно от

115 Димић Љ. Указ. соч. С. 398–400.

116 Батаковић Д., Протић М. Ст., Самарџић Н., Фотић А. Указ. соч. С. 359–360; Perović L. Zatvaranje kruga: ishod političkog rascepa u SKJ 1971–1972. Sarajevo, 1991. S. 54.

хорватского – «массовни покрет»), или «Хорватская весна», по аналогии с «Пражской». Однако начальный демократизм этого движения быстро приобрел националистический и антигосударственный характер¹¹⁷. По всей республике происходили митинги и манифестации. Началось все с вопросов хорватского языка, хорватской культуры, а кончилось восхвалением фашистского Независимого государства Хорватии и обвинением федерации в унитаризме, а сербов – в «великосербстве». Появились требования немедленного пересмотра в пользу Хорватии внешнеторговой, валютной и банковской системы Югославии. Началась дискриминация хорватских сербов в быту, при приеме на работу и т. п.

Националистические силы группировались около «Матицы Хорватской» – главной культурно-просветительской организации республики и Загребского университета. Во главе же движения стояло руководство Союза коммунистов Хорватии (С. Дабчевич-Кучар, М. Трипало, П. Пиркер). Активное участие в «маспоке» принимал будущий первый президент независимой Хорватии Ф. Туджман. Сам Тито долгое время не знал, что предпринять, а потом говорил, что «его обманули». Хорватские националисты действительно превозносили его в печати «как хорвата» и устраивали ему пышные встречи. Но когда движение стало приобретать неконтролируемые формы, в частности, всеобщую забастовку начали студенты Загребского университета, Тито в декабре 1971 г. вмешался, арестовал зачинщиков движения и сменил руководство Хорватии¹¹⁸.

Одновременно в начале 70-х годов возникло относительно демократическое (названное потом руководством страны «анархо-либеральным») течение среди молодого партийного руководства Сербии (М. Никезич, Л. Перович, Б. Павлович). В титовской

117 И. Голдштайн пишет, что «в движении доминировали две основные идеи – национальная и либерально-демократическая. У некоторых участников в некоторых обстоятельствах больше проявлялась одна идея, чем другая, чаще всего было что-то смешанное с доминированием национальной» (*Goldstein I. Op. cit. S. 538*). Впрочем, надо сказать, что под демократизацией в Хорватии и понимали прежде всего расширение автономных прав хорватского народа. И в этом было отличие Хорватии от Сербии, где речь шла преимущественно о демократизации политической жизни (*Radelić Z. Op. cit. S. 379–380*).

118 Подробнее см.: *Petranović B. Istorija Jugoslavije. S. 580–582*; Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. Т. 2. С. 495–496; *Goldstein I. Op. cit. S. 532–552*.

Югославии сербские коммунистические лидеры, в отличие от руководителей других республиканских компартий, не эксплуатировали национальные чувства сербов, а боролись (по крайней мере на словах) с собственным «великосербским национализмом». М. Никезич, разделяя в целом такую позицию, настаивал на том, чтобы Сербия занималась только сама собой, своими проблемами, а не отождествлялась с югославской федерацией и не противопоставлялась другим республикам. «Либералы» выступали за модернизацию Сербии, за большее использование западного опыта в экономике, считали, что успешное экономическое развитие позволит разрешить и национальные противоречия.

Тито поступил в Сербии примерно так же, как в Хорватии, хотя сербское движение не было ни массовым, ни националистическим, ни антигосударственным. Он обвинил сербское партийное руководство в том, что, выдвигая лозунг «каждый за себя», оно стимулирует дезинтеграцию Югославии. Уничтожив либеральное течение в сербском руководстве, Тито тем самым вновь выправил партийный корабль, который опасно накренился после разгрома хорватской партийной организации¹¹⁹.

Заодно и в Словении, самой развитой югославской республике, был вычищен так называемый «технократический» уклон¹²⁰. В Македонии и Боснии заметных уклонов не было, хотя и там своих должностей лишились некоторые партийные функционеры.

Таким образом, в 1971–1972 годах, опираясь на армию, Тито вновь укрепил свою власть, «вычистив» республиканские партийные организации от всевозможных уклонов. Но события конца 60-х – начала 70-х годов произвели на него сильное впечатление. Он даже заявил, что не согласен с решениями «либерального» VI партийного съезда.

События в югославских республиках и республиканских партийных организациях означали, помимо всего прочего, и выход на политическую арену нового поколения руководителей и их конфликт со «стариками». Своими свежими взглядами, решительностью и популярностью они начинали разрушать титовскую политическую монополию. В то же время Тито мог твердо держать в своих руках бразды правления только до тех пор, пока его авторитет был непоколебим¹²¹.

119 Подробнее см.: *Petranović B.* Op. cit. S. 582–584.

120 См.: *Джилас М.* Тито, мой друг... С. 208–210.

121 *Radelić Z.* Op. cit. S. 429–433.

Все описанные выше события, а также рост забастовочного движения сложились в первый крупный внутренний кризис в развитии послевоенной Югославии. Фактически это был первый звонок, предвещавший впереди еще более грозные события. Ю. Князев пишет, что хотя открытое обострение межреспубликанских противоречий было приглушено в результате принятых федеральным руководством жестких мер, эти противоречия «продолжали подспудно тлеть и с новой силой вышли наружу в конце 80-х годов, предопределив скорый распад югославской федерации»¹²².

ЮГОСЛАВСКИЙ ЗАСТОЙ

В период подготовки к X съезду СКЮ и на самом съезде (1974 г.) югославским руководством был взят решительный курс на укрепление роли партии и государства, на чистку партийных рядов, усиление идеологического воздействия и т. п. Вся Югославия вновь оказалась под контролем партийной бюрократии¹²³. Тито решил именно так преодолеть кризисные моменты в развитии страны, заявив, что если что-то и должно быть в Югославии единым, то это – партия. Сама партия тоже должна была укрепляться. Если раньше в пресловутом принципе демократического централизма подчеркивалась первая составная часть, то теперь акцент явно переместился на вторую. Был сделан вывод, что и государство в условиях социализма должно играть очень важную роль в управлении материальными процессами общественного развития.

Фактически речь шла о свертывании самоуправленческих начал, которые, напомним, были призваны на словах стимулировать процесс отмирания государства, а на деле стать разновидностью югославского пути в социализм. Разумеется, формально от самоуправления не отказывались, оно уже стало визитной карточкой титовской Югославии. Но это понятие стали использовать на все случаи жизни. Так, самоуправление было названо даже специфической формой диктатуры пролетариата¹²⁴.

Кроме того, эксперимент в Югославии был дополнен изобретением так называемых «организаций объединенного труда»

122 Центральная-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. Т. 2. С. 496–497.

123 *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. Zagreb, 1999. S. 629.

124 Идеино-политическое наступление Союза коммунистов Югославии. Белград, 1972. С. 68.

и «делегатской системы». Эти идеи нашли воплощение в новой конституции Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), которая была принята в том же 1974 г., и в специальном законодательстве, в частности в Законе об объединенном труде 1976 г.¹²⁵ Эти преобразования должны были ограничить влияние государственных органов и директорского корпуса на работу предприятий. Более того, заявлялось, что самоуправление выходит за рамки предприятий (которым ранее в теории отдавалось предпочтение) и образует новые общественные отношения на основе объединенного труда. Его первичными ячейками провозглашались «основные организации объединенного труда» (ОООТ). Эти ОООТ избирали делегатов в вышестоящие органы – скупщины городов, отдельных районов, автономных краев и республик. Делегатская система (или принцип делегирования своих полномочий) была призвана распространить самоуправление на политическую сферу, преобразовать представительную демократию в непосредственную уже на макроуровне.

Создатель новой системы Э. Кардель заявлял, что новая модель представляет собой «высшую степень свободы для рабочего класса, которую когда-либо знала история»¹²⁶. Однако фактически та же делегатская система упраздняла непосредственные выборы. Большинство граждан обладали активным и пассивным избирательным правом только в первом круге выборов. Во втором и третьем – они уже передавали это право своим делегатам, которые для избирателей становились все более анонимными¹²⁷.

Все эти преобразования получили достаточно высокую оценку у некоторых исследователей. В. Каменецкий считает, что закон об объединенном труде был по существу «попыткой создания новой хозяйственной системы, объединяющей на основах самоуправления все национальные экономики в единый хозяйственный механизм»¹²⁸. Д. Биланджич называет концепцию объединенного труда вместе с конституцией 1974 г. самой радикальной программой,

125 В. Каменецкий считает, что закон об объединенном труде был по существу «попыткой создания новой хозяйственной системы, объединяющей на основах самоуправления все национальные экономики в единый хозяйственный механизм (Каменецкий В.М. Указ. соч. С. 86).

126 Matković H. Povijest Jugoslavije (1918–1991–2003). Drugo, dopunjeno izdanje. Zagreb, 2003. S. 375.

127 Radelić Z. Op. cit. S. 479.

128 Каменецкий В.М. Указ. соч. С. 86.

нацеленной на правление рабочего класса, и самой развитой формой полного национального равноправия народов и народностей Югославии¹²⁹. Конечно, подобные оценки не имели ничего общего с реальностью.

Новые теоретические разработки ни к какой непосредственной демократии не вели, зато серьезно затрудняли оперативное принятие экономических решений. Чтобы заставить новую систему работать, было издано огромное количество правовых актов. Однако, несмотря на это, любой вопрос требовал многочисленных дополнительных согласований. Возникла так называемая «договорная экономика», когда объективные законы рынка подменялись зачастую соглашениями между хозяйствующими субъектами.

Надо сказать и о том, что новые теоретические построения были крайне запутанными, схоластическими, написанными специфическим языком. Как замечает И. Голдштайн, «за полстолетия развития самоуправления был создан “самоуправленческий язык”, метаязык, который использовался в политической практике. Сам по себе он был трудно понимаем, но во многом похож на язык коммунистической номенклатуры в странах Восточного блока»¹³⁰.

Точную оценку «объединенному труду» и «делегатской системе» дает П. Кандель: «Все это формально выглядело как максимальная децентрализация процесса принятия решений и провозглашалось торжеством непосредственной демократии. В реальности же была создана громоздкая, преднамеренно усложненная система, ограничивающая самодостаточность предприятий и опутывающая их сетью добровольно-принудительных “общественных договоров и самоуправленческих соглашений”, при заключении которых ключевую роль играли органы власти и общественно-политические организации (читай – партийные инстанции)... В этом и состояли подлинные цели нововведений: восстановить контроль политической бюрократии над хозяйственной, ставшей не в меру самостоятельной; создать систему многоступенчатых не прямых выборов с многочисленными фильтрами на всех ее этажах, позволявшую властям полностью гарантировать результат избирательного процесса»¹³¹.

Согласно новой конституции, верховным органом государственной власти и общественного самоуправления объявлялась

129 *Bilandžić D.* Op. cit. S. 680.

130 *Goldstein I.* Op. cit. S. 568.

131 *Кандель П.* Югославский «Вавилон». С. 104.

Скупщина СФРЮ, снова состоявшая из двух палат: Союзного веча и Веча республик и краев. Оба веча совместно должны были выбирать председателя Скупщины СФРЮ и его заместителей, председателя и членов Союзного исполнительного веча (правительства). Количество членов Президиума СФРЮ было сокращено с 23 человек до 9 (Тито плюс восемь представителей – по одному от каждой республики и края).

Но основной особенностью конституции 1974 г., благодаря которой она и стала знаменитой, было еще большее сужение политических и экономических функций федерации при усилении роли республик и автономных краев. Конституция определила Югославию как «государственное содружество добровольно объединившихся народов и их социалистических республик, а также социалистических автономных краев Воеводины и Косово». Была подтверждена государственность республик и краев, которые должны были теперь сами выполнять многие функции федерации на основе взаимных соглашений. Республиканским органам отводилась главная роль при решении большинства экономических и кадровых вопросов. Без их согласия не мог быть принят ни один федеративный акт, который затрагивал внутреннее устройство страны. Общеюгославские вопросы решались только на основе консенсуса между республиками и краями.

В результате по конституции 1974 г. Югославия явно приобрела ряд черт конфедеративного устройства, превратившись отчасти из союзного государства в союз государств. Э. Кардель в своем наукообразном стиле заявлял, что Югославия – не классическая федерация, не конфедерация, а «самоуправленческое сообщество народов и народностей», основанное на общих интересах, утвержденных «самоуправленческим и демократическим конституционным согласием между республиками и краями»¹³². В кругу же своих соратников он говорил, что надо попробовать с конфедерацией, а если и она не будет функционировать, то «на Югославию придется махнуть рукой»¹³³.

В самой тяжелой ситуации вновь оказалась Сербия. Мало того, что она всегда ассоциировалась с федеральным центром, а он становился все более декоративным. Сербское руководство не могло решать вопросы в двух своих автономиях, которые фактически были напрямую переподчинены федерации. Еще более абсурдным стало

132 Цит. по: *Димић Љ*. Указ. соч. С. 442.

133 *Bilandžić D*. Op. cit. S. 671–672.

то, что сербское руководство не могло без согласия своих автономий ничего менять и в Центральной Сербии (на территории так называемой «усеченной Сербии», Сербии без автономных краев).

Естественно, что изменения в конституции вызвали в Сербии глухое недовольство. Однако открыто против них, причем еще на стадии подготовки конституции, осмелилась выступить только группа профессоров юридического факультета Белградского университета, в частности К. Чавошки и М. Джурич. Последний был за это не только выгнан с работы, но и осужден.

Меньше чем через год после начала функционирования конституции 1974 г. за ее изменение высказался уже президиум Сербии. По его заданию группа специалистов в 1977 г. подготовила даже предложения по ревизии конституции под названием «Голубая книга». Однако партийное руководство Сербии, боясь обвинений в «великосербстве», признало эти предложения недопустимыми. Тито, который всегда был главным арбитром при решении всех спорных вопросов, заявил, что менять конституцию не нужно¹³⁴.

Однако в целом с момента принятия конституции 1974 г. в Сербии возобладало скрытое недовольство этим документом. Как ранее в Хорватии, на первый план в Сербии стал выходить национальный вопрос, оставляя позади себя вопросы демократического обновления. Фактически «вокруг неприятия конституции в Сербии существовал молчаливый консенсус», и это «недовольство послужило детонатором кризиса югославского государства, а потом и его драматичного распада»¹³⁵.

Таким образом, кризисы, которые стали возникать в Югославии в конце 1960-х – начале 1970-х годов, ее руководство пыталась разрешить сразу несколькими способами.

С одной стороны – жестким подавлением всех несанкционированных выступлений и усилением цементирующей роли партии. Считалось, что именно партия не должна дать федерации расползтись по республиканским квартирам. Однако сама партия также постепенно «федерализировалась». По словам Д. Биланджича, от союзного государства остались только Тито и Югославская народная армия¹³⁶. Еще труднее было совместить руководящую роль коммунистической партии с объективными законами экономического развития.

134 Димић Љ. Указ. соч. С. 442–443.

135 Goldstein I. Op. cit. S. 616.

136 Bilandžić D. Op. cit. S. 673.

С другой стороны – в Югославии была завершена конституционная реформа и принята новая конституция (1974 г.), расширившая еще больше права республик и краев и фактически превратившая государство в конфедерацию. Конституция внесла настолько серьезные изменения во все сферы жизни югославского общества, что некоторые исследователи называли даже государство, функционировавшее с 1974 по 1990 годы, – карделевской Югославией, по имени главного разработчика этого документа Э. Карделя¹³⁷.

Еще в первой половине 1970-х годов республики, воспользовавшись новыми возможностями, начали бесконтрольно, без разрешения союзного правительства, набирать иностранные займы. На Югославию обрушился финансовый вал. Часть средств пошла на инвестиции, и власть самодовольно объявила Югославию «самой большой стройкой Европы». Но одновременно долг страны за неполные десять лет вырос на 20 млрд. долл., а инфляция подскочила на 45%¹³⁸.

Со второй половины 1970-х годов преобразования в Югославии в основном закончились, ничего принципиально нового больше изобретено не было. Самоуправление превратилось в некий «фетиш», догму, которую нельзя было критиковать. Вернее, критика допускалась только в рамках так называемой самоуправленческой идеологии, все другие – считались враждебными¹³⁹. Это вело к стагнации, к застою в югославском эксперименте, власть использовала старый идеологический багаж и все более оторванные от жизни квазидемократические схемы, которые, по меткому выражению сербского правоведа В. Димитриевица, являлись «формами искоренения демократии посредством нее самой»¹⁴⁰.

В определенной степени на застой повлияли крупномасштабная чистка в партийно-государственном руководстве и в директорском корпусе после упомянутых кризисных событий и ухудшившиеся условия для работы СМИ. Одновременно одной из наглядных черт застоя была формализация несменяемости власти стареющего Тито, который стал пожизненным председателем и партии,

137 См., например: *Jović D. Jugoslavija: država koja odumrla. Uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije (1974–1990).* Zagreb, 2003.

138 Ibid. S. 715–716.

139 О так называемых несамоуправленческих идеологиях в югославском обществе того времени см.: *Кузнецовский В.Д.* Указ. соч. С. 140–156.

140 *Димитриевич В.* Югославский кризис и мировое сообщество // *Сербия о себе.* М., 2005. С. 42.

и государства. Продолжались его официальные восхваления. Отметим также, что эти же годы – время так называемого «застоя» в Советском Союзе, да и в других странах «реального социализма». Пути развития восточноевропейских государств в общих чертах продолжали совпадать.

В. Кузнечевский объясняет остановку в преобразованиях тем, что во второй половине 70-х годов концепция самоуправления получила свое полное завершение. По его мнению, своего рода итогом стала книга второго после Тито человека в стране и главного югославского теоретика Э. Карделя «Направления развития политической системы социалистического самоуправления». Эта книга вышла вторым изданием всего за несколько месяцев до смерти ее автора в 1978 г.¹⁴¹

Кардель пытался ввести в оборот понятие «плюрализма интересов» в социалистическом обществе, но никакого развития эта идея не получила. Насколько он был искренен – не ясно. Скорее всего цель была все та же – «подкраска фасада» квазидемократической самоуправленческой риторикой. П. Кандель не без основания называет Карделя «лукавым царедворцем и искушенным идеологом той породы, которые практически что угодно могли истолковать как угодно»¹⁴².

Через десятилетие, совсем в другой обстановке, лидер сербских коммунистов С. Милошевич вместе с супругой Мирой Маркович и одним из новых идеологов режима Михайло Марковичем развивали похожую идею о «демократическом беспартийном плюрализме». И в одном, и в другом случае эти идеи фактически противопоставлялись нормальной многопартийности. Но если во времена Карделя его «плюрализм интересов» еще можно было трактовать как шаг вперед по сравнению с полным монополизмом компартии во всех сферах жизни, то Милошевич тщетно пытался остановить неизбежное, повернуть время вспять.

В целом ни Э. Кардель, ни Й. Броз-Тито уже не были способны не только на новые прорывные идеи, но даже на адекватную оценку ситуации и быстрое реагирование на возникавшие вызовы. Как политики они явно пережили свое время. Скоро окончился и их земной путь. Через год с небольшим после Карделя, в мае 1980 г., умер Тито, который пережил почти всех своих соратников. После этого, в последнее десятилетие существования

141 Там же. С. 31–32.

142 Кандель П. Югославский «Вавилон». С. 103.

Югославии, вносить изменения в концепцию самоуправления стало просто некому.

Во второй половине 1970-х годов самоуправление обрело некий законченный вид и в теоретических построениях, которые создавали югославские обществоведы, откликаясь на политический заказ. В этих работах югославских ученых весь период после войны («вооруженной фазы социалистической революции») делился еще на два больших этапа: государственный социализм (или этатизм) и самоуправление. (Часто как отдельный этап или подэтап выделялся еще период перехода к самоуправлению – с 1948 по 1953 годы.) Самоуправленческий этап в свою очередь делился на несколько подэтапов по мере распространения самоуправления на все новые стороны жизни югославского общества: рабочее самоуправление (1950–1963 гг.), общественное самоуправление (1963–1974 гг.) и социалистическое самоуправление (с 1974 г.)¹⁴³.

Конечно, это была сплошная схоластика. В реальной жизни ничего подобного не было, никакого «общественного» или «социалистического» самоуправления никогда не существовало. Один из немногих осмелившихся на критику, С. Стоянчевич, отмечал, что югославскую ситуацию «характеризует децентрализованный и отчасти либерализованный этатизм, в котором самоуправление ограничено рабочим местом и неполитическими вопросами»¹⁴⁴.

Конституция 1974 г. завершила также в основном формирование югославской федерации. Мелкие изменения в этой сфере не меняли общей картины, а следующие крупные изменения были связаны уже с распадом «второй», титовской Югославии. Развитие югославского федерализма тоже прошло ряд этапов. Четыре этапа приводит, например, в своей книге В. Каменецкий. На первом этапе (1943–1946 гг.) – от второй сессии АВНОЮ до первой послевоенной конституции – утверждается новая политическая система, основанная на принципе федерализма. На втором этапе (1946–1953 гг.), в годы этатизма, преобладали централизованные методы и доминирующую роль играли органы федерации. Третий этап (1953–1965 гг.) охватывает годы от нормативного введения системы самоуправления до общественно-экономической реформы 1965 г. Конституция 1963 г. значительно расширила права республик, но федерация еще сохранила ключевые позиции. На четвертом этапе (1965–1974 гг.)

143 Vranicki P. Socijalistička alternativa. Zagreb. S. 100.

144 Stojanović S. Sadašnja jugoslovenska kriza i neophodnost političkih reformi // Sociološki pregled. 1986. G. 20. Br. 1/2. S. 83.

обострение межнациональных отношений привело, в конце концов, к конституции 1974 г., которая уже на первое место поставила республики и края, а не федерацию¹⁴⁵.

К концу 1970-х годов стали явно проявляться трудности экономического развития Югославии. Усилились финансовые проблемы, выросла инфляция, возросла безработица. Возникла проблема убыточности предприятий, выросли запасы нереализованной продукции. В 1979–1980 годах надо было уже выплачивать долги, но денег на это не было, как не было и новых займов. При жизни Тито югославским руководителям еще как-то удавалось сдерживать нарастающие кризисные явления. Однако после его смерти многое изменилось. Начался новый и последний этап в развитии Югославии.

После Тито

Вместо Тито страной стали управлять два коллегиальных органа – Президиум СФРЮ и президиум ЦК СКЮ. Эти органы, состоявшие из 8 человек и включавшие по одному представителю от каждой республики и автономного края, в порядке ротации избирали сроком на один год своего председателя. Такая система не могла, естественно, добавить стране стабильности. Провозглашенную новым югославским руководством цель: «И после Тито – Тито» реализовать было невозможно. Верховного и признаваемого всеми арбитра в сложнейших и противоречивых отношениях между республиками и краями, между югославскими народами уже не было.

С начала 1980-х годов Югославия стала неумолимо втягиваться в глубокий системный кризис. Его динамика впечатляла. Темпы роста общественного производства резко замедлились (с 7% в 1979 г. до 2,3–0,7% в 1980–1983 гг.), а затем с 1983 г. началось падение производства. После продолжительного периода, когда жизненный уровень населения только рос, он также начал падать – на 7,5% в 1980 г. и на 30% за последующие четыре года. К концу 1985 г. безработица составила 15%, инфляция – 100%, внешний долг приближался к 21 млрд. долларов США. Его обслуживание становилось для правительства неразрешимой проблемой. Особенно сильно кризис бил по положению слаборазвитых республик и краев.

145 Каменецкий В.М. Указ. соч. С. 88–89.

Стало совершенно ясно, что система объединенного труда и основанная на ней «договорная экономика» функционируют неэффективно, с большими перебоями. Однако вместо кардинальной реформы югославские руководители смогли предложить лишь программу «стабилизации», которая фактически консервировала существовавшее положение, да к тому же и не выполнялась с самого начала¹⁴⁶.

Одновременно в стране резко усилились позиции национальных бюрократий («этнократий»¹⁴⁷). Возникла концепция «национальной экономики» (призванная заменить «договорную»), согласно которой каждая республика все для себя производила сама. Более того, республики начали вводить специальные меры для защиты своих предприятий от конкуренции других югославских предприятий. Это привело к окончательному экономическому обособлению республик. Хрупкий общегославский рынок стал на глазах распадаться на шесть республиканских и два краевых. Центральное правительство все больше теряло контроль над экономическими процессами, а республики набирали все больше иностранных займов, которыми не могли эффективно распорядиться. Ведя борьбу на двух фронтах, экономическом и национальном, югославское руководство проигрывало на обоих. Экономический кризис быстро перерос в «кризис функционирования общественной системы»¹⁴⁸.

Ситуация еще более осложнилась из-за нового обострения обстановки в автономном крае Косово. К тому времени Косово уже более чем на 80% было населено албанцами. Славянское население края под давлением албанцев продолжало покидать Косово во все большем масштабе. За 20 лет, в период с 1961 по 1981 годы, сербское население уменьшилось на 42,2%, а черногорское – на 63,3%. В то же время албанское население также чувствовало себя ущемленным по сравнению с другими народами Югославии. По своей численности албанцы занимали в стране уже третье место после сербов и хорватов, но, в отличие от них и менее многочисленных народов, не имели своей республики. По уровню же жизни албанцы прочно занимали в Югославии последнее место.

В марте 1981 г., меньше чем через год после смерти Тито, в Косово прошли демонстрации с требованием предоставления

146 Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. Т. 2. С. 506–509.

147 Применительно к Югославии термин ввел В.К. Волков.

148 См.: *Bilandžić D.* Op. cit. S. 715–716.

краю статуса республики (а значит, и «права на самоопределение вплоть до отделения»). Это было расценено в Белграде как первый шаг к объединению Косово с Албанией. Демонстрации разогнали с применением военной силы, но с тех пор успокоения в крае уже не наступало. Относительный порядок там мог держаться только благодаря военному присутствию федеральных сил.

Югославские руководители были всерьез обеспокоены. В апреле 1981 г., выступая на совместном заседании Президиума СФРЮ и Союзного совета по защите конституционного порядка, Л. Колишевский говорил: «Мы должны до конца осознавать ошибочность и крайнюю реакционность тезиса – чем слабее Сербия, тем сильнее Косово (или какая-либо другая наша республика). Так же как и тезис – чем меньше автономность Косово в составе Сербии, тем сильнее Сербия. Это можно сказать и о тезисе – слабая Сербия – сильная Югославия»¹⁴⁹.

Удивительно, но в то же время другие руководители страны продолжали повторять и старые заученные фразы. Приведем, например, цитату из статьи Д. Драгосаваца. В 1982 г. он писал: «Развитие социалистического самоуправления ограничивает возможности антагонистического противопоставления народов и народностей, республик и автономных краев как в пределах каждого из них в отдельности, так и в пределах федерации. Марксистский подход к общественно-экономическим вопросам позволяет более успешно преодолевать великодержавный бюрократизм, с одной стороны, и узкое национальное обособление, с другой»¹⁵⁰.

Нет нужды подчеркивать, как далеки эти утверждения были от реальной жизни. Это было именно тогда, когда, по словам В. Волкова, «национальные проблемы превратились в “ось” политической жизни страны» и «наблюдались повсеместно», когда началась «прогрессирующая дестабилизация федерации, когда происходила своего рода цепная и неуправляемая реакция нарастания национальных противоречий»¹⁵¹.

С первой половины 1980-х годов в публицистике, в художественной и научной литературе начала подниматься волна критики титовского наследия. Речь фактически шла о критике самоуправ-

149 См.: Косово и Метохија у великоалбанским плановима. 1878–2000. Београд, 2001. Прилози. С. 269.

150 Драгосавац Д. Национальное и классовое в югославских условиях // Социалистическая мысль и практика. Белград, 1982. № 1. С. 3–4.

151 Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории... С. 229, 231.

ленческого социализма и о реальной демократизации режима. Было снято табу с запрещенных прежде тем – усташа, четники, Голый оток. С весны 1984 г. стал подвергаться критике и сам Тито. Причем критические демократические настроения захватили в основном Белград, в то время как Загреб выглядел оплотом догматизма¹⁵². Как и после «Пражской», после «Хорватской весны» в республике наступили заморозки, сродни чешской «нормализации».

В Сербии же развивались процессы, сходные в чем-то с советской перестройкой. Катализатором деятельности сербских оппозиционных интеллектуалов стало запрещение книги «Шерстяные времена» Гойко Джого в апреле 1981 г. В своих стихах поэт замахнулся на самого Тито. Арест Джого вызвал волну протестов сербской интеллигенции, коллективных писем в его защиту и «вечеров солидарности». Эти акции переросли в протест против экономического положения, политического и конституционного устройства, недостатка политических свобод, несвободных СМИ и т. п. В мае 1982 г. в Объединении сербских писателей был сформирован Комитет по защите художественного творчества. Этот комитет быстро превратился в символ демократического протеста против режима¹⁵³.

В критике режима и всего коммунистического прошлого и настоящего участвовали ученые-обществоведы, прежде всего из сотрудничавших ранее с известным общегославским журналом «Праксис», который выходил в свет с 1964 по 1975 гг. Более активными и здесь были сербы: философы Любомир Тадич и Михайло Маркович, экономист Коста Михайлович, юристы Воислав Коштуница и Коста Чавошки. Двое последних были авторами работы «Партийный плюрализм или монизм», в которой оспаривалась легитимность прихода коммунистов к власти в Югославии и установления ими однопартийной системы. За свои взгляды ученые были изгнаны из Белградского университета, а Чавошки еще и осужден на пять месяцев. Особую роль сыграла в тот период и книга сербского историка Веселина Джуретича «Союзники и югославская военная драма», в которой четники первый раз в научной литературе были показаны как антифашистская сила. За эту книгу Джуретич был исключен из СКЮ¹⁵⁴.

152 *Bilandžić D.* Op. cit. S. 715–716.

153 *Jović D.* Op. cit. S. 336–337.

154 *Bilandžić D.* Op. cit. S. 698–700; *Tomas R.* Srbija pod Miloševićem. Politika devedesetih. Beograd, 2002. S. 56–57.

Постепенно рушились основные мифы социалистической Югославии. Партизаны уже не воспринимались как единственная антифашистская сила в годы войны, а сама Югославия – как государство, создавшее совершенно иной тип социализма. Признавалось, что революция в Югославии свершилась по большевистскому образцу и даже после 1948 г. с местными действительными или мнимыми сталинистами обращались сталинскими же методами. Чуть позже писатель А. Исакович потребовал такого же пересмотра личности Тито, как это было после смерти Сталина или Мао, а Л. Тадич заявил, что, оспорив догму о непогрешимости своего бывшего верховного авторитета Сталина, Союз коммунистов Югославии сам от этих догм не отрешился, но только их национализировал¹⁵⁵.

Характерно, что на состоявшемся XII съезде СКЮ в июне 1982 г. этот вал критики еще не воспринимался всерьез и не нашел особого места в резолюциях партийного форума. Между тем, то, что острота критики и противостояния нарастала, показали похороны умершего в августе того же года А. Ранковича. На них собралось около 100 тыс. человек.

Нельзя сказать, что власти совсем бездействовали. Они пытались остановить начавшиеся процессы, в том числе и привычными методами. В апреле 1984 г. были арестованы 28 сербских интеллектуалов. Шестерых из них позже судили. Но, как и в случае с Джого, практически всех из них вскоре выпустили.

Белградская интеллигенция выступала за соблюдение прав человека, не только в Сербии, но и по всей Югославии. Центром подобной активности стал Комитет по защите свободы мысли и высказываний во главе с Добрицей Чосичем. В Комитет отказались войти представители словенской и хорватской интеллигенции, хотя и были в него приглашены. Тем не менее, Комитет протестовал и против ареста Алии Изетбеговича и других боснийских мусульман в Сараево, требовал освобождения находившихся в тюрьме Владо Готоваца и других участников массового движения в Хорватии. Комитет также выступал в защиту косовских албанцев, осужденных после событий 1981 г. За 1984–1989 гг. Комитет по защите свободы мысли и высказываний направил более 100 писем, протестуя против попрания в Югославии основных демократических прав¹⁵⁶.

155 *Bilandžić D.* Op. cit. S. 698–699.

156 *Ibid.* S. 339.

Сразу же после очередных косовских событий сербские власти попытались вновь поднять вопрос об изменениях в конституции¹⁵⁷. Однако оппоненты Сербии в югославском руководстве из других республик любую подобную попытку трактовали как возвращение к этатизму, централизму и великосербским поползновениям. Изменения конституции были заблокированы. Хотя именно «политическая система, установленная конституцией 1974 г., делала существовавший кризис более глубоким, тяжелым и безвыходным»¹⁵⁸.

Политолог Д. Йович в своей монографии, посвященной распаду югославской федерации, соглашается, что после принятия этой конституции в Югославии стал доминировать сербский вопрос, подобно тому, как в королевской Югославии доминировал хорватский. И это ослабляло страну, как в первом, так и во втором случае. В целом же, полагает Йович, конституция базировалась на марксистском тезисе об «отмирании государства», и тем самым «социализм благодаря своей господствующей саморазрушающей идеологии растворился изнутри... Он совершил самоубийство, увлекая за собой Югославию... Югославия была (анти)государством, которое отмерло»¹⁵⁹.

Отсутствие правового способа решения проблемы конституции 1974 г. не могло не вызвать постепенной радикализации сербских настроений. Обострилась и давняя борьба в ЦК Союза коммунистов Сербии между «либералами» во главе с И. Стамболичем и сторонниками радикального разрешения существовавших противоречий.

Тогда же, в 1984 г., на политической арене Сербии появился С. Милошевич – главное действующее лицо сербской истории 90-х годов XX в. «Либералы» среди сербских коммунистов потерпели поражение, а «радикалы» привели Милошевича через несколько лет к руководству партией. Сербский историк Л. Димич считает, что в тот момент, когда тоталитарная модель, включающая идеологический утопизм и неограниченную власть партийной элиты с харизматическими вождями, стала терять свою мощь в Европе,

157 Попытки пересмотра конституции со стороны Сербии предпринимались в 1975, 1981, 1984 и 1985 годах. См., например: *Димич Л.* Србија 1804–2004 (суочавање са прошлошћу) // *Димич Л., Стојановић Д., Јовановић М.* Србија 1804–2004: три виђења или позив на дијалог. Београд, 2005. С. 102.

158 Там же. С. 100.

159 *Jović D.* Op. cit. S. 17, 58.

она начала укрепляться в Сербии, до тех пор самой либеральной югославской республике¹⁶⁰.

События в Косово в решающей степени влияли и на то, что общегославский демократизм сербской оппозиционной интеллигенции постепенно все больше стал заменяться национальными идеями. Если раньше многие из оппозиционеров, включая того же Добрицу Чосича, считали югославскую федерацию лучшим решением сербского вопроса, то теперь она начинала трактоваться ими как прежде всего механизм для подавления всего сербского¹⁶¹.

Тогда же члены Сербской академии наук и искусств в проекте своего известного меморандума фактически обвинили коммунистическую власть в 45-летней антисербской деятельности и в создании антисербской коалиции в Югославии. Одновременно лидер сербских коммунистов С. Милошевич начал использовать такие настроения для упрочения своего положения. Ему это во многом удалось. Союз коммунистов Сербии в глазах многих сербов превратился в главного защитника сербских интересов, прежде всего в Косово. В целом С. Милошевич в то время довольно ловко совершил идеологический переход «от власти от имени класса к власти от имени нации»¹⁶².

В конце 1988 г. Милошевич с помощью в значительной степени инспирированных акций протеста против местной бюрократии смог заменить руководство в Воеводине и Черногории на своих ставленников. Аналогичные попытки делались и в Боснии и Герцеговине, но они провалились. Эти перевороты получили название «антибюрократических революций». Но, конечно, они не имели ничего общего с революциями конца 80-х годов в Восточной Европе. Природа у этих явлений была различной.

В то время, когда везде в Восточной Европе коммунизм доживал последние дни, старый режим в Сербии под лозунгом «антибюрократических революций» сумел основательно утвердиться. «Старый режим выступил в роли нового», сербское партийное руководство ухитрилось «стать одновременно и властью, и оппозицией». Наконец, в какой-то момент в Сербии «власть и оппозиция оказались не противоборствующими сторонами, а единым фронтом, противостоящим интересам других югославских народов и их элит»¹⁶³.

160 Димић Љ. Историја српске државности. С. 450–451, 454.

161 Павловић С.К. Србија иза имена. Београд, 2004. С. 218, 227.

162 Там же. С. 244.

163 Стоянович Д. Порочный круг сербской оппозиции // Сербия о себе. С. 117.

Направляемый Милошевичем националистический бум в Сербии подпитывался параллельным ростом национализма в северо-западных республиках – Словении и Хорватии. Так, в Словении явно в пик сербам открыто поддерживали албанских сепаратистов в Косово. Попытка Милошевича направить в конце 1989 г. в Любляну 100 тысяч сербов для проведения там «митинга истины» о положении в Косово была расценена в Словении как новое доказательство стремления сербского руководства к расширению своего влияния на всю Югославию. Служба безопасности Словении не допустила проведения митинга, что привело к бойкоту словенских товаров в Сербии.

Тем временем экономическое положение страны быстро ухудшалось. В конце 1989 г. гиперинфляция в югославской экономике достигла уже 3000% в год. Избранный незадолго до этого на пост премьер-министра (единственный оставшийся общегославский пост, который не замещался по очереди представителями республик) известный экономист-практик из Хорватии Анте Маркович заявил, что правительство может работать и без разваливавшейся компартии. Более того, распад партии, всегда командовавшей экономикой, казалось, развязывал премьер-министру руки.

В декабре 1989 г. Маркович предложил пакет мер по оздоровлению экономики: превращение динара в конвертируемую внутри страны валюту, сбалансирование бюджета, свободное формирование цен, широкая приватизация. Речь, таким образом, шла уже не о «стабилизации», а о значительном повороте в сторону использования в экономике рыночных механизмов. И первые результаты реформы оказались на удивление успешными. С 1 января 1990 г. курс динара был привязан к немецкой марке и держался твердо, инфляция упала до нулевого уровня; экспорт увеличился на 25%, а импорт – на 40%; внешний долг снизился с 21 до 16 млрд. долларов США. Трудно сказать, чем бы реформа закончилась: возможно, у Югославии появлялся последний шанс, альтернатива все более усиливавшемуся национализму. Однако времени для завершения реформ у Марковича уже не было.

НАЧАЛО РАСПАДА ЮГОСЛАВИИ

Окончательно югославские республики разошлись на XIV чрезвычайном съезде СКЮ, начавшем свою работу в январе 1990 г. Словенская делегация после отклонения ее требования о реорганизации партии на конфедеративных принципах покинула съезд.

Без словенцев не захотели продолжать работу депутаты от Хорватии и от Боснии и Герцеговины. На съезде был объявлен перерыв, который оказался бессрочным. Крах коммунистической партии не мог не иметь далеко идущих последствий. В политико-идеологическом плане югославские республики фактически больше ничего не связывало. Начинался последний акт югославской драмы.

В конце 1989 г. под давлением событий в Восточной Европе и своего собственного кризиса югославские власти разрешили, наконец, выборы на многопартийной основе. Еще в период подготовки к последнему съезду СКЮ сначала в Словении, а затем и в других республиках начали образовываться новые партии, которым после полувековой коммунистической монополии предстояло участвовать в свободных выборах. В подавляющем большинстве эти партии образовывались исключительно на национальной основе, многие из них считали себя преемниками партий, существовавших в период между двумя мировыми войнами и даже раньше.

Так, в Сербии возникли Демократическая партия и Сербская радикальная партия, в Хорватии – Хорватская партия права и Хорватская крестьянская партия, в Македонии – Всемакедонская революционная организация – Демократическая партия македонского национального единства (ВМРО-ДПМНЕ). Занялись своей реорганизацией и республиканские коммунистические партии.

В Словении и Хорватии компартии стали называться соответственно Союз коммунистов Словении – Партия демократического обновления и Союз коммунистов Хорватии – Партия демократических перемен. Эти партии уже фактически перешли на социал-демократические позиции. Позже в Словении первая часть названия партии была отброшена, а в Хорватии и формально партия была переименована в социал-демократическую. О превращении в Социал-демократическую партию принял решение и Союз коммунистов Боснии и Герцеговины.

Иначе произошло в Сербии и Черногории. В Сербии после объединения республиканского Союза коммунистов с Социалистическим союзом трудового народа (организация, выросшая из послевоенного Народного фронта и олицетворявшая «нерушимый блок коммунистов и беспартийных») была образована Социалистическая партия. А в Черногории вообще продолжал существовать республиканский Союз коммунистов.

Первые многопартийные выборы в Югославии проходили с весны по осень 1990 г. В Словении, где все партии, в том числе и экс-коммунистическая Партия демократического обновления,

апеллировали к словенским национальным интересам, победу одержал блок оппозиционных партий – Демократическая оппозиция Словении (ДЕМОС). Еще большая неудача ожидала бывших коммунистов в Хорватии, где большинство голосов получила откровенно националистическая партия – Хорватское демократическое содружество (ХДС), возглавляемое Ф. Туджманом.

В Сербии победу одержала Социалистическая партия Сербии (СПС) С. Милошевича, получившая три четверти мест в парламенте. Антикоммунистические и демократические силы не смогли составить ей конкуренцию. В Черногории, единственной из всех югославских республик, довольно убедительно победил республиканский Союз коммунистов. (Лишь через два года, в 1992 г., он изменил свое название и стал именоваться Демократической партией социалистов Черногории.)

В Македонии борьба на выборах развернулась между тремя блоками партий – левым во главе с бывшими коммунистами, национально ориентированным во главе с ВМРО-ДПМНЕ и албанским во главе с Партией демократического процветания. Ни одна из партий не получила большинства голосов, поэтому было составлено первое коалиционное правительство из ВМРО-ДПМНЕ и реформированной компартии – Союза коммунистов Македонии – Партии демократических преобразований.

Наконец, на первых многопартийных выборах в Боснии и Герцеговине победила хрупкая коалиция национальных партий – мусульман (Партия демократического действия), сербов (Сербская демократическая партия) и хорватов (Хорватское демократическое содружество). Было сформировано коалиционное правительство. Председателем Президиума стал лидер боснийских мусульман А. Изетбегович.

В 1989 г. сербская скупщина приняла поправки к конституции Сербии. Автономные края Косово и Метохия (так вновь стал называться автономный край Косово), а также Воеводина теряли атрибуты государственности (полученные ими по конституции 1974 г.) и вновь становились лишь территориальными автономиями. В этом вопросе фактически произошел возврат к нормам федеральной конституции 1963 г. В 1990 г. эти изменения были закреплены в новой конституции республики. Сербия провозглашалась демократическим государством всех граждан, которые в ней проживают.

После этого в Косово и Метохии заметно усилился никогда не прекращавшийся там албанский сепаратизм, и сербские власти

были вынуждены ввести в край дополнительные полицейские и воинские подразделения. Позже в условиях фактического военного положения в Косово албанцы провели нелегальный референдум, на котором они, составлявшие уже около 90% населения, проголосовали за независимость. «Подпольным» президентом края был избран литератор И. Ругова.

В конце 1990 г. на заседании Президиума СФРЮ было решено провести переговоры представителей всех республик об изменении федеративного устройства страны. Такие переговоры открылись в начале 1991 г. Параллельно с ними происходили двусторонние переговоры республиканских делегаций. Но все эти переговоры не принесли желаемого результата. Столкнулись в основном две концепции: сохранение федерации или ее преобразование в конфедерацию. Первую концепцию выдвигали Сербия и Черногория, вторую – Словения и Хорватия. Промежуточное положение занимали Босния и Герцеговина и Македония. Впрочем, идея конфедеративного устройства (уже фактически существовавшего в стране) использовалась ее сторонниками главным образом лишь для того, чтобы замаскировать истинные цели – отделение от Югославии.

11 апреля 1991 г. на совещании представителей и председателей Президиумов всех республик вновь прозвучало два подхода к разрешению кризиса – федеративный и конфедеративный. Тогда же Словения оповестила о своей бескомпромиссной позиции – «стать самостоятельным, суверенным и независимым государством», согласно результатам проведенного плебисцита. Представители Хорватии также заявили, что в случае, если не удастся подписать договор о союзе суверенных государств, они предпримут самостоятельные шаги для выхода из Югославии.

В своей борьбе за сохранение единого государства Сербия (не считая маленькой Черногории) все больше оставалась в одиночестве. Действия ее руководства объяснялись тем, что если другие народы бывшей Югославии при распаде федерации образовывали свои национальные государства, сербы, наоборот, оказывались разделенным народом. В таких условиях сербская позиция содержала несколько принципиальных положений: при желательности сохранения целостности Югославии признание за хорватами и словенцами права на образование собственных национальных государств, включающих хорватские и словенские «этнические территории»; признание за сербским народом такого же права на образование национального государства, включающего территории с

преобладающим сербским населением; отказ признать межреспубликанские административные границы в качестве будущих межгосударственных границ¹⁶⁴.

Таким образом, цели Сербии и северо-западных республик были противоположными. На компромисс никто идти не собирався. В какой-то степени свою роль сыграл и субъективный фактор. Лидеры трех ключевых для сохранения Югославии республик – Сербии, Боснии и Герцеговины, Хорватии – были очень разные, но в своей неуступчивости и национализме в чем-то походили друг на друга. Любопытную характеристику сербского и хорватского лидеров оставил тогдашний посол США в Югославии У. Циммерман. «В отличие от С. Милошевича, – пишет он, – которым руководило стремление к власти, Ф. Туджман был обуян хорватским национализмом. Его преданность Хорватии была самого примитивного типа...»¹⁶⁵ Добавим, что глава боснийских мусульман А. Изетбегович был обуян фанатичным религиозным чувством, причем также самого примитивного типа. Своими упорными попытками создать унитарную исламскую Боснию он провоцировал гражданскую войну, в которой затем погибли более 60 тысяч боснийских мусульман.

Национализм существовал во всех югославских республиках, был присущ всем народам и народностям Югославии. Однако в те годы он достиг почти запредельного уровня. Все республиканские СМИ соревновались в провоцировании национальной истерии. И во всех югославских республиках, как и везде в Восточной Европе, национализм стал средством борьбы с коммунизмом. Только Сербия оказалась исключением. Ее лидер С. Милошевич с помощью национализма попытался, наоборот, сохранить коммунизм у себя в республике¹⁶⁶. Это имело для сербов самые печальные последствия.

Формально началом распада федерации можно считать 25 июня 1991 г., когда парламенты Словении и Хорватии в одностороннем порядке объявили о выходе своих республик из Югославии и провозгласили независимость. Окончательно же

164 Центральная-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. Т. 3. Трансформации 90-х годов. Ч. 1. М., 2002. С. 407.

165 Цит. по: Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 136.

166 Батаковић Д., Протић М.Ст., Самарџић Н., Фотић А. Указ. соч. С. 375–376.

Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) прекратила существовать еще через полгода, в январе 1992 г., когда независимость Словении и Хорватии признали страны Европейского Союза. В начале апреля 1992 г. была признана независимость Боснии и Герцеговины. В конце апреля 1992 г. возникла «третья», сербско-черногорская Югославия.

Раздел без договоренностей, как правило, означает войну. Это понимали все – и желающие приобрести независимость югославские республики, и западные державы. И все же и те, и другие выбрали именно этот путь.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В СЕРБИИ

СЕРБИЯ В НАЧАЛЕ ЮГОСЛАВСКОГО КРИЗИСА

Титовскую Югославию часто выделяют из других бывших европейских социалистических стран как нечто непохожее, специфичное и даже стоящее совершенно особняком во всем социалистическом лагере. При этом подчеркивается ее самостоятельная «аутентичная» революция, особый путь развития вне рамок «реального социализма» – так называемый югославский эксперимент, межэтнические войны 90-х годов взамен «бархатных революций» и т. п. Такой взгляд по наследству распространяется и на милошевичевскую сербско-черногорскую Югославию, которая также трактуется как нечто совершенно выбивавшееся из общего строя стран, решавших задачи трансформации. И только после 2000 г., после падения режима Милошевича, Сербия, наконец, вернулась на общую для всех трансформационную дорогу.

Еще раз подчеркнем, что такое вынесение югославских событий за рамки общих процессов, проходивших после Второй мировой войны в Восточной Европе (включая и Советский Союз), на наш взгляд, неправомерно. Развитие Югославии в общих чертах шло синхронно с остальными европейскими социалистическими странами. Это, конечно, не означает, что в титовской Югославии не было своей специфики, связанной прежде всего с конфликтом между СССР и Югославией в 1948 г. Но даже эксперименты с так называемым «самоуправленческим социализмом» не были чем-то уж совсем необычным и вполне могут трактоваться как первые попытки реформирования тоталитарного социализма, поиски его модели с более «человеческим лицом».

Однако затем развитие Югославии в целом не очень отличалось от других социалистических стран. С 70-х годов XX в. для всех этих стран, включая Югославию, наступило время так называемого «застоя». Фактически одновременно в этих странах произошел крах социалистических режимов. Он состоялся в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. и получил название «бархатных революций» 1989 г.¹⁶⁷ В Югославии «бархатных революций» в чистом виде не

167 См. подробнее: Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М., 2011.

было, но роль таких судьбоносных событий, решавших вопрос о власти, сыграли первые многопартийные выборы.

В предыдущей главе уже говорилось, что такие выборы проходили в югославских республиках с весны и до конца 1990 г. В Сербии они состоялись в декабре, убедительную победу на них одержала Социалистическая партия, а ее лидер С. Милошевич был избран председателем Президиума Сербии.

Как и в других республиках, конкуренцию бывшим сербским коммунистам составили правые и националистические (или национально ориентированные) партии. В Сербии эту роль играло прежде всего Сербское движение обновления (СДО) во главе с В. Драшковичем. Но национальный козырь был уже в руках у С. Милошевича, контролировавшего к тому же средства массовой информации. Не добилась успеха на выборах и Демократическая партия во главе с Д. Мичуновичем (позже на посту главы партии его заменил З. Джинджич). Полностью проиграли выборы выступившие в коалиции две небольшие проюгославски ориентированные партии: Союз реформаторских сил (созданный премьером А. Марковичем) и Объединение за югославскую демократическую инициативу. Присутствие этих партий на выборах было заметно лишь в Белграде.

Необходимо отметить, что к первым многопартийным выборам Милошевич сумел хорошо подготовиться. В 1987–1989 гг. он смог консолидировать собственных сторонников, его представители занимали командные позиции в политике, экономике, средствах массовой информации. В июле 1990 г. Милошевич инициировал референдум, давший ему возможность еще до выборов утвердить в парламенте новую сербскую конституцию.

В то же время он фактически проигнорировал требование оппозиции провести переговоры между властью и оппозицией за круглым столом. Как отмечал один из лидеров Демократической партии В. Коштуница, власти превратили переговоры за круглым столом в разновидность пресс-конференций, где рапортовали о своих достижениях, и если «в большинстве восточноевропейских стран оппозиционные группы имели возможность влиять на способ организации выборов, то в Сербии речь скорее шла о некоторых уступках, чем о переговорах»¹⁶⁸.

Впрочем, даже после выборов режим Милошевича не мог почивать на лаврах. Ему пришлось выдержать столкновение с

168 Цит. по: *Tomas R. Op. cit. S. 90.*

оппозицией, выведшей народ на улицы Белграда в марте 1991 г. Власти прибегли к силе, послав в центр города танки, и восстановили контроль над ситуацией. Однако экономическое и внешнеполитическое положение страны настолько быстро ухудшалось, что в обозримой перспективе можно было ожидать повторения акций протеста еще большего масштаба и ожесточения.

Мартовские события 1991 г. имели еще одно важное последствие. По словам английского политолога Р. Томаса, если в 1987–1990 гг. стратегия Милошевича формировалась в рамках федеративной Югославии, то с этого времени он становится защитником и носителем идеи «Великой Сербии», идеи создания государства из тех частей Югославии, где проживали сербы. Не случайно уже 25 марта Милошевич провел тайные переговоры о разделе Боснии и Герцеговины с хорватским президентом Ф. Туджманом в Караджорджево¹⁶⁹.

Курс Милошевича действительно поменялся, но прежде всего вследствие становившейся все более эфемерной задачи сохранения прежней Югославии. Вряд ли решающее влияние на этот поворот могла оказать оппозиция. Кроме того, безапелляционно называть его новую стратегию «великосербской» – значит повторять известный жупел времен еще австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины¹⁷⁰. Впрочем, тезис о «великосербской политике» стал в 90-е годы XX в. важнейшим постулатом антисербской пропаганды. Его автоматически, не особенно задумываясь, повторяли многие западные исследователи и журналисты.

Не оправдывая всех злодеяний, совершенных сербами (как и хорватами, боснийцами, албанцами, македонцами) в ходе межэтнических гражданских войн, заметим, что после начавшегося развала Югославии сербский народ имел право на самоопределение ничуть не меньше, чем любой другой народ федерации. В этом не было ничего «великосербского». Как, кстати, ничего «великохорватского» не было в претензиях Хорватии после распада Югославии на заселенную хорватами Западную Герцеговину. Значительно бóльшую проблему создавало то, что в составе югославских республик были так называемые «нетитульные нации», которые в результате распада Югославии могли подвергнуться и уже подвергались дискриминации.

169 Ibid. S. 103.

170 Подробнее см.: Велика Србија. Истине, заблуде, злоупотребе. Белград, 2003.

Но вначале, на фоне других, более грозных событий, «бархатные революции» в Югославии прошли почти незаметно в форме, как мы отметили, многопартийных выборов. За исключением Сербии и Черногории эти выборы во всех других республиках привели к власти оппозицию. В то же время революционные потрясения на этом отнюдь не заканчивались, а только начинались. Революции не долго оставались «бархатными», на смену им шла череда межэтнических гражданских войн, связанных с развалом многонационального государства.

С исторической точки зрения здесь не было ничего необычного, достаточно вспомнить почти бескровный захват власти большевиками в 1917 г. в России, который довольно быстро перерос в кровавую гражданскую войну на фоне распада единого государства. Вопрос о том, считать ли гражданскую войну частью революции, и в российском, и в югославском случае остается дискуссионным. Мы придерживаемся мнения, что в любом случае это был единый процесс, который мог принимать разные формы, но решал один и тот же главный вопрос – вопрос о власти.

СЕРБИЯ ПОД РЕЖИМОМ САНКЦИЙ

Итак, в результате первых многопартийных выборов власть в Сербии сохранили бывшие коммунисты, ставшие социалистами. Антикоммунистической «бархатной революции» в этой республике не произошло. В то же время в условиях начавшихся преобразований в странах Восточной Европы сербские власти не могли ничего не менять. Процесс трансформации затронул и Сербию, однако в условиях сохранения старой властной номенклатуры шел здесь крайне медленно и непоследовательно. Но в отличие от прошлых лет в Сербии все-таки существовала, хотя и деформированная, многопартийная парламентская система, полусвободная пресса, оппозиция периодически могла проводить акции протеста, принимавшие иногда массовый характер. Однако власть и правящая партия полностью контролировали армию, полицию, в значительной степени экономику (прежде всего денежные потоки) и т. п.

На наш взгляд, в Сербии существовал режим личной власти с элементами парламентаризма. Впрочем, в историографии можно найти разные точки зрения. Говоря о природе милошевичевского режима, Д. Стоянчевич называет его «постмодерным тоталитаризмом», когда государство разрешает своим гражданам все, что не угрожает самой власти. Это, по ее словам, была «своего рода

разновидность политического апартеида, когда две противостоявшие стороны, власть и ее противник, жили друг рядом с другом, но без взаимных коммуникаций и без возможности влияния друг на друга»¹⁷¹. Соглашаясь в целом с наблюдениями сербской исследовательницы, отметим, что режим Милошевича был все-таки авторитарным, но никак не тоталитарным (пусть даже с добавлением определения «постмодерный»). Он являлся даже менее авторитарным, чем «самоуправленческий» режим Тито, который также следует квалифицировать как авторитарный, но не тоталитарный.

В данном случае мы разделяем позицию сербского политолога В. Цветковича, назвавшего режим Милошевича «мягким авторитаризмом», приправленным, «с одной стороны, примесями посткоммунистической криминальной “братковой” системы, а с другой стороны – цинизмом “международного сообщества” и его глуповато-подлыми санкциями»¹⁷². В то же время следует заметить, что режим Милошевича с его попытками трансформации не был каким-то уникальным явлением для Восточной Европы. Во многих республиках Советского Союза никаких «бархатных революций» не произошло и власть сохранили бывшие коммунистические функционеры. Но это не помешало, скажем, Украине или Казахстану начать общие для постсоциалистических стран преобразования. Специфика Сербии была в другом. Становление нового государства было здесь полностью деформировано, и во многом из-за международных экономических санкций.

Санкции против Союзной Республики Югославии были введены 30 мая 1992 г. (резолюция СБ ООН № 757) в наказание за участие Югославской народной армии (ЮНА) в военных действиях в Боснии и Герцеговине. Санкции вводились без каких-либо временных ограничений и затем только ужесточались – в том же 1992 г. (резолюция № 787) и в 1993 г. (резолюция № 820). Антисербские санкции предусматривали запрет на торговлю, включая нефть и нефтепродукты, замораживание научно-технического сотрудничества и культурных обменов, сокращение штатов посольских и консульских представительств Югославии за рубежом, запрет на участие в международных спортивных состязаниях, блокирование воздушного сообщения и замораживание югославских авуаров в

171 Стојановић Д. Уље на води: политика и друштво у модерној историји Србије // Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М. Србија 1804–2004... С. 145–146.

172 Цветкович В.Н. Снова в начале // Сербия о себе. С. 310.

зарубежных банках. Санкции, принося страдания простому народу, объективно способствовали сохранению власти в руках у Милошевича – внешняя угроза, как всегда, сплачивала нацию вокруг правящего режима. Кроме того, санкции вели к криминализации всей сербской экономики, ведь обходить их приходилось с помощью нелегальных контрабандных методов.

Но, несмотря на все ухищрения, экономическое положение страны неуклонно ухудшалось. В 1993 г. Сербию захватила невиданная гиперинфляция, бившая все мировые рекорды. Курс югославского динара по отношению к немецкой марке падал каждый час. В обращении была купюра достоинством 500 млрд. динар (5 и одиннадцать нулей!). Правительство было вынуждено перейти к нормированию основных продуктов питания.

От полного коллапса экономику Сербии спасла «Программа монетарной реконструкции и экономического оздоровления», реализованная главой Югославского национального банка 75-летним профессором Д. Аврамовичем. Фактически его реформа была частью трансформации сербской экономики.

Д. Аврамович считал себя приверженцем экономической школы Дж. Кейнса, которая допускает умеренную инфляцию для оживления производства. Однако в югославских условиях он был вынужден обратиться к идеям противоположной, монетаристской школы М. Фридмана. Но главное, что Аврамович действовал творчески, не придерживаясь слепо классических рекомендаций. Так, считается, что сначала нужно сбалансировать бюджет, подготовить достаточные золотовалютные запасы и лишь потом вводить фиксированный курс национальной валюты. Аврамович поступил наоборот. Он пошел на закрепление курса динара при сохранении бюджетного дефицита, что считается его личным вкладом в теорию борьбы с инфляцией. В тех условиях другого выхода у него просто не было. Более чем скромный золотовалютный запас Югославии стремительно уменьшался. Из-за блокады страна к тому времени потеряла уже около 45 млрд. долларов, включая югославские средства, замороженные в зарубежных банках. Думать про какие-то иностранные кредиты в условиях санкций также не приходилось.

В середине января 1994 г. в Югославии перестали печатать старые деньги, а 24 января началась сама реформа: был введен в обращение «новый динар», жестко привязанный в соотношении 1:1 к немецкой марке. Новые динары печатались небольшими порциями, а их эмиссия была обеспечена валютными резервами. Некоторое время в обращении были и старые, и новые динары,

но курс старой национальной валюты также был фиксированным. Характерно, что новые деньги тоже вводились в оборот не по классическому образцу. Новые динары шли прежде всего на выплаты пенсий, пособий, зарплат бюджетникам. Получатели этих выплат находились в столь плачевном положении, что не могли конвертировать новые динары в марки, а сразу тратили их на приобретение самого необходимого.

Были предприняты и другие меры. В частности, крупные изменения претерпела налоговая система. Величина налоговых ставок была уменьшена при одновременном расширении налоговой базы и сокращении времени взимания налогов. Особенно заметно, на четверть, снижались налоги на оборот товаров, составлявших потребительскую корзину, и налоги на прибыль в случае ее реинвестирования. Акцизы были введены только на 6 групп товаров: нефть, алкоголь, табак, кофе, автомобили и предметы роскоши. Любопытно, что программа Аврамовича не предусматривала замораживание цен или заработной платы.

Первый и основной этап реформы продолжался шесть месяцев, до 24 июля 1994 г., когда, как и предполагалось, прекратилось дефицитное финансирование бюджета. Впервые за долгие годы цены оставались стабильными, наблюдались даже дефляционные процессы. Оживилось производство. Начался рост заработной платы. Если до реформы она в среднем составляла всего несколько немецких марок, то летом – уже около 180 новых динар (тех же немецких марок). В целом уровень жизни повысился в 2–3 раза. Конечно, не все было столь гладко. Оставались очень серьезные проблемы. К тому же вскоре началось постепенное отступление от фиксированного курса нового динара. Как это часто бывает, автор «югославского экономического чуда» был отправлен в отставку¹⁷³.

Повторим, что фактически реформа Аврамовича была составной частью трансформации сербской экономики. В специфических сербских условиях такая частичная трансформация началась еще до победы «бархатной революции». И уже тем самым трансформационные процессы были извращены не только антисербскими санкциями, но и нерешенностью вопроса о власти.

В 1990-х годах социалистам Милошевича достаточно успешно удавалось удерживаться у власти, создавая различные коалиции

173 О реформе Д. Аврамовича см., например: *Kostuћ B.* Искушења чудотворца // НИН. 1994. Бр. 2294. 16 decembra; *Kalajić D.* Avramovićevo političko čudo // Duga. 1995. Br. 1608. Od 4 do 17 februara.

с Сербской радикальной партией (СРП) В. Шешеля. Ведущими оппозиционными партиями были Сербское движение обновления (СДО) В. Драшковича, Демократическая партия (ДП) З. Джинджича и Демократическая партия Сербии (ДПС) В. Коштуницы. Демократические силы также формировали хрупкие коалиции, самыми значительными из которых были: Демократическое движение Сербии – ДЕПОС (1992 г.), объединение «Вместе» (1996 г.) и Демократическая оппозиция Сербии – ДОС (2000 г.). В целом в Сербии на протяжении всех 1990-х годов на политической арене и в парламенте существовали три политических течения: социалистическое (СПС, Югославские левые – ЮЛ), демократическое (ДП, ДПС, СДО) и националистическое (СРС).

Однако парламент не играл в 1990-е годы определяющей роли. Поэтому самые важные события в политической жизни Сербии происходили не в стенах парламента, а на улице. Одновременно история оппозиции Сербии в указанное десятилетие – это в известном смысле «хроника уличных демонстраций»¹⁷⁴. Первый 50-тысячный митинг сербской оппозиции прошел в июне 1990 г., еще до многопартийных выборов, последний – в октябре 2000 г., когда оппозиция пришла, наконец, к власти.

Уже в 1993 г. С. Милошевич начал пересматривать прежнюю политику, отходить от поддержки хорватских и боснийских сербов, что выразилось в его согласии сначала на план урегулирования боснийского кризиса, получивший название плана Вэнса–Оуэна, а затем и на план Контактной группы. Однако в Сербии далеко не все политические силы поддерживали этот поворот. Кроме правящей Социалистической партии, за подписание плана Контактной группы выступали председатель Сербского движения обновления В. Драшкович и лидеры ряда мелких демократических партий, вроде Гражданского союза Сербии (В. Пешич); против – вождь радикалов В. Шешель и два лидера демократической оппозиции — З. Джинджич и В. Коштуница. Против поворота в политике Милошевича, отказа от помощи соотечественникам за Дриной была влиятельная Сербская Православная Церковь. И даже руководители югославской армии и спецслужб восприняли новую политику без энтузиазма.

После фактического отказа боснийских сербов от плана Контактной группы югославское руководство 4 августа 1994 г. прервало все связи с Республикой Сербской и даже ввело против нее, перекрыв все границы, экономическую блокаду. Руководителям

174 *Tomas R. Op. cit. S. 295, 423.*

боснийских сербов был запрещен въезд в СРЮ. Позже Милошевич принял активное участие в переговорном процессе в Дейтоне и своим давлением на боснийских сербов фактически способствовал реализации Западом своих целей.

В определенной мере С. Милошевич достиг своей цели. Во-первых, одно время он стал рассматриваться на Западе как «фактор мира» и «гарант стабильности» на Балканах. Во-вторых, в октябре 1996 г., через 10 дней после официального объявления результатов выборов в Боснии и Герцеговине, Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1074 об отмене продолжавшихся 52 месяца антисербских санкций. Правда, осталась так называемая «внешняя стена» санкций. США отказались включить в резолюцию пункт, предусматривавший автоматическое восстановление Союзной Республики Югославии в ООН и других международных организациях. США также воспрепятствовали налаживанию связей СРЮ с Международным валютным фондом, Всемирным банком и другими финансовыми институтами. Оставались замороженными авуары экс-Югославии в западных банках.

В ноябре 1996 г. состоялись новые парламентские и муниципальные выборы. Правящая коалиция (Сербская социалистическая партия С. Милошевича, ЮЛ его супруги М. Маркович, а также партия «Новая демократия» Д. Михайловича) получила 48,5% голосов, или 64 из 138 мест в парламенте. Новая оппозиционная коалиция «Вместе» – Сербское движение обновления (В. Драшковић), Демократическая партия (З. Джинджич) и Гражданский союз (В. Пешич) – получила 23,9% голосов, или 22 места. В то же время на местном уровне оппозиция победила во всех крупных городах.

Центральная избирательная комиссия попыталась оспорить итоги выборов. В результате несколько месяцев в Югославии происходили многотысячные уличные манифестации оппозиции, протестовавшей против «кражи голосов». Демонстранты забрасывали правительственные учреждения сырыми яйцами, поэтому эти зимние протестные шествия называли еще «яичной революцией». Протест оппозиции получил международную поддержку, в частности со стороны ОБСЕ. Более того, в борьбе государства с оппозицией «международное сообщество стало третьим игроком»¹⁷⁵. Причем игроком, игравшим на стороне оппозиции.

С. Милошевич был вынужден кое в чем уступить. Так, мэром Белграда на короткое время стал лидер Демократической партии

175 Ibid. S. 305.

3. Джинджич. Но главное — «яичная революция» осенью-зимой 1996–1997 гг. помогла оппозиции поверить в свои силы и во многом стала репетицией и прообразом будущих революционных событий в Белграде в октябре 2000 г.

В июне 1997 г. С. Милошевич, который не мог больше баллотироваться в президенты Сербии, стал президентом Югославии и сохранил в своих руках всю полноту власти. Но передышки для него не наступило. Уже с начала 1998 г. стал резко набирать обороты конфликт в Косово и Метохии. Относительно умеренные албанцы во главе с И. Руговой были оттеснены боевиками из так называемой Армии освобождения Косово (ОАК) во главе с полевым командиром Х. Тачи, которые фактически начали вооруженный бунт против центральной власти. Ответные действия сербской полиции и спецназа дали повод международному сообществу в лице ООН, ОБСЕ, Контактной группы развернуть кампанию по защите прав человека в Косово.

Весной 1998 г. Югославии было предложено заключить трехгодичное соглашение, по которому НАТО получала возможность ввести в Косово 30 тыс. военнослужащих для обеспечения мира и демократических выборов. Это было расценено югославскими властями как вмешательство во внутренние дела государства. Но уже в октябре 1998 г. С. Милошевич после многодневных изнуряющих переговоров был вынужден заключить соглашение с американским представителем Р. Холбруком, по которому небо над Косово предоставлялось для патрулирования натовским самолетам-разведчикам, а в сам край вводилось 2 тыс. наблюдателей ОБСЕ. Кроме того, из Косово выводился сербский спецназ.

Однако и этого Западу показалось мало. В феврале 1999 г. во Франции в замке Рамбуйе под эгидой Контактной группы начались переговоры между властями Сербии и представителями косовских албанцев по поиску вариантов выхода из кризиса. Но они ничего не дали. Югославское руководство было наотрез против ввода в Косово войск НАТО. Ничего не дал и второй раунд переговоров в марте 1999 г.

Тем временем ситуация в Косово еще больше обострилась. В ответ на боевые действия косовских албанцев в край была введена 40-тысячная сербская армия. Совместно с полицией она приступила к ликвидации баз ОАК, что сопровождалось жертвами и среди мирного населения. Многие албанские семьи были вынуждены покинуть край и перебраться в Албанию и Македонию, где были развернуты специальные лагеря беженцев. Не ожидая формального окончания переговоров в Рамбуйе, НАТО во главе с США при-

ступила к подготовке ракетно-бомбовых ударов по территории Югославии, хотя это и нарушало основополагающие принципы международного права.

Агрессия НАТО против Союзной Республики Югославии под кодовым названием «Союзническая сила» началась 24 марта 1999 г. и продолжалась 78 дней, до 10 июня. Ударам с воздуха подвергалась вся территория страны, включая Белград и другие крупные города, были разрушены многие предприятия, больницы, мосты. Погибло более 2 тыс. югославских граждан, в том числе стариков и детей, а общий ущерб, по некоторым данным, составил около 100 млрд. долларов.

При посредничестве России СРЮ была вынуждена сдаться – согласиться на вывод своих войск из Косово и на ввод туда многонациональных международных сил под руководством НАТО. Эти силы (около 50 тыс. чел.), созданные по аналогии с силами СФОР в Боснии, получили название КФОР. В них вошли и российские военнослужащие (3 тыс. чел.), которые не получили отдельной зоны ответственности. Формально, согласно специально принятой резолюции СБ ООН № 1244, Косово оставалось в составе Югославии, однако фактически край оказался под оккупацией военных сил НАТО и под управлением специально созданной гражданской миссии ООН (УНМИК).

В то же время не все пункты этой резолюции были выполнены, в частности, возвращение в край ограниченного контингента югославских полицейских и пограничных войск, разоружение боевиков ОАК. В результате в Косово начались массовые насилия, бесчинства, убийства мирных жителей, поджоги и разграбления имущества неалбанского населения, разрушения культурно-исторических памятников. Край были вынуждены покинуть 250 тысяч сербов и других жителей неалбанского происхождения. Произошла новая гуманитарная катастрофа. Насилие и терроризм стали выплескиваться за административные границы края – в южную Сербию (в долину Прешево-Буяновац-Медведже, где шириной в 5 км была создана сухопутная буферная демилитаризованная зона) и в Македонию, в приграничные районы с преобладающим албанским населением.

САМОПРОВОЗГЛАШЕННЫЕ НЕПРИЗНАННЫЕ ГОСУДАРСТВА

Революционные потрясения в Восточной Европе в 1990-е годы характеризовались возникновением сразу нескольких так

называемых самопровозглашенных, или непризнанных, государств¹⁷⁶. Это напрямую касалось постюгославского пространства. В результате сербская государственность в те годы существовала не только в рамках сербско-черногорского объединения, получившего название Союзная Республика Югославия.

Конечно, многие современные государства прошли в своем развитии этапы самопровозглашения и непризнанности. Ту же Советскую Россию в течение десятка лет не признавали многие государства, включая США. Да и сами США возникли в результате самопровозглашения после кровопролитной войны за независимость.

Однако в 90-е годы прошлого века самопровозглашенные государства в Европе возникали не в связи с предшествующей национально-освободительной борьбой и/или революцией, а вследствие распада двух федераций – СССР и Югославии. Этот распад проходил по внутренним административным границам, существовавшим между национальными республиками. Добившись независимости, эти республики на короткое время стали самопровозглашенными государствами. Во время и после получения республиками международного признания происходила уже их собственная этническая фрагментация. Новые государственные образования внутри республик уже не получили признания у «международного сообщества» и остались в статусе самопровозглашенных.

Всего в бывшей Югославии во время хорватской и боснийской войн и косовского кризиса возникло пять самопровозглашенных государств – по одному в Хорватии и Сербии и сразу три в Боснии и Герцеговине. Ими являлись Республика Сербская Краина в Хорватии; Республика Сербская, Хорватская республика Герцег-Босна и Республика Западная Босния (Цазинская краина) в Боснии и Герцеговине и Республика Косово в Сербии. Таким образом, сербы создали два непризнанных государства – Республику Сербскую Краину и Республику Сербскую.

Судьба у самопровозглашенных государственных образований на территории бывшей Югославии была различной. Республика Сербская Краина и Республика Западная Босния были уничтожены в ходе боев, Герцег-Босна – вошла в состав Федерации Боснии и Герцеговины и официально упразднена согласно Дейтонским соглашениям, а для Республики Сербской в тех же Дейтонских соглашениях был найден правовой статус. Наконец,

176 До этого современная Европа знала лишь одну самопровозглашенную Турецкую Республику Северного Кипра.

Республика Косово, провозгласив в одностороннем порядке независимость, получила признание от США, большинства европейских и многих других стран.

Но все-таки косовский вариант – исключение. Он возник в результате прямого военного вмешательства извне. И нигде больше ни на постюгославском, ни на постсоветском пространстве Запад столь открыто не поддерживал ни одно из самопровозглашенных государственных образований. И нет никаких признаков того, что поддержит впредь. Тенденция – скорее противоположная, направленная на ликвидацию этих гособразований.

Более универсальная модель – дейтонская, примененная по отношению к Республике Сербской, хотя и в Боснии и Герцеговине не обошлось без прямого военного вмешательства НАТО. Но именно здесь был найден известный компромисс, который в определенной мере может распространиться и на другие самопровозглашенные государства. Боснийские сербы, не имевшие даже автономии в довоенной БиГ, хотя и не добились независимости (присоединения к Сербии), но все же получили международное признание своей Республики Сербской в составе Боснии и Герцеговины.

Однако в настоящее время дейтонская модель вызывает больше вопросов, чем ответов. И главная проблема – реализация этой модели на практике. Дело в том, что еще не высохли чернила на Дейтонских соглашениях, а уже раздались голоса с требованием их пересмотра. И все годы существования дейтонской Боснии со стороны западных государств продолжается политика, направленная на создание централизованной унитарной Боснии. Эта политика проводится посредством посланных в Боснию и Герцеговину для выполнения соглашения Высоких представителей ООН и многотысячного военного контингента.

В то же время, если Босния и Герцеговина – государство, которого никогда в истории не существовало, — и имеет право на жизнь, то уж никак не в унитарной форме. В такой сложной по этническому составу стране, в стране с такой сложной, часто трагической историей, в стране, пережившей совсем недавно кровавую межэтническую войну, – возможно только федеративное или даже конфедеративное устройство.

БОРЬБА «МИФОЛОГИЙ»

На Западе для объяснений событий югославского кризиса конца XX в. – начала XXI в., и прежде всего участия в нем Сербии, часто избегают беспристрастного серьезного анализа. Вместо этого

предпочитают черно-белые цвета и главную причину видят в цикличности сербской истории, в том, что вместо рационализма и устремленности вперед сербы якобы живут прошлым и предпочитают оставаться в плену так называемого «косовского мифа». Согласно подобным построениям, этот миф с его идеалами мученичества и жертвенности, который столетиями был основой сербского национального сознания, получил при Слободане Милошевиче новое развитие. И именно поэтому Сербия так иррационально реагировала на все вызовы последнего времени. Косовский миф был дополнен мифом о том, что Югославия принесла сербскому народу одни несчастья, что все другие югославы решали свои проблемы за счет сербов¹⁷⁷.

Во многом такие рассуждения призваны лишь оправдать неблагоприятную политику собственных стран во время югославского кризиса. Главное здесь — навязать представление о том, что «никто сербов не убивал, а они сами совершили самоубийство». О мифологизированном сознании в Сербии пишут и некоторые сербские авторы¹⁷⁸, но, конечно, они не оправдывают этим фактом внешнюю агрессию против собственной страны.

В то же время подобные построения сами порождают культурно-детерминистский миф, обвиняющий во всех неурядицах и трагедиях в регионе сербскую культуру, которую, по словам этих аналитиков, «отличают крайняя патриархальность, авторитарность, традиционализм, этнонационализм, сильная тяга к насилию, а также засилье “местечкового” или “подданнического” типа политической культуры»¹⁷⁹.

Как справедливо отмечает сербский этнолог С. Наумович, согласно этой культурно-детерминистской логике, «преступления совершают только представители той или иной экзотической культуры, варвары, совершенно чуждые европейским цивилизационным стандартам». И таким образом «был найден очень удобный способ отгородиться от неприятных размышлений о нитях, связывающих интересы и поступки западной политики с преступниками, сеющими зло на Востоке»¹⁸⁰. Мы бы повторили, что найден

177 См., например: *Emmert T.A. Kriza identiteta. Srbija na kraju stoleća // Jugoslavija i njeni povjesničari. Razumijevanje balkanskih ratova u 1990-im.* Zagreb, 2005. S. 143–150.

178 См., например: *Јовановић М., Радић Р.* Оп. cit.

179 *Наумович С.* «Балканские мясники»: мифы и заблуждения о распаде Югославии // *Сербия о себе.* С. 84.

180 Там же. С. 87–88.

прежде всего способ, оправдывающий собственные неблагоприятные поступки и даже преступления.

Эта имеющая на Западе глубокие корни презумпция собственного цивилизационного превосходства в полной мере ощущается и в наши дни. Так, сербская история сводится во многом к мифам, мифологическому и националистическому сознанию сербов в одной из последних фундаментальных работ известного немецкого историка Хольма Зундхаусена¹⁸¹. Сербский историк Словенко Терзич справедливо указал на сходство построений Зундхаусена со стереотипными западными представлениями о югославском кризисе, которые еще раньше ярко описала журналист и политолог американка Даяна Джонстон.

Согласно этим стереотипам, «Югославия была “тюрьмой народов”, в которой сербы “угнетали” всех остальных. Она была уничтожена с появлением лидера Слободана Милошевича, который был плохим и хотел создать “Великую Сербию”, уничтожив другие народы посредством процесса, называемого “этнической чисткой”. Другие народы стремились избежать этого, создавая собственные государства. Югославская, а по существу – сербская, армия вторглась в них. В Боснии сербские завоеватели пытались изгнать мусульман, которые хотели увековечить мультиэтничное общество. Во время сербских этнических чисток было ликвидировано 200000 невооруженных мусульман, в то время как международное сообщество не только равнодушно за этим наблюдало, но и препятствовало вооружению мусульман в целях обороны. В Сребренице ООН позволила сербам совершить геноцид. Только бомбардировки, которые совершили США, заставили Милошевича сесть за стол переговоров в Дейтоне... Тем не менее, международное сообщество упустило возможность спасти албанское большинство в Косове от апартеида... После переломных событий в Рачаке сербы были приглашены на мирные переговоры в Рамбуйе во Франции. Милошевич упрямо отказывался вести переговоры. У НАТО не оставалось другого выбора, кроме как начать бомбардировки Сербии и Черногории. Массы албанского населения намеренно изгонялись в соответствии с подготовленным тайным планом под названием “Операция Подкова”. В конце концов, Милошевич уступил НАТО и освободил “косоваров” от их мучителей»¹⁸².

181 Зундхаусен Х. Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2008.

182 Džonston D. Suludi krstaši. Jugoslavija, NATO i obmane Zapada. Београд, 2005. С. 9–10. См. также: Терзич С. История Сербии с гневом и страстием // Славяноведение. 2010. № 5.

«МАЛАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

В июле 2000 г. парламент Союзной Республики Югославии принял ряд поправок к конституции, в частности изменил порядок выборов президента. Теперь вместо депутатов парламента его должны были избирать в ходе всеобщих, прямых выборов. Президент мог пребывать на своем посту три срока подряд. Кроме того, 40 депутатов верхней палаты Скупщины (Вече республик) также должны были избираться прямым голосованием (до этого парламенты Сербии и Черногории направляли туда по 20 депутатов). Этими изменениями парламент фактически открыл С. Милошевичу путь к переизбраниям на посту президента Югославии (еще дважды, каждый раз – на четыре года) и резко ослабил позиции 650-тысячной Черногории по сравнению с 7,5-миллионной Сербией.

Новые президентские и парламентские выборы в Югославии состоялись 24 сентября. Главным конкурентом Сербской социалистической партии С. Милошевича была новая коалиция – Демократическая оппозиция Сербии (ДОС), выдвинувшая своим кандидатом в президенты СРЮ лидера Демократической партии Сербии В. Коштуницу. ДОС состояла из 18 партий различной направленности, но в нее не вошла некогда самая большая оппозиционная партия – Сербское движение обновления В. Драшковича. Всего за 138 мест в нижней и 40 – в верхней палатах парламента боролись представители 21 партии. В знак протеста против изменения Конституции выборы бойкотировали власти Черногории.

Решение Милошевича получить поддержку непосредственно у населения оказалось весьма рискованным предприятием. Впервые за долгие годы сербский избиратель получил реальный шанс на что-то повлиять, и «вследствие этого сентябрьские выборы неизбежно превратились в своего рода общенациональный референдум о правлении Милошевича». Решение принималось по формуле: «За или против Милошевича», все остальное – недавние наговские бомбардировки, неспособность оппозиции и т. п. – отодвинулось на второй план¹⁸³.

В результате итоги выборов оказались сенсационными. Демократическая оппозиция Сербия получила преимущество в 600 тыс. голосов при избрании депутатов в верхнюю палату Скупщины (Вече республик) и почти в 500 тыс. – при голосовании в ниж-

183 Vukadinović Đ. Od nemila do nedraga. Ogledi o postmiloševićevskoj Srbiji (1). Beograd, 2008. S. 19.

нюю палату (Вече граждан), обогнав блок, состоявший из Социалистической партии, ЮЛа и двух оппозиционных черногорских партий – Социалистической народной и Народной.

Еще уверенней выступил ДОС на президентских выборах. В. Коштуница победил уже в первом туре, набрав 50,24% голосов при 37,15% голосов у С. Милошевича. Правда, эти данные были подтверждены позже, а до этого Центризбирком заявлял о необходимости второго тура, так как В. Коштуница получил якобы только 48,96% голосов, то есть меньше необходимых 50% + 1 голос. Против фальсификации результатов выборов в Белграде и других городах начались массовые волнения, закончившиеся захватом здания парламента, отстранением С. Милошевича от власти (5 октября) и инаугурацией четвертого президента сербско-черногорской Югославии В. Коштуницы (7 октября).

В конце декабря 2000 г. состоялись выборы в парламент Сербии. Они принесли безоговорочную победу объединенной оппозиции. ДОС получила свыше 64% голосов, или 174 из 250 депутатских мест в парламенте, СПС – 14%, или 37 мест, Радикальная партия В. Шешеля – 8%, или 23 мандата, Партия сербского единства убитого незадолго перед этим Ж. Ражнатовича-Аркана – 5%, или 14 депутатских мест. Не преодолели процентный барьер и не попали в парламент Сербское движение обновления и ЮЛ. Премьер-министром Сербии был назначен председатель входящей в ДОС Демократической партии З. Джинджич. Власть в Сербии окончательно сменилась.

Таким образом, «бархатная революция» в Сербии после первых многопартийных выборов оказалась растянута на десять лет и завершилась только в октябре 2000 г., когда к власти в Белграде пришла, наконец, демократическая оппозиция. В отличие от других стран Восточной Европы, «бархатная революция» в Сербии представляла собой длительный процесс. Он протекал от антибюрократических квазиреволюций и первых многопартийных выборов через развал некогда общего государства, попытки поддержать самопровозглашенные сербские государственные образования в соседних республиках, санкции и агрессию НАТО, через массовые демонстрации оппозиции, включая и «яичную революцию», и до событий 5 октября 2000 г.

В сербской историографии появилась точка зрения, что сербская «октябрьская революция» не была «бархатной» и мирной. А то, что эти события «не переросли во всеобщую резню и гражданскую войну», не имеет значения. Согласно этой точке зрения,

«бескровность и ненасильственность суть не одно и то же»: «смена власти в Сербии произошла не мирным путем», а небольшие размеры «революционного насилия» явились «препятствием истинной, постоянно откладываемой демократизации сербской политической жизни». Это был, скорее, – переворот, «более или менее контролируемая смена, точнее, переформирование и реорганизация правящей элиты Сербии»¹⁸⁴. На наш взгляд, все же нет никаких причин исключать сербскую революцию из числа «бархатных», да и размер «революционного насилия» не всегда влияет на глубину преобразований, иногда это лишь показатель отсталости или цивилизованности определенного общества. В Румынии во время революции 1989 г. насилия было сверх всякой меры, но это совсем не значит, что она выполнила все задачи по демократизации румынского общества, что не потребуется еще очень много усилий на этом направлении.

В то же время мы считаем, что «октябрьская революция» в Сербии имела двойственную природу. Только с одной стороны она была последней из тех «бархатных революций», которые начались еще в 1989 г. С другой – она открывала череду новых революций на постсоциалистическом пространстве Европы. Фактически это было второе издание «бархатных революций», то есть революции в тех странах, где преобразования оказались половинчатыми и не решили задач первых «бархатных революций». Это – так называемые «цветные» или «электоральные» революции начала XXI в. Ведь точно по сербскому сценарию произошли затем «революция роз» в Грузии и «оранжевая революция» на Украине. В какой-то степени созвучны им и события, приведшие несколько раз к смене власти в Киргизии.

Общее между двумя типами «бархатных революций» – протестное выступление масс на основе соединения демократии и национализма. Особенность же революций начала XXI в. состоит в том, что они проходят во время выборов. В конце прошлого века именно многопартийные выборы были главным завоеванием оппозиции и механизмом смены власти во многих восточноевропейских странах. Попытка пересмотреть или даже ликвидировать это завоевание часто оказывается последней каплей, переполняющей чашу терпения. Происходящие в момент выборов «электоральные революции» призваны покончить с коррупцией и бюрократиче-

184 Вукадинович Дж. Сербия без Милошевича, или По ком звонит колокол? // Сербия о себе. С. 239–241, 248; см. также: Антонич С. Пятое октября и перспективы демократизации Сербии // Там же. С. 259, 275.

ским произволом новых властей, с социальной незащищенностью и вопиющим расслоением, с кичливыми сверхдоходами правящих кланов, часто строящихся по семейному принципу¹⁸⁵.

При желании можно найти еще довольно много отличий между первым и вторым изданиями «бархатных революций». И все они проявились еще 5 октября 2000 г. в Белграде. Это, например, и выход на авансцену событий молодого поколения, абсолютно аполитичного в 1989 г. В частности, в Сербии отличилась молодежная организация «Опора», в Грузии – «Хмара», на Украине – «Пора». Это и несравненно большая помощь новым оппозиционерам со стороны Запада, для которого революции 1989 г. были в определенной степени неожиданными. Теперь же все изменилось. Революции происходят на западные деньги и по жестким западным лекалам¹⁸⁶. Отсюда и поразительное сходство революционных сценариев в Сербии, Грузии и на Украине. Однако понятно, что если бы условия для таких революций не созрели, то не помогли бы никакие никакие денежные вливания.

Причем эти «бархатные революции» призваны решить качественно новые задачи, а не только привести к смене власти. Они направлены не только против «бюрократически-авторитарного режима и кланового капитализма». Не исключено, что эти революции приведут к «смене не только лидера, но и принципов построения государства, то есть переходу от монополизма к плюрализму и расчленению власти»¹⁸⁷.

Другими словами, «цветные» или «электоральные» революции начала XXI в. призваны, во-первых, доделать то, что не было доделано «бархатными» революциями 1989 г. Именно поэтому они и происходят в относительно менее развитых государствах – на Балканах и постсоветском пространстве. Во-вторых, «цветные революции» нацелены на разрешение противоречий, которые появились уже в период постсоциалистической трансформации,

185 *Иноземцев В.* Трудный возраст элиты. Новые «народные революции» кардинально отличаются от событий, имевших место шестнадцать лет назад // Независимая газета. 2005. 6 апреля.

186 Подробнее о западной помощи сербской революции см.: *Тимофеев А.Ю.* Хронология одного переворота. К десятилетию событий октября 2000 г. в Сербии // Славянский альманах 2010. М., 2011. С. 161–185.

187 *Шевцова Л.* Россия – год 2005: логика отката. Основные тенденции развития власти, экономики, социальной и внешней политики // Независимая газета. 2005. 21 января.

«приобрели устойчивый характер и стали оказывать сдерживающее влияние на дальнейшее развитие»¹⁸⁸.

И если для центральноевропейских Польши, Чехии, Словакии и Венгрии для проведения постсоциалистической трансформации хватило, по-видимому, одного революционного импульса, то для Сербии и некоторых постсоветских государств понадобились новые революционные потрясения.

В России (сначала как части Советского Союза) таких потрясений было два. Это, во-первых, августовский путч 1991 г., в результате поражения которого рухнула коммунистическая монополия на власть; а во-вторых – события сентября-октября 1993 г., покончившие с советской организацией этой власти. Соответственно, можно предположить, что для бывших советских республик Средней Азии будет недостаточно даже двух попыток. Ничего необычного в этом нет. Вспомним, что для многих государств Западной Европы в свое время при утверждении буржуазного строя понадобилась целая серия революций. Самый хрестоматийный пример дает французская история.

Для Сербии возможность новых революционных потрясений также не исключается, хотя это отнюдь не доминирующий вариант развития. В цивилизационном плане она все-таки принадлежит совсем другому региону. Однако ситуация в Сербии отягощается тем, что страна «находится сейчас в положении государства, которое потерпело поражение в войне и часть территории которого оккупирована». Поэтому у Сербии «значительно ограничена возможность маневра для деятельности как на внешнеполитическом, так и на внутривнутриполитическом направлении»¹⁸⁹. Понятно, что при невозможности нормального эволюционного развития всегда резко увеличивается шанс революционных потрясений.

Повторим то, с чего начали. При всей своей непохожести титовская Югославия и те государства, которые возникли на ее развалинах, развивались и развиваются в рамках общих закономерностей, присущих для стран всего обширного региона Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы. Сербия – отнюдь не исключение, хотя процессы трансформации протекали здесь в силу обозначенных выше причин медленнее и болезненнее, чем у многих соседей.

188 Рябов А. Москва принимает вызов «цветных» революций // Pro et contra. 2005. Т. 9. С. 19–20.

189 Јовановић М. Србија 1804–2004: развој оптерећен дисконтинуитетима. Седам теза // Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М. Србија 1804–2004... С. 188–189.

СЕРБСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В НАЧАЛЕ XXI в.

О первых годах XXI в. можно говорить как о самостоятельном этапе в развитии сербской государственности, поскольку начало века почти совпало с очередным крупным поворотом в сербской истории. Как уже отмечалось, 5 октября 2000 г. от власти был отстранен президент Союзной Республики Югославии и главное действующее лицо сербской истории 90-х годов прошлого века Слободан Милошевич. Одновременно «октябрьская революция» стала для Сербии и завершением длительного процесса расставания с коммунистическим прошлым.

Правление Милошевича завершилось полным крахом. Ему не только не удалось решить задачи переходного периода – такие задачи он даже не ставил. Но ему не удалось сначала сохранить Югославию, став своего рода новым Тито, а затем объединить по возможности всех сербов в одном государстве, решив тем самым возродившийся в конце прошлого века сербский вопрос.

В результате сербский народ, во-первых, на десятилетие отстал от своих соседей в проведении необходимых преобразований, а скорее всего – еще больше, если учитывать ущерб, причиненный санкциями и прямой агрессией НАТО в 1994–1995 гг. против Республики Сербской в Боснии и в 1999 г. против Союзной Республики Югославии. Во-вторых, к началу XXI в. сербская государственность существовала фактически в трех формах.

Прежде всего – как Республика Сербия, которая вместе с Черногорией составила Союзную Республику Югославию, преобразованную позже в государственное сообщество Сербии и Черногории (СиЧ). Само это образование тоже можно рассматривать как более широкую форму сербской государственности, так же как и существовавшую до него Союзную республику Югославию. Еще одной формой государственности сербов стала Республика Сербская, получившая в 1995 г. в Дейтоне правовой статус как часть Боснии и Герцеговины. Наконец, в определенной степени после распада в 2006 г. СиЧ Республику Черногорию также можно считать одной из форм сербской государственности¹⁹⁰.

Другое дело, что с середины XX в. в Черногории и Югославии проводилась целенаправленная политика по созданию отдельной

190 По крайней мере, в прошлом это было именно так. Даже географическое название «Черногория» возникло лишь в XIV в.

от сербов черногорской нации. Начавшийся во многом искусственно, сверху, этот процесс стал набирать со временем и собственную инерцию снизу.

Во второй половине 1990-х годов черногорские власти еще более активно стали разыгрывать национальную карту. Достаточно назвать попытки создания черногорского языка, самостоятельной церкви, так называемой «Дуклянской академии наук» и т. п. Появились работы, объясняющие даже отличие антропологического типа черногорцев от сербов. В итоге все большее число славянских жителей Черногории стали определять себя не как сербы, а как черногорцы¹⁹¹.

Так или иначе, но мы остановимся только на ситуации в Республике Сербия (без Косово). И потому, что Сербия остается и останется, конечно, ядром сербской государственности, и потому, что именно в Сербии начало нового века стало определенным этапом в ее развитии.

* * *

Десятилетие от введения многопартийности и до ухода С. Милошевича (1990–2000 гг.) в Сербии существовал режим личной власти с элементами парламентаризма. Большинство голосов в союзной и сербской скупщинах в течение всего десятилетия неизменно имела Социалистическая партия Сербии. В борьбе за власть она иногда блокировалась с другими политическими силами, но «контрольный пакет» оставался у социалистов. Мы уже отмечали, что такая парламентская система фактически была полупартийной, где «единицей» всегда была Социалистическая партия Сербии. И, конечно, такая система была все же лучше однопартийной коммунистической, но назвать ее подлинно многопартийной тоже было нельзя.

Казалось, что режим Милошевича может просуществовать еще какое-то время, что самые тяжелые времена – санкции и агрессия НАТО – для него уже позади. В это уверовал и сам Милошевич. С одной стороны, он пытался еще жестче «закрутить гайки»: по крайней мере, в тот период в Сербии стали с пугающей периодичностью физически устраняться или

191 Согласно переписи, результаты которой были объявлены в конце 2003 г., 40% жителей Черногории определили себя как черногорцы и 30% – как сербы. См.: Rezultati popisa u Crnoj Gori // B92. Vesti za 19.12.03.

пропадать без вести его политические противники¹⁹². С другой стороны, Милошевич вновь решился несколько изменить «условия игры», что уже много раз позволяло ему сохранять ведущие позиции на сербском и югославском политическом Олимпе.

В июле 2000 г. парламент Югославии принял ряд поправок к Конституции СРЮ и, в частности, изменил порядок выборов президента страны. Теперь вместо парламента его должны были избирать в ходе всеобщих, прямых выборов. Внешне демократические изменения, по сути, преследовали совсем иные цели. Этими изменениями парламент фактически открывал С. Милошевичу путь к несменяемой власти (переизбранию на посту президента Югославии еще дважды, каждый раз – на четыре года) .

Однако Милошевич просчитался. На состоявшихся выборах президента Югославии уже в первом туре победил кандидат Демократической оппозиции Сербии В. Коштуница. Правда, это было признано не сразу, а после массовых волнений против фальсификации выборов в Белграде и других сербских городах. Волнения закончились отстранением С. Милошевича от власти.

Как упоминалось, «октябрьская революция» 2000 г. в Сербии по типу была схожа с «бархатными революциями» 1989 годов в Центральной и Юго-Восточной Европе. В этом смысле ничего особенного в этих событиях не было¹⁹³. Однако приход сербской демократической оппозиции к власти оказался растянутым на целое десятилетие, омраченное распадом единой страны, санкциями, войнами, полной экономической разрухой. Естественно, что стартовые позиции у сербских демократов оказались намного хуже, чем у оппозиции в других бывших социалистических странах.

192 Так, пропал без вести, а затем уже после отстранения Милошевича от власти был найден убитым его непосредственный предшественник в сербских коридорах власти Иван Стамболич. И если в России многие относились к Милошевичу с уважением за его не зависимость от Запада позицию, то в самой Сербии жизнь при его режиме становилась все более невыносимой.

193 Правда, некоторые западные эксперты и здесь поспешили заявить, что «Коштуница пришел к власти в результате не демократической, а националистической революции». См., например: *Гусейнов Э.* Демократ или националист // Известия. 2001. 8 декабря.

Нельзя сказать, что чем-то уж совсем особенным был и сербский национализм, за который сербы подверглись сильнейшим гонениям со стороны так называемого «мирового сообщества». Национализм существовал во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы, во всех бывших югославских республиках, был присущ всем народам и народностям Югославии. И везде он стал средством борьбы с коммунизмом. Вот здесь Сербия оказалась исключением. Ее лидер С. Милошевич сам разыгрывал национальную карту. Возможно, только в России коммунисты попытались делать нечто подобное, но они к тому времени уже были в глухой оппозиции.

Приведя ДОС к победе, ее лидеры В. Коштуница и З. Джинджич сразу же стали выяснять отношения между собой. Причем в ходе возникших между двумя сербскими лидерами разногласий лучшим аппаратчиком показал себя Джинджич. Тем более что он, получив пост сербского премьер-министра, сконцентрировал в своих руках основные рычаги власти и финансовые потоки.

В конце июня 2001 г. правительство Сербии во главе с З. Джинджичем с нарушением югославских законов и против воли Конституционного суда выдало Гаагскому трибуналу арестованного ранее С. Милошевича¹⁹⁴ (югославское руководство обвиняло его в коррупции и расправах над политическими оппонентами, а западные страны – в геноциде, развязанном против косовских албанцев; затем добавились обвинения и за войны в Хорватии и Боснии). За «голову» Милошевича Югославии было обещано более 1 млрд. долларов финансовой помощи, однако вместо денег его выдача спровоцировала первый внутренний кризис в новом демократическом руководстве. Так, несогласие с выдачей заявил президент Югославии В. Коштуница, а возглавляемая им Демократическая партия Сербии вышла из единой парламентской фракции ДОСа в сербском парламенте.

194 Главный редактор журнала «Новая сербская политическая мысль» Дж. Вукадинович пишет: «С коммунизмом мы потеряли ощущение традиции, с Милошевичем – ощущение реальности, а после 2000 г. – и ощущение достоинства» (*Вукадиновић Ђ. Између две ватре*. Београд, 2008. С. 77). С. Милошевич умер в 2006 г. в заключении, когда процесс по его делу фактически зашел в тупик. Причем Трибунал отказался отпустить Милошевича на лечение в Россию, несмотря на гарантии его возвращения, данные российским руководством.

Однако кризис этим не закончился. В августе 2001 г. он затронул уже правительство Сербии, возглавляемое З. Джинджичем. Из него также вышли представители Демократической партии Сербии. Поводом стала «неспособность кабинета справиться с организованной преступностью». Конфликт между З. Джинджичем и В. Коштуницей набирал обороты. Несколько позже члены ДПС были полностью отстранены от власти, в частности, многие ее представители лишились мандатов в сербском парламенте. Это происходило при многочисленных нарушениях законов. То есть демократы, входившие в ДОС, беря пример с социалистов, также пытались наделить самих себя монопольной властью.

Пути Демократической партии Сербии во главе с президентом Югославии В. Коштуницей и остальной ДОС во главе с премьер-министром Сербии З. Джинджичем окончательно разошлись. Иначе и быть не могло. Два лидера были абсолютно разными людьми. В отличие от бессребреника и идеалиста, зачастую нерешительного «консервативного демократа» Коштуницы, непопулярный в народе «либеральный демократ» Джинджич был чрезвычайно динамичен и по-западному прагматичен. Он всеми силами подстегивал преобразования, как будто знал, что ему отпущено очень мало времени. Результаты, тем не менее, были скромными, хотя Сербия и сделала определенные шаги в достижении макроэкономической стабильности и уменьшения инфляции.

За борьбой двух личностей за власть стоял и выбор между двумя внешнеполитическими концепциями развития сербской государственности – национально ориентированной и ориентированной на Запад, прежде всего на США и Германию.

Именно при Джинджиче с многих постов были уволены не только сторонники Милошевича, но и просто национально ориентированные деятели. Их место занимали политические выдвиженцы ДОСа, нередко с низким профессиональным уровнем подготовки. Страну наводнило множество «западных советников», а сербские СМИ начали скупаться иностранцами. В частности, эссенский медийный концерн во главе с Бодо Хомбахом (бывшим руководителем Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы) установил контроль над влиятельным издательским домом «Политика»¹⁹⁵.

195 См. Григорьев Е. Пришел, увидел, поглотил // Независимая газета. 2002. 4 сентября.

И если ДОС проводил ярко выраженный прозападный курс, то Коштуница больше опирался на традиционные сербские ценности. Он сам так определял свою позицию: «Внешняя политика Милошевича всегда металась между излишней жесткостью и излишней уступчивостью... Мы должны найти третий путь между излишне жесткой позицией Милошевича ... и излишне попустительской политикой некоторых его политических оппонентов... Мой ответ – и сопротивление, и сотрудничество»¹⁹⁶. Многие на Западе поспешили назвать Коштуницу «умеренным националистом». Но он «едва ли был большим националистом по сравнению с большинством западных политиков и был меньшим националистом, чем многие западные консерваторы»¹⁹⁷.

Тем не менее, В. Коштуница все больше превращался в «свадебного генерала» – популярного в стране, но ничего не решающего. В этой ситуации он дважды пытался поменять свой пост президента Югославии на пост президента Сербии. Оба раза Коштуница с большим преимуществом лидировал в президентской гонке, но оба раза выборы были признаны несостоявшимися из-за недостаточной явки избирателей. В неуспехе выборов больше всех был заинтересован его главный соперник, сербский премьер З. Джинджич. Он в целом решил свои задачи, и в результате исполнение обязанностей сербского президента после окончания срока полномочий социалиста Милана Милутиновича перешло к председателю республиканского парламента, члену Демократической партии Наташе Мичич. Однако уже на этих несостоявшихся выборах стала раскалываться и главная опора Джинджича – ДОС, из которой вышли некоторые партии, например «Новая Сербия» В. Илича, и такие лидеры, как М. Лабус, возглавивший преобразованную в партию группу экономических экспертов – «Г 17 плюс».

Тем временем произошло дальнейшее ослабление связей между Сербией и Черногорией – двумя республиками, входившими в то, что осталось от Югославии. В феврале 2003 г. Союзная Республика Югославия, функционировавшая почти 11 лет и прочно связанная с именем С. Милошевича, перестала существовать. Ушло в историю и само название «Югославия». На ее месте возникло государственное сообщество Сербии и Черногории. После этого В. Коштуница остался без своего поста, повторив судьбу Гор-

196 Коштуница В. Сербь и Запад // Независимая газета. 2000. 13 октября.

197 Павловић Ст.К. Србија: историја иза имена. Београд, 2004. С. 267.

бачева после Беловежских соглашений¹⁹⁸. Казалось, все решено – Джинджич может почивать на лаврах. Но уже через пять недель, в марте 2003 г., он погиб в Белграде от снайперских выстрелов.

В убийстве Джинджича была обвинена группировка, состоявшая из откровенных уголовников, входивших в так называемый «Земунский клан», и членов элитного спецподразделения «Красные береты» во главе с М. Луковичем (Улемekom) по кличке Легия. Кстати, немногим раньше, в 2000 г. во время «октябрьской революции», Легия оказал Джинджичу немалые услуги при отстранении С. Милошевича от власти.

Мы уже писали об особой роли офицерства в истории сербской государственности. Во времена Тито и Милошевича особенно возросла роль спецслужб. Причем во время сербского лидера это произошло на фоне общей криминализации жизни. Сложные взаимоотношения между спецслужбами и криминальными группировками часто оказывали гораздо большее влияние на расстановку политических сил в стране, чем борьба официально существующих политических партий.

Через несколько часов после убийства Джинджича в Сербии было введено чрезвычайное положение (которое длилось 40 дней) и проведена широкомасштабная полицейская операция «Сабля», направленная против организованной преступности, но частично использовавшаяся и в политических целях, для борьбы с противниками режима¹⁹⁹. Всего было задержано почти 12 тыс. человек. В их числе были не только уголовники, но и партийные функционеры, высшие военные чины, судьи, эстрадные звезды. Однако это не помогло правящей коалиции. Правда, посмертный рейтинг Джинджича резко вырос, но позиции созданной им ДОС начали быстро слабеть. Лидера подобного масштаба у досовцев больше не оказалось. Не был таковым и Зоран Живкович, который занял

198 В. Коштуница был в чем-то похож на последнего советского лидера и своей нерешительностью, что позволило Дж. Вукадиновичу назвать его «сербским Горбачевым». В то же время, разбирая биографию З. Джинджича, он видит в нем черты то ли «сербского Ришелье», то ли Остапа Бендера. См.: *Vukadinović Đ. Od nemila do nedraga. S. 45–65*. Однако нам представляется, что В. Коштуница все же был намного принципиальнее и тверже в своих убеждениях, чем первый и последний президент Советского Союза.

199 Закон о чрезвычайном положении был принят еще С. Милошевичем в 1991 г. после известной демонстрации протеста 9 марта, но сам он к таким действиям впоследствии не прибегал.

место Джинджича на посту как премьер-министра, так и лидера Демократической партии.

Фактически ничего нового в реформировании сербской экономики З. Живкович предпринять не сумел. Не смог он и завершить работу по разработке новой сербской конституции. Страну еще больше потрясали коррупционные скандалы, в которые были замешаны и члены кабинета министров²⁰⁰. Не получили власти и обещанную Западом помощь. Более того, сербское руководство подвергалось постоянному давлению по линии Гаагского трибунала. Ухудшилось экономическое положение, в разных уголках Сербии проходили массовые акции протеста, перекрывались дороги. Правительство потеряло всякий авторитет, а ДОС – большинство в парламенте. В ноябре 2003 г. скупщина была распущена. Оказалась без должности и исполняющая обязанности президента, спикер парламента Н. Мичич. Сербия осталась не только без парламента, но и без президента.

Тогда же, в ноябре 2003 г., третья попытка избрать сербского президента опять была сорвана из-за недостаточной явки избирателей. На этот раз к их бойкоту призывал уже и лидер Демократической партии Сербии В. Коштуница. В то же время выборы показали заметный рост в стране радикальных настроений. В отсутствие добровольно предавшего себя в руки Гаагского трибунала В. Шешеля его преемник на посту лидера Сербской радикальной партии Томислав Николич получил более 46% голосов. Тем самым был развеян миф и о том, что Радикальная партия является партией одного человека. Сразу после выборов состоялось последнее заседание президиума ДОС, на котором было объявлено о его роспуске.

ДОСовский этап в развитии сербской государственности занял ровно три года. Его наивысший расцвет пришелся на начало 2003 г., когда произошло официальное конституирование нового государственного сообщества Сербии и Черногории. После убийства Джинджича правящая коалиция стала разваливаться, и в конце 2003 г. она перестала существовать.

Этот трехлетний этап был связан с начавшимися демократическими преобразованиями и с почти монопольным правлением в

200 Центр либеральных демократических исследований в Белграде в результате проведенного опроса выяснил, что взятки в Сербии регулярно дают 53% предпринимателей и что на взятки должностным лицам частный бизнес тратит 26% своей прибыли. См.: *Степанов Г.* Коррупция по-сербски // *Известия*. 2003. 4 сентября.

Сербии бывшей демократической оппозиции и ее главной силы – Демократической партии. Из правящей коалиции были фактически изгнаны даже сторонники В. Коштуницы, благодаря популярности которого оппозиция во многом и пришла к власти.

Однако ДОС не смогла воспользоваться своим монопольным положением для решения наиболее болезненных вопросов сербской государственности. Экономическое положение Сербии осталось плачевным. Не было предпринято решительных мер для борьбы с безработицей. Не принес никаких особых дивидендов и безоглядный прозападный курс²⁰¹. Вместо обещанной помощи Сербия все больше попадала в финансовую и даже политическую зависимость от Запада. Проблема Косово также не решалась, и только перед самой смертью Джинджич стал более активно ею заниматься.

Распад ДОСа фактически предопределил приход к власти в Сербии новых сил. К тому же медвежью услугу прежней правящей коалиции оказал Запад. Как раз в канун новых парламентских выборов были выдвинуты обвинения еще четырем сербским генералам со стороны Гаагского трибунала. Экономические трудности и национальное унижение сказались на настроениях избирателей и привели к росту популярности сербских радикалов.

Выборы нового состава парламента Сербии состоялись 28 декабря 2003 г. В них участвовало 18 партий или избирательных блоков. Первое место заняла Сербская радикальная партия, получившая 27,6% голосов избирателей (81 место из 250 в скупщине)²⁰². Второе место досталось Демократической партии Сербии В. Коштуницы с 17,7% голосов (52 места). (Характерно, что в то же время в Белграде Демократическая партия Сербии на несколько тысяч голосов избирателей опередила Сербскую радикальную партию.)

201 Сербские демократы и социалисты сдавали национальные позиции постепенно. Сначала с этих позиций сошел В. Драшкович, бывший когда-то наряду с В. Шешелем одним из самых ярких националистов. Затем на полностью прозападные позиции перешел и З. Джинджич, в первой половине 1990-х годов поддерживавший отношения с лидерами непризнанной Республики Сербской в Боснии. На завершающем этапе боснийского кризиса пытался заигрывать с Западом и С. Милошевич. Его политические наследники из Социалистической партии, уже не стесняясь, образовали позже коалицию с прозападной Демократической партией Б. Тадича, с той самой партией, которая выдала С. Милошевича Гаагскому трибуналу.

202 Напомним, что на предыдущих парламентских выборах в декабре 2000 г. СРП получила лишь 8% голосов.

Демократическая партия, которую вел на выборы министр обороны Борис Тадич, получила 12,5% (38 мест), «Г-17 плюс» – 11,5% (34 места). Преодолели 5-процентный барьер и вошли в парламент блок партий, состоявший из «Новой Сербии» В. Илича и Сербского движения обновления В. Драшковича (23 места), а также Социалистическая партия Сербии (22 места).

Переговоры о создании нового правительства длились несколько месяцев. Оно было создано только 3 марта 2004 г. В центре всех комбинаций оказался В. Коштуница, который, с одной стороны, не мог единолично и даже вместе с союзниками создать правительство парламентского большинства, а с другой – не мог по принципиальным причинам блокироваться ни с социалистами, ни с радикалами, ни с Демократической партией – своим главным конкурентом из прошедшего трехлетия. Так как участники переговоров отказались сформировать так называемое «концентрационное правительство» с пропорциональным представительством всех партий, прошедших в парламент, Коштуница был вынужден сформировать правительство парламентского меньшинства из собственной Демократической партии Сербии, партий «Г-17 плюс», «Новой Сербии» и Сербского движения обновления.

Поскольку за создание правительства проголосовала и Социалистическая партия, появились многочисленные слухи о сговоре новых властей со сторонниками Милошевича. Но скорее всего кабинет получил вотум доверия парламента только благодаря нежеланию депутатов вновь избранной скупщины идти на ее очередной досрочный роспуск и новые, уже третьи по счету выборы.

Став премьер-министром, Коштуница вернулся в большую политику, откуда был вынужден уйти в результате упразднения Союзной Республики Югославия. Его единственным заместителем был назначен М. Лабус из «Г-17 плюс». Остальные посты были распределены между членами новой коалиции, а В. Драшкович стал министром иностранных дел государственного сообщества Сербии и Черногории.

Парламентские выборы в конце 2003 г. были первыми «настоящими» выборами после Милошевича. И они показали, что глубокий раскол сербского общества не преодолен, что консенсуса в обществе по поводу путей развития сербского государства по-прежнему нет. Правительство парламентского меньшинства было крайне неустойчиво. Коштуницу шантажировали возможным выходом из правительства или отказом в поддержке то Драшкович, то социалисты, а то «Г-17 плюс». Кроме того, уже и кабинет Коштуницы начали потрясать коррупционные скандалы, столь харак-

терные для предыдущих нескольких лет. Кризис сербской государственности после этих выборов выглядел даже глубже, чем к моменту свержения Слободана Милошевича²⁰³.

Не принесли Сербии стабильности и состоявшиеся 13 июня 2004 г. очередные выборы президента. Во второй круг вышли Томислав Николич от Сербской радикальной партии (30%) и Борис Тадич от Демократической партии (27%). В итоге второй тур выборов принес победу Б. Тадичу, о поддержке которого заявил Коштуница. В лице Бориса Тадича Демократическая партия обрела нового сильного лидера, место которого было вакантно после убийства Джинджича, и начала укреплять свои позиции.

Тем временем в результате референдума от Сербии отделилась Черногория. 3 июня 2006 г. ее парламент провозгласил Черногорию независимым государством. В конце октября 2006 г. на всенародном референдуме была одобрена новая конституция Сербии. Это было важным событием, поскольку до этого страна жила еще по милошевичевской конституции 1990 г.

Первые выборы в Сербии после отделения Черногории и первые по новой конституции состоялись в январе 2007 г. Выборы показали, что раскол сербского общества не преодолен. Больше всех – 81 мандат из 250 – оказалось у национальной Радикальной партии. Причем радикалы получили большинство даже в Белграде, оплоте демократии. На другом полюсе оказалась правая Демократическая партия президента Тадича, не входившая в правительство и бывшая фактически в оппозиции. Она завоевала 64 мандата. Посередине совместно с «Новой Сербией» расположилась бывшая правящая Демократическая партия Сербии премьер-министра Коштуницы – 47 мандатов. «Г-17+» получила 19 мандатов, социалисты – 16 мандатов. Еще 15 мандатов получили ультралибералы из Либерально-демократической партии Чедо Йовановича.

Главный вопрос после выборов касался возможных коалиций и фигуры нового председателя правительства. У лидера Демократической партии Сербии В. Коштуницы оказалась позиция «арбитра положения». В результате при создании широкой демократической коалиции (ДП, «Г-17+», ДПС и Новая Сербия) он сохранил за собой кресло премьера. Однако его позиции заметно ослабили, ведущие посты в правительстве и место спикера в парламенте заняли представители Демократической партии.

203 Калашиников В. Сюрпризы западных славян // Русский курьер. 2003. 30 декабря.

В целом в указанный период ситуация в Сербии характеризовалась борьбой трех главных политических сил – прозападных демократов Б. Тадича, национально ориентированных умеренных демократов В. Коштуницы и радикалов Т. Николича, который успешно заменил сидящего в голландской тюрьме в ожидании приговора Гаагского трибунала В. Шешеля. Из этой сложной конфигурации сложилось своего рода двоевластие из президента и лидера ДП Тадича и премьера и лидера ДПС Коштуницы. Одновременно в это время в Сербии стал укрепляться парламентаризм, бывший на довольно низком уровне не только при Милошевиче, но и во время правительств Джинджича и его преемника Живковича²⁰⁴.

В конце января 2008 г. состоялись очередные президентские выборы. Первый тур не выявил победителя. Причем повторилась ситуация четырехлетней давности: с небольшим отрывом победил радикал Т. Николич, вторым был действующий президент, председатель Демократической партии Б. Тадич. Ситуация повторилась и во втором туре выборов, состоявшемся 3 февраля: должность президента сохранил за собой Тадич, набравший немногим больше 50% голосов избирателей. По сравнению с прошлыми выборами его преимущество несколько уменьшилось. Отличие этих выборов состояло в том, что на этот раз премьер-министр Сербии Коштуница публично не поддержал во втором туре Тадича, а предложил гражданам страны самим сделать свой выбор. Но его Демократическая партия Сербии продолжила терять позиции. Сербский избиратель продолжал отдавать предпочтение политическим полюсам, а не центру.

8 марта 2008 г. премьер-министр Сербии В. Коштуница подал в отставку, так как большинство правительства отказалось в парламенте поддержать резолюцию, согласно которой Сербия может вступить в Евросоюз только имея в своем составе Косово. Правительство, которое уже давно разрывали противоречия, пало. На внеочередных парламентских выборах, состоявшихся 11 мая, больше всех голосов получили Демократическая партия Б. Тадича – 38,75% голосов (102 мандата) и Сербская радикальная партия Т. Николича – 29,22% голосов (77 мандатов). На третьем месте оказалась Демократическая партия Сербии В. Коштуницы – 11,34% голосов (30 мандатов). Социалисты получили 7,57% голосов (20 мандатов), Либерально-демократическая партия – 5,30% (14 мандатов).

204 См.: *Antonić S. Parliamentarianism in Serbia after 2000* // Нова српска политичка мисао. Нова едиција. Београд, 2008. Vol. XVI. № 3–4. С. 35–52.

На этот раз Коштуница пошел на давно ожидаемый союз с радикалами, но для формирования правительства их голосов уже не хватало, как не хватало их и у коалиции «За европейскую Сербию» во главе с Демократической партией. Роль «стрелки на весах» сыграла на этот раз Социалистическая партия Сербии во главе с Ивицей Дачичем. Он сначала вел переговоры с Коштуницей и Николичем, но затем неожиданно переметнулся к демократам Тадича. В Народной скупщине возникло большинство, состоявшее из коалиции «За европейскую Сербию» (ДП и «Г 17+»), коалиции вокруг соцпартии (СПС, Партия пенсионеров, партия «Единая Сербия»), коалиции «За европейский Санджак» и Союза воеводинских венгров. Сформировать правительство было поручено бывшему министру финансов, члену Демократической партии Мирко Цветковичу.

Вместе с формированием нового правительства усилились позиции президента страны Б. Тадича. Сербия, оставаясь по конституции парламентской республикой, стала выглядеть как президентская. Этому способствовали и некоторые изменения в законе о правительстве.

Выборы показали, что все существовавшие фланги сербской политики в определенной степени устремились в сторону центра. Демократы Бориса Тадича, пусть на словах и временно, заняли относительно патриотическую позицию в отношении косовского вопроса, радикалы Томислава Николича смягчили свою воинственную риторику, и даже социалисты Ивицы Дачича пытались все больше позиционировать себя как социалистов европейского типа.

Поражение на выборах вскоре привело к расколу Сербской радикальной партии. В сентябре 2008 г. умеренное крыло Радикальной партии во главе с Т. Николичем предприняло попытку ее реформирования²⁰⁵, но потерпело поражение. Верх взяли сторонники находящегося в Гаагской тюрьме В. Шешеля. Николич со своими сподвижниками, в частности с бывшим генеральным секретарем партии А. Вучичем, создал новую партию – Сербскую напредняцкую, или прогрессистскую. Она оказалась даже более влиятельной, чем та часть Радикальной партии, которая осталась верной Шешелю.

Важным событием октября 2008 г. в Сербии стало принятие краевой скупщиной автономного края Воеводина нового высшего

205 Т. Николич фактически пытался повторить тот же маневр, который в Хорватии совершило Хорватское демократическое содружество, превратившись из радикально-националистической в respectable правоцентристскую и национально ориентированную силу.

законодательного акта – Статута края. Он еще больше усилил подозрения в воеводинском сепаратизме. Причем его сторонниками выступили не только представители национальных меньшинств, но и часть живущих в крае этнических сербов.

Еще раньше, 17 февраля 2008 г., о своей независимости в одностороннем порядке, но после предварительной договоренности с США и их союзниками, объявило албанское руководство Косово. На первый взгляд это выглядело парадоксальным. При Милошевиче сербам навязывалось соглашение, при котором Косово юридически и формально оставалось все-таки частью Сербии. После же его свержения и семи лет демократического правления сербы наказывались потерей 20% своей территории²⁰⁶.

Независимость Косово признало свыше 90 стран, включая США и ведущие страны Европейского союза. И хотя Сербия независимость края не признала, было видно, что ее руководство с этим смирилось. Евросоюз фактически жестко увязал вступление Сербии в эту организацию с урегулированием отношений с Косово. Откупиться было невозможно. Не помогла даже выдача в мае 2011 г. Гаагскому трибуналу скрывавшегося около 15 лет отставного генерала, бывшего командующего армией боснийских сербов Ратко Младича.

В целом «иностранный фактор (США, ЕС, НАТО) создал мощное средство и инструмент коррекции, давления, контроля и влияния на внутреннюю и внешнюю политику Сербии», а Международный трибунал в Гааге превратился в «некое подобие Нюрнбергского процесса, осуждающего само сербское государство по принципу коллективной ответственности»²⁰⁷.

На очередных парламентских выборах 6 мая 2012 г. победила коалиция «Сдвинем Сербию» во главе с Сербской напредняцкой (прогрессистской) партией Т. Николича. Она получила чуть более 24% голосов избирателей или 73 парламентских мандата из 250. Немного отстала коалиция «Выбор за лучшую жизнь» во главе с Демократической партией Б. Тадича – более 22% голосов (68 мандатов). Третьей стала коалиция вокруг Социалистической партии Сербии И. Дачича (СПС – Партия пенсионеров – «Единая Сербия»), получившая 14,5% голосов (45 мандатов). Демократическая партия Сербии В. Коштуницы получила 7% голосов (21 мандат). 5-процент-

206 *Кер-Линдзи Ц.* Косово. Путь к оспороной државности на Балкану. Београд, 2011. С. 167.

207 *Йованович М.* Заключение: Сербия в начале XXI века, или о кризисе, его причинах и ответственности // Сербия о себе. С. 476.

ный барьер преодолели также Либерально-демократическая партия Ч. Йовановича и партия «Объединенные регионы» М. Динкича.

Главным победителем выборов фактически стали социалисты, удвоившие свои результаты, а их лидер И. Дачич публично выразил желание занять пост премьер-министра. Он был успешным министром внутренних дел и сумел консолидировать голоса людей старшего поколения, ностальгирующих по старым порядкам. Главным проигравшим оказалась Сербская радикальная партия, находящегося в Гааге В. Шешеля. Будучи на предыдущих выборах второй, она на этот раз даже не вошла в парламент, набрав лишь 4,65 голосов избирателей.

Одновременно с парламентскими состоялись президентские выборы. Как и ожидалось, во второй круг президентских выборов вышли Б. Тадич и Т. Николич. На этот раз небольшое преимущество оказалось у действующего президента. Однако 20 мая во втором туре с небольшим перевесом победу одержал Т. Николич. Это была его четвертая попытка придти к власти (2003 г., 2004 г., 2008 г. и 2012 г.). Тадича подвели, с одной стороны, чересчур сильный прозападный крен и фактическая сдача Косово, а с другой – явные вождистские замашки: он полностью подмял под себя правительство, правосудие, СМИ и фактически шел на выборы уже в третий раз (второй – по новой конституции).

* * *

После «малой октябрьской революции» 2000 г. реформы в Сербии пошли быстрее. Однако и спустя более десяти лет после свержения С. Милошевича, последнего из коммунистических могикан на пространстве Центральной и Юго-Восточной Европы, трансформация в Сербии еще далеко не закончилась. И в экономике, где предстоят еще многие преобразования, и в политике. Еще не сложилась нормальная двухпартийная система, как во многих других государствах региона, где, по сути, политический маятник качается в заданных пределах и к власти попеременно приходят то более правые демократы, то более левые социал-демократы.

В Сербии сохранились все предыдущие разделительные линии: деление на сербиянцев (жителей собственно Сербии) и пречан (прежде всего жителей Республики Сербской в Боснии). Черногория отделилась, Косово потеряно. Население расколото и в самой Сербии. В стране так и не сложился консенсус по поводу дальнейшего развития, у населения все еще сильны левые иллюзии. В

отношении внешнеполитической ориентации также никакого консенсуса в сербском обществе нет.

Еще в 2002 г. на одной из конференций в Сербской академии наук и искусств известный писатель Добрица Чосич говорил: «Сербия вступила в XX век, развиваясь по европейскому пути, с демократическим устройством, на экономическом и культурном подъеме, одержав политические и военные победы; закончила же XX век в национальной депрессии, с недемократическим и криминальным обществом, потерпев военные и политические поражения. В начале века мы были народом надежды, в конце века стали народом, потерявшим покой, народом изгнанников и переселенцев. В начале века у нас было государство, которое имело силу и союзников, чтобы объединить весь сербский и югославянские народы, в конце века мы остались без государства и без единого союзника, а мировые державы несправедливо наказали нас блокадой и международными санкциями. Блок НАТО свою чудовищную военную силу первый раз употребил против сербского народа в Боснии, а в последний год века 78 дней бомбил Сербию. В первой половине века мир поражался сербской жаждой свободы, сербскому героизму и достоинству; в конце века мир провозгласил нас военными преступниками и поджигателями. В начале века мы освободили Косово и Метохию, в конце века – потеряли Косово и Метохию. Сербский народ в первой половине XX века Европа, Америка и весь цивилизованный мир уважали и почитали, сегодня же он, по желанию Америки и Европейского Союза, посажен на черную скамью гаагского судилища, его судят за агрессию против народов, которые он освобождал во время двух мировых войн и которые ему за это освобождение ответили геноцидом»²⁰⁸.

Если Д. Чосич и допускает некоторую идеализацию положения сербского народа в начале прошлого века, то, говоря о его положении в конце века, он не сгущает краски. XX век оказался для Сербии во многом веком упущенных возможностей. Не решенные в прошлом столетии задачи предстояло решить уже в XXI веке. Свержение Милошевича в 2000 г., казалось, давало серьезные основания для оптимизма. Однако первое десятилетие нового века вновь принесло много разочарований.

208 Ђосић Д. Српска политика у другој половини XX века // Велика Србија. Истине. Заблуде. Злоупотребе. Београд, 2003. С. 43.

ЧАСТЬ II. БАЛКАНСКИЕ СЮЖЕТЫ

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА БАЛКАНАХ В XX в.

Говоря об этнических изменениях на Балканах, нужно отметить два момента. Во-первых, следует напомнить известный факт, что существуют два взгляда на нацию. Первый – политическая, гражданская нация, когда это понятие связывается прежде всего с государством, и второй – этническая нация, где на первый план выходит этнокультурная близость. И этот второй подход, в отличие от Западной Европы, доминирует в ментальности восточноевропейцев. Не случайно на востоке Европы провалились все попытки сформировать гражданские нации. Безрезультатно окончилось конструирование «сложных этносов», создание югославов, чехословаков, «новой исторической общности – советского народа». Наоборот, на Балканах в XX в. выделились новые этносы – македонцы, боснийцы, черногорцы.

Во-вторых, в XIX в. для многих балканских народов изгнание со своей территории инородцев (этнические чистки, как сказали бы мы сегодня) являлось одним из важных механизмов обретения независимости. Мы уже упоминали о высылке с территории Сербии турок еще даже до обретения сербами полной независимости. В балканской истории изгнание соседей отнюдь не было исключением. Этническая чересполосица провоцировала насильственные перемещения больших групп населения при воссоздании национальных государств и их расширении до трактуемых часто весьма произвольно этнически обусловленных границ.

Этот процесс национального разграничения, в отличие от Западной Европы, на Балканах не был никогда полностью завершен. Решающую роль в этом, в воспроизводстве межэтнической напряженности, сыграло постоянное вмешательство великих держав. Во многом именно из-за этого в регионе остается огромное количество территориальных споров.

Все это не могло не сказаться на многочисленных этнических изменениях на Балканах в XX в. В начале столетия этнические перемещения были связаны прежде всего с двумя Балканскими войнами. Первая война, в 1912–1913 гг., оказалась своего рода финальной «реконкистой», выдавливанием Турции и турецкого населения обратно

в Азию, вторая, в 1913 г., – межсоюзнической, дележом трофеев. Считается, что эти войны привели к насильственному перемещению более полумиллиона человек. Затем были балканские фронты Первой мировой войны, распад Османской и Австро-Венгерской империй, образование на их месте новых национальных государств как реализация модного тогда лозунга о праве наций на самоопределение.

В то же время Версальская система договоров, основанная на этом праве, не привела к ликвидации множества национальных противоречий. Новые границы снимали ряд старых противоречий, но порождали новые. При этом все балканские страны оставались многонациональными.

Для смягчения национальных противоречий был, как известно, проведен обмен населением в приграничных районах. Образцом стал турецко-болгарский договор 1913 г. Были подписаны два двусторонних договора – греко-болгарская (Нейи, 1919 г.) и греко-турецкая (Лозанна, 1923 г.) конвенции²⁰⁹. Во втором случае обмен населением произошел в связи с греко-турецкой войной 1919–1922 гг. и поражением в ней Греции. Обмен населением затронул тогда почти 2 млн. человек (1,5 млн. греков и 400 тыс. мусульман). Переселение греков, проживавших в Малой Азии и Восточной Фракии, вошло в греческую историографию под названием «Малоазиатской катастрофы».

Накануне и во время Второй мировой войны политику принудительного переселения на Балканах проводили главным образом союзники Германии. Так, в 1940 г., после включения в состав Болгарии Добруджи, Македонии и Западной Фракии (ранее входивших в состав Румынии, Югославии и Греции), болгарские власти выселили около 100 тыс. румын, 300 тыс. сербов и 100 тыс. греков, переселив на их место 125 тыс. болгар. В 1943–1944 гг. новые договоры об обменах населением заключили между собой Румыния, Венгрия и Болгария: суммарное число затронутых этими переселениями людей составило более полумиллиона человек²¹⁰.

На территории так называемого Независимого государства Хорватии было убито 500 тыс. сербов, 80 тыс. цыган, более 20 тыс.

209 Яжборовская И.С. Глава 1. «Регион множества народов и национальностей» в поисках единых принципов национальной политики и защиты прав меньшинств // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. М., 2004. С. 17–18.

210 Полян П. Принудительные миграции: предыстория и классификация // www.memo.ru/history/deport/polyan0.htm.

евреев и несколько тысяч людей других национальностей²¹¹. Именно после этой резни в некоторых районах Хорватии и Боснии и Герцеговины сербское население из большинства превратилось в меньшинство. Около 10 тыс. сербов было истреблено албанцами в Косово и Метохии, 100 тыс. албанцев переселилось туда из Албании и примерно такое же количество сербов бежало из этого края в Сербию²¹².

Трагедия европейского еврейства существенно изменила этническую картину всего европейского континента, но особенно его восточной части, включая Балканы. В Восточной Европе доля еврейского населения сократилась после войны до 0,9%. В Венгрии осталось всего 1,5% евреев, в Болгарии – 10%. Относительно благоприятнее сложилась судьба евреев в Румынии, где уцелело 57% еврейского населения²¹³. Но потом и из Румынии начался отток евреев. И если до войны в этой стране было 750 тысяч евреев, то в начале XXI в. их осталось менее десяти тысяч²¹⁴.

Не стала исключением и Россия. Как известно, к концу XIX в. в Российской империи существовала самая большая еврейская община мира. Сегодня же в России осталось немногим более 200 тыс. евреев. Фактически это означает конец того многогранного явления русско-еврейского симбиоза, которое А.И. Солженицын назвал «Двести лет вместе».

Самые крупные этнические чистки предстояло испытать по завершении войны немцам, проживавшим на территории стран Центральной и Юго-Восточной Европы²¹⁵. Немецкое население сначала бежало с отступающей армией, а затем в течение нескольких лет было насильственно выселено из своих домов в Польше,

211 В 92. Vesti za 22.04.2011.

212 Гуськова Е.Ю. Глава 10. Особенности национальной политики в Югославии // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. М., 2004. С. 456.

213 Марьина В.В., Яжборовская И.С. Глава 12. Гулкое эхо прошлого. Послесловие // Там же. С. 502–503.

214 См.: Lenta.ru. Новости. 05.11.2010 // <http://lenta.ru/news/2010/11/05/grave/>.

215 Первым с депортациями столкнулось немецкое население Советского Союза. После начала войны около 500 тыс. немцев были высланы из Автономии немцев Поволжья, а всего места проживания в европейской части России и Закавказье были вынуждены покинуть около 800 тыс. немцев. См.: Ваннер Я. Глава 2. Массовые депортации в СССР // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. С. 84.

Чехословакии и других странах. Из депортированных немцев, преимущественно женщин, стариков и детей, далеко не все сумели добраться до Германии живыми. В Восточной Европе фактически исчезла более чем 10-миллионная довоенная немецкая диаспора. В силу массовости и большого влияния на этническую картину послевоенной Восточной Европы процесс бегства и депортации немецкого населения получил название «немецкого исхода».

Этот процесс «немецкого исхода» затронул и Балканы, в частности Югославию. Еще в ноябре 1944 г. новая коммунистическая власть постановила лишить гражданства все немецкое население. Это решение затронуло сотни тысяч человек. Из полумиллионной немецкой диаспоры довоенной Югославии по переписи 1948 г. в стране осталось не более 55 тыс. человек²¹⁶.

В Воеводине (Сербия) до Второй мировой войны было около 500 тыс. немцев. По переписи же 2002 г. в этом крае оставалось около 3 тыс. немцев, а во всей Сербии их было менее 4 тыс. Одновременно в ту же Воеводину в рамках так называемой аграрной реформы и колонизации на опустевшие и конфискованные земли было переселено более 40 тыс. семей из Боснии, Черногории, Македонии, Хорватии, других республик²¹⁷. Еще около 28 тыс. немцев проживало до войны в Словении. Они также практически полностью были высланы. Из Хорватии, в основном из Славонии, было изгнано около 90 тыс. немцев. В Славонию в рамках программы колонизации также переселялись жители из других регионов Югославии²¹⁸.

Исключение в первые послевоенные годы составила Румыния, где осталось три четверти немецкого населения²¹⁹. Немцы стали покидать эту страну позже, уже во время правления Н. Чаушеску.

Пострадали и союзники немцев. В 1944–1948 гг. около 170 тыс. венгров были переселены в Венгрию из Словакии, Югославии и Закарпатской Украины. Происходили встречные перемещения венгерского и румынского населения. С обеих сторон было перемещено 425 тыс. человек. Тогда же около 140 тыс. итальянцев были высланы из Хорватии в Италию, а около 120 тыс. болгар – из Македонии и Греции в Болгарию. (До 1951 г. происходил встреч-

216 Goldstein I. Op. cit. S. 383.

217 Гуськова Е.Ю. Глава 10. Особенности национальной политики в Югославии. С. 461–464.

218 Goldstein I. Op. cit. S. 383.

219 Марьина В.В., Яжборовская И.С. Указ. соч. С. 501.

ный процесс отъезда турок из Болгарии в Турцию, который затронул более 180 тыс. человек²²⁰.)

Фактически везде в Восточной Европе происходили попытки создания монолитных в этническом отношении государств. Отношение к национальным меньшинствам было подспудно подорвано гитлеровской Германией, которая в предыдущий период активно разыгрывала карту своего меньшинства в ряде сопредельных стран. К тому же в сложившихся после войны условиях «в международном сообществе стало преобладать мнение о целесообразности защиты не коллективных, а индивидуальных прав представителей национальных меньшинств. Считалось, что соблюдение всеобщих прав человека повсюду гарантирует одинаковую правовую защиту для всех, в том числе и малых этнических групп... Так или иначе... в регионе многие отделенные от основной части своей нации этнические общности долгое время были лишены коллективных прав»²²¹.

В послевоенное время пример попыток изменения этнического состава страны дает, в частности, живковская Болгария, когда в конце 1984 – начале 1985 гг. более 850 тыс. болгарских граждан в результате административного давления были вынуждены сменить свои мусульманские имена на болгарские²²². Такое искусственное превращение турок и потурченцев в болгар привело к тому, что в 1989 г. около 300 тыс. болгарских турок покинуло страну и переместилось в Турцию. Их было бы еще больше, если бы Турция не закрыла границу²²³.

Характерно, что в своих мемуарах Т. Живков не только оправдывал проводившийся им курс, но и критиковал своих предшественников Г. Димитрова и В. Червенкова. Получив, по его словам, в наследство проблемы, связанные с турками, болгарскими мусульманами и цыганами, они не только не нашли решения этих проблем, но их усугубили. Они осуществляли «абсурдную

220 Там же. С. 499.

221 Там же. С. 503.

222 Подробнее об этой акции см. документы №№ 2–17, опубликованные в сб.: *Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. I. Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов.* СПб., 2012. С. 25–70.

223 См.: *Зудинов Ю.Ф. «Реальный социализм» в болгарском варианте: от «сталинизма» к «живковизму» (социально-политические аспекты) // Болгария в XX веке. Очерки политической истории.* М., 2003. С. 400.

политику” формирования многонациональной Болгарии, что углубляло разделение ее народа и по религиозным признакам, и по образу жизни»²²⁴.

С середины XIX и до середины XX в. решение балканских межэтнических проблем часто виделось в создании более крупных многонациональных государств, поглощавших внутри себя не только разные народы, но и их территориальные споры. Самый яркий пример дает Югославия, нереализованными остались многочисленные планы Балканской или Дунайской федераций. Однако в конце XX в. тенденция оказалась диаметрально противоположной. Для решения национальных противоречий многонациональных государств их начали делить.

Напомним, что распад и развал Югославии сопровождался чередой межэтнических гражданских войн, в результате которых этническая карта бывшей Югославии была полностью изменена. Сказались, конечно, многотысячные человеческие жертвы, ведь в одной только боснийской войне погибло около 100 тыс. человек²²⁵. Однако к полному «переформатированию» этнического пространства бывшей Югославии привели больше всего этнические чистки.

В этнических чистках обвинялись преимущественно сербы, но в итоге именно они, как проигравшая сторона, пострадали от них больше других. Как это всегда и бывает, проигравшие войну платили за общие грехи.

Этнические перемещения, которые произошли на территории бывшей Югославии во время югославского кризиса, в целом достаточно хорошо известны. Вместе с тем до сих пор существуют большие расхождения в цифрах беженцев и вынужденных переселенцев.

В Словении, ставшей фактически моноэтнической еще после Второй мировой войны, после высылки немцев и итальянцев, особых этнических проблем не было. Разве что можно вспом-

224 *Он же*. Глава 11. Некоторые проблемы межэтнических отношений в Болгарии в 1944–1947 гг. // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. С. 487.

225 Раньше считалось, что на этой войне погибло чуть ли не 200 тыс. человек. Однако по последним данным Исследовательского документального центра в Сараево погибло 97207 человек (39684 – гражданских лиц и 57523 – военных), из них: 64036 бошняков (мусульман), 24905 сербов, 7788 хорватов и 478 лиц других национальностей. См.: В 92. Vesti za 21.06.2007.

нить, что после получения этой югославской республикой независимости права проживать в ней лишились около 25 тыс. человек, главным образом сербы²²⁶.

В Хорватии ко времени распада Югославии было примерно 11,5% сербов. Во время хорватской войны (1991–1995 гг.) хорваты изгонялись из тех мест, которые контролировались хорватскими (краинскими) сербами, а сербы – из остальной части Хорватии. По некоторым данным, всего в Хорватии было 330 тыс. хорватов, изгнанных из сербского государственного образования – Республики Сербская Краина. Из них только из Вуковара – 23 тыс. В 1991–1992 гг. было также зарегистрировано 350 хорватов, изгнанных из Воеводины, то есть из Сербии. В то же время по переписи 2001 г. по сравнению с переписью 1991 г. в Хорватии не стало 380 тыс. сербов²²⁷. Масштабы этнических чисток оказались сопоставимы, только хорваты смогли вернуться в свои дома, а проигравшие войну сербы – нет.

Война в Хорватии закончилась в результате двух военных операций хорватских войск весной и летом 1995 г. Вначале удар был нанесен по Западной Славонии, когда, как считается, около 20 тыс. сербов бежало через мост на пограничной Саве в сербскую часть Боснии и Герцеговины. Два месяца спустя началось решающее наступление на Сербскую Краину. Отступление ее войск по всему фронту сопровождалось бегством гражданского сербского населения (до 200 тыс. человек) в Боснию и Югославию²²⁸. Республика Сербская Краина перестала существовать. А Хорватия превратилась по существу в моноэтническое государство, в котором осталось не более 4% жителей, принадлежавших к национальным меньшинствам²²⁹. Впервые за 300 и более лет в Хорватии не осталось территорий с компактным проживанием сербов. В дальнейшем кое-кто из сербов вернулся, но этот процесс нельзя назвать массовым.

226 В92. Vesti za 28.01.2009.

227 В92. Vesti za 20.11.2008.

228 Н. Барич приводит следующие цифры сербского исхода: по данным хорватских властей – 154 тыс. и по данным Хорватского хельсинкского комитета по правам человека – 180 тыс. (*Barić N. Srpska pobuna u Hrvatskoj 1990–1995 // Radelić Z., Marijan D., Barić N., Bing A., Živić D. Stvaranje hrvatske države i Domovinski rat. Zagreb, 2006. S. 285*).

229 См., например: *Боич О., Сабов Д.* Мир в обмен на демократию // Итоги. 1996. 10 сентября.

Еще бóльшие последствия для этнических перемен имела война, разразившаяся в Боснии и Герцеговине (1992–1995 гг.), где сербы составляли примерно 32% населения, хорваты – 17% и боснийские мусульмане (боснийцы, бошняки) – 44%. В ходе войны из 4,5 млн. жителей этой довоенной югославской республики более 2 млн. покинули свои дома. Из восточной части Боснии было изгнано около 800 тыс. боснийских мусульман, из ее западной и центральной части – около 600 тыс. сербов и из той же центральной части – около 300 тыс. хорватов.

Примерно половина беженцев покинула Боснию. Другая половина – переселилась на территории, контролировавшиеся соотечественниками. К сербским жителям Республики Сербской добавилось еще и около 100 тыс. сербов из Хорватии. Фактически в сегодняшней Боснии и Герцеговине и Республика Сербская, и обе части боснийско-хорватской федерации – Федерации БиГ стали национально однородными. Сразу после войны в Республике Сербской представителей несербской национальности оставалось не более 10%. Бошняки на контролируемых ими землях составляли 80–85% населения. И, наконец, в хорватской части Федерации проживало около 98% хорватов²³⁰.

И такое соотношение между тремя боснийскими этническими общинами в целом сохранилось. Так, Центр по демографическим и общественным исследованиям в Зворнике полагает, что в Федерации Боснии и Герцеговины осталось менее 4% сербского населения. К такому выводу он пришел, анализируя результаты местных выборов в этом государстве в 2008 г.²³¹ Причем многократные опросы, проходившие уже в дейтонской Боснии, подтверждали нежелание большинства сербов жить в единой Боснии и Герцеговине. Аналогичным было и желание (или нежелание) хорватов. И даже бошняки, позиционируя себя как «титовская нация», выступают лишь за целостность территории Боснии и Герцеговины, но совсем не озабочены сохранением на этой территории сербского или хорватского населения.

Наконец, война в Косово (1998–1999 гг.) и натовские бомбардировки сербско-черногорской Югославии (1999 г.) привели к новым волнам беженцев. Сначала, еще до нападения НАТО, мятежный край покинуло около 170 тыс. косовских албанцев, главным образом женщин и детей. Затем, уже во время бомбежек, – еще 790 тыс. ал-

230 Боич О., Сабов Д. Указ. соч.

231 В92. Vesti za 28.10.2008.

банцев, а также 100 тыс. сербов и других проживавших в крае меньшинств. Большая часть албанцев уходили в Македонию и Албанию. Но часть из них нашли убежище в Сербии и Черногории.

В целом война НАТО против Югославии вызвала перемещение внутри Сербии и частично Черногории более 1 млн. человек. В отличие от беженцев из Хорватии и Боснии, это уже были так называемые вынужденные переселенцы, поскольку они перемещались в границах одной страны. После того, как Косово полностью перешло в руки НАТО и косовских албанцев, край покинуло около 250 тысяч сербов²³². Косово и Метохия, где и так было около 90% албанцев, стало еще более моноэтническим образованием. Впрочем, и здесь трудно сказать что-то более точно, поскольку также долгое время не было переписи. К тому же сербские авторы к жертвам этнических чисток относят и всех тех сербов, которые, опасаясь за свою жизнь, десятилетиями покидали Косово еще до распада Югославии.

В целом считается, что за годы югославского кризиса со своих мест было прямо или косвенно изгнано около 4 млн. человек²³³. Как упоминалось, больше всех пострадали сербы. Сербия оказалась даже на первом месте в Европе по количеству беженцев и вынужденных переселенцев. По данным сербского Комиссариата по делам беженцев, после окончания всех войн Сербия приютила 830 тыс. людей, изгнанных из родных мест²³⁴. Для 7,5-миллионного населения Сербии это была огромная цифра.

Сегодня ситуация уже заметно изменилась. Но и через 17 лет после окончания войн в Хорватии и Боснии и через 13 лет после натовских бомбардировок в Сербии зарегистрировано более 300 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев – 97 тыс. беженцев из Хорватии и Боснии и 236 тыс. вынужденных переселенцев из Косово. Раньше беженцев из Хорватии и Боснии было около полу-миллиона, но за последние годы более 200 тыс. беженцев получили гражданство Сербии, другие – возвратились в родные места. Причем количество вернувшихся в Боснию намного превосходит число тех, кто вернулся в Хорватию. А в самом незавидном положении оказались около 20 тыс. человек, которые были изгнаны из своих домов в Косово, но переселились не в Центральную Сербию

232 См., например: *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса. С. 679.

233 Напомним, что население Социалистической Федеративной Республики Югославии составляло около 22 млн. человек.

234 B92. Vesti za 18.12.2008.

или Воеводину, а в другие сербские анклавы этого ставшего фактически независимым албанского края²³⁵.

Существующее на сегодняшний день положение вряд ли изменится в обозримом будущем. Согласно проведенным опросам, только 5% из беженцев или вынужденных переселенцев хотели бы вернуться в места прежнего проживания.

Важно подчеркнуть, что везде на постюгославском пространстве во время череды войн и их урегулирования четко прослеживалась одна тенденция – тенденция к моноэтничности, сколько бы ни говорили об обратном, о мультиэтничности и мультикультурности, многочисленные западные посредники.

Похожая ситуация наблюдается и в других странах Юго-Восточной Европы. Так, в Болгарии болгары составляют сегодня 85,3% населения, в Румынии румын еще больше – 89,5%, а в Албании албанцев вообще 95%. То же самое можно сказать и про центральноевропейские страны: в Венгрии – 98% венгров, в Польше – 97% поляков, в Чехии – 94,4% чехов, в Словакии – 85,7% словаков. Иная картина наблюдается только в Македонии, где 67% относят себя к македонцам, 29,9% – к албанцам²³⁶.

Подчеркнем, что эта тенденция к моноэтничности доминировала на Балканах и даже везде на востоке Европы весь XX век. Распались многонациональные империи, затем многонациональные государства. Фактически исчезли два общих для стран этого региона национальных меньшинства – евреи и немцы. Сильно ослаблено и третье региональное национальное меньшинство – цыгане. Отъезд в последнее время многочисленных болгарских, румынских и других цыган с востока на запад показывает, что отмеченная нами тенденция для Восточной Европы продолжает существовать. Восток Европы становится еще более этнически однородным.

Такая тенденция существенно отличает восточноевропейский регион от Западной Европы, в которой особенно в послевоенный период заметно увеличилась мультиэтничность. Она даже породила идеологическое обоснование этого процесса в виде концепции мультикультурализма. Мультикультурализм – принципиально иная политика в отношении различных этносов внутри того или иного государства. Это – не интеграция в социокультурную среду доминирующего этноса (крайнее проявление подобного развития – американский «плавильный котел»), а параллельное сосуществование разных, а

235 В92. Vesti za 05.11.2008, 16.06.2009, 19.06.2009, 20.06.2009.

236 Марьина В.В., Яжборовская И.С. Указ. соч. С. 510.

часто и противоположных культур и культурных традиций.

«"Плавильный котел" ассимиляции барахлит и чадит – и не способен "переварить" все возрастающий масштабный миграционный поток, – отмечал В. Путин. – Отражением этого в политике стал "мультикультурализм", отрицающий интеграцию через ассимиляцию. Он возводит в абсолют "право меньшинства на отличие" и при этом недостаточно уравнивает это право – гражданскими, поведенческими и культурными обязанностями по отношению к коренному населению и обществу в целом.

Во многих странах складываются замкнутые национально-религиозные общины, которые не только ассимилироваться, но даже и адаптироваться отказываются... Ответная реакция на такую модель поведения – рост ксенофобии среди местного коренного населения... Люди шокированы агрессивным давлением на свои традиции, привычный жизненный уклад и всерьез опасаются угрозы утратить национально-государственную идентичность»²³⁷.

Характерно, что в мультикультурности стали разочаровываться и в Западной Европе. Лидеры сразу трех ведущих западноевропейских стран – канцлер Германии А. Меркель, президент Франции Н. Саркози и премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон в 2011 г. заявили о крахе политики мультикультурализма в своих странах.

Попутно заметим, что Россия в какой-то степени вписывается в оба отмеченных нами процесса – на востоке и западе Европы. В процентном отношении русских в России больше, чем в Советском Союзе, – почти 81% вместо немногим более 50%. И, таким образом, Россия повторяет путь всей Восточной Европы. В то же время дает о себе знать имперское и советское прошлое. Приезд в бывшую метрополию выходцев из бывших национальных окраин на глазах увеличивает мультиэтничность России. И в этом плане Россия идет по стопам Великобритании, Франции, Нидерландов и других стран Западной Европы.

237 Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012.

ПРОЦЕССЫ ВНЕШНЕГО ДОМИНИРОВАНИЯ НА БАЛКАНАХ

Балканы называют «пороховым погребом» Европы. Такая репутация за этим регионом еще больше утвердилась в 90-е годы прошлого века. Балканы вновь напомнили о себе как о самом взрывоопасном месте Европы, а термин «балканизация» или «югославизация» стал применяться и к другим регионам. Вспомним, например, определение З. Бжезинского «евразийские Балканы» применительно к Кавказу²³⁸. Видеть в Балканах лишь зону постоянной нестабильности, делать из них своего рода пугало стало привычным журналистским штампом.

Объяснялось это прежде всего почти полным незнанием Балкан. И если даже специалисты терялись иногда в догадках в поисках причин югославского кризиса, то что уж говорить о «простых людях». Довольно долго никто не мог понять, почему во вроде бы вполне успешной стране вдруг разразилась такая ожесточенная, кровопролитная война, вернее – несколько тесно связанных между собой войн.

Например, многие американцы, запутавшись в лабиринтах балканской истории, вообще пришли к выводу, что понять ее западному человеку невозможно. Не случайно подлинным бестселлером, выходявшим массовыми тиражами, стала в США книга журналиста Р. Каплана «Балканские привидения: путешествие сквозь историю». Каплан нарисовал жуткую картину балканской истории, где действуют дикие, кровожадные люди²³⁹.

Весьма показательно, что такое отношение к югославянам, прежде всего к сербам, было характерно и для западных посредников в югославском кризисе. Так, архитектор Дейтонских договоренностей, которые подвели черту под одной из фаз кризиса, Р. Холбрук и его подчиненные, бывая в Боснии, по-видимому, ощущали себя ковбоями из вестернов, так как территории, контролируемые сербами, называли «землями индейцев»²⁴⁰.

Второй причиной непонимания балканской реальности была «информационная война». Конечно, первой жертвой на войне

238 См. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1999.

239 *Kaplan R.* Balkan Ghosts. A Journey Through History. New York, 1993.

240 *Holbruk R.* Put u Dejton. Od Sarajeva do Dejtona i posle. Beograd, 1998. S. 5.

всегда становится правда, но, наверное, впервые в истории «информационная война» стала столь заметным фактором, в чем-то даже более существенным, чем война обычная – на поле брани. Жертвой этой войны опять же стали прежде всего сербы. И в ней приняло, к сожалению, участие большинство корреспондентов западных СМИ. На службу ей были поставлены даже известные фирмы, занимавшиеся рекламой и предоставлением услуг в сфере общественных связей (PR-компания).

Недаром говорят, что современный мир – это во многом виртуальный, пиаровский мир. В Югославии, возможно, впервые «грязные» пиаровские технологии распространились в таком масштабе и на внешнеполитическую сферу. Известно, например, о деятельности американской компании Ruder Finn Global Public Affaires. Ее клиентами были руководители Хорватии и мусульманской части Боснии. Компания согласовывала с ними свою деятельность, с тем чтобы привлечь внимание к событиям в бывшей Югославии конгресса США, администрации американского президента, этнических групп в этой стране и особенно американских и международных служб новостей.

Директор «Рудер-Финн» Т. Харф хвалился тем, что за несколько минут его фирма рассылала информацию по сотням адресов. «Скорость – существенный элемент, – подчеркивал он. – Поскольку некая информация работает на нас, мы немедленно закрепляем ее в общественном сознании. Потому что мы прекрасно знаем, что лишь первые сообщения имеют значение и запоминаются. Опровержения же мало эффективны»²⁴¹.

Под пером и объективом журналистов и в результате махинаций работников пиаровских служб сербы в 1990-е годы превратились чуть ли не во второе пришествие нацистов на европейском континенте.

Проживавший в начале 1990-х годов во Франции старший брат сербского лидера Борислав Милошевич вспоминал, что однажды весенним утром 1993 г. весь Париж оказался обклеен плакатами, на которых были изображены вместе Слободан Милошевич

241 Американский журналист П. Брок обработал 1500 статей из газет и журналов, вышедших на Западе в 1992 г., и пришел к выводу, что «соотношение публикаций против сербов и в их пользу составляет 40:1». Цит. по: Гуськова Е. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии. М., 1998. С. 6–7; см. также: Как это делается. (Отрывок из книги Ж. Мерлино «Правду о Югославии нелегко говорить») // Национальные интересы. 1999. № 2. С. 18–21.

и Адольф Гитлер. По словам Б. Милошевича, особенно яркими активистами бушевавшей во Франции антисербской кампании были «левые интеллектуалы»²⁴².

Назначенный весной 1995 г. послом России в Ватикане бывший пресс-секретарь президента Б. Ельцина Вячеслав Костиков был поражен невиданной информационной волной по нагнетанию страхов среди местного населения: «Западная и американская печать, используя известные пропагандистские приемы, обращения к письмам “простых тружеников” и, в частности, жителей американской глубинки, все настойчивее проводят аналогии между сербами и нацистами. То, что сербы – это этническая категория, а нацизм – идеологическая, никого не волнует. ...Главное подготовить общественное мнение к масштабному военному вмешательству на Балканах под предлогом спасения Европы от нацистской чумы»²⁴³.

Позже, уже в дни натовской агрессии против Югославии в 1999 г., «американский и английский лидеры постоянно сравнивали югославского президента Слободана Милошевича с Адольфом Гитлером, а операцию сербской полиции в Косово и Метохии с холокостом времен второй мировой войны»²⁴⁴. И даже более того, министр обороны США У. Коэн заявлял: «Это борьба добра и зла, и НАТО не позволит, чтобы зло победило». Ему вторил британский премьер-министр Т. Блэр: «Война против Сербии – это теперь не просто военный конфликт. Это битва Добра и Зла, цивилизации и варварства»²⁴⁵.

Не добавили ясности в понимание кризиса и вышедшие на Западе мемуары многих действующих лиц югославской трагедии: Р. Холбрука, Д. Оуэна, У. Циммермана, К. Билдта, М. Ахтисаари и др. Названия этих воспоминаний, как правило, были весьма претенциозны и говорили сами за себя: «Балканская Одиссея», «Остановить войну», «Задание – мир» и т. п. По образному замечанию журналиста из сербского еженедельника «НИН» С. Релича, в них проводилась мысль, что события в Югославии и, в частности, в

242 Милошевич Б.С. Слободан Милошевич. Фрагменты политической биографии // Непобежденный. М., 2011. С. 8–9.

243 Костиков В. Когда святые маршируют // Сегодня. 1995. 10 августа.

244 Симић П. Пут у Рамбује. Косовска криза 1995–2000. Београд, 2000. С. 242.

245 Цит. по: Суботић М. Три западна аутора о распаду Југославије и српском питању // Српска политичка мисао. 2005. № 1–2. С. 207.

Боснии – «обычная балканская резня, в которой мы выступали как дикари, не знающие, как положить ей конец, до тех пор, пока, пусть и с помощью Божией, где-то за семью морями не был найден великан Дик Холбрук, удар которого ладонью о (переговорный) стол был такой силы, что все наши предводители затряслись от страха – и подписали мир»²⁴⁶.

Чем же все-таки являлся этот кризис? Что двигало США, когда они организовали вооруженное вмешательство НАТО в югославский конфликт – сначала в Боснии и Герцеговине, а затем в связи с косовскими событиями и в Сербии? Было ли это бескорыстной борьбой за возвращение стабильности этому региону, за расширение в Европе так называемой «зоны демократии», имел ли место альтруизм, обусловленный чисто гуманитарными соображениями? Был ли югославский кризис 1991–2001 гг. своего рода «бунтом истории» против «прогрессистских устремлений постиндустриального ядра Европы?»²⁴⁷ Или, возможно, происходили и другие, в том числе и более глубинные, процессы?

Наверное, следует начать с того, что Балканы всегда были скорее объектом, нежели субъектом международных отношений. На современной международной арене полуостров впервые появляется в последней трети XVIII в. Именно тогда «в связи с возникновением Восточного вопроса Балканы стали частью общеевропейской международной системы»²⁴⁸. Французская революция и начало наполеоновских войн ускорили этот процесс, приведя одновременно к усилению борьбы балканских народов за национальное освобождение. «Наполеоновские войны, – пишет швейцарский историк У. Альтерматт, – вызвали по всей Европе – от Испании через Германию и до России – националистическую реакцию, которая подпитывалась современными революционными средствами»²⁴⁹.

В дальнейшем, хотя после распада Османской империи Восточный вопрос и был закрыт в 1918 г., для балканского региона мало что изменилось. Международные события, борьба держав на

246 Рельић С. Била једном једна сила // НИН. Београд, 2000. Бр. 2607. 14 децембра. С. 46–48.

247 Тренин Д. Введение // Косово: международные аспекты кризиса. М., 1999. С. 30.

248 См., например: Достян И., Фрейдзон В. Введение // Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII – 70-е годы XIX в. М., 1986. С. 14.

249 Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000. С. 50.

Балканах и за Балканы в решающей степени продолжали влиять на все крутые повороты в истории полуострова.

Посмотрим, например, на Балканы нескольких последних десятилетий.

Так, 40-е годы прошедшего столетия были связаны с процессом *фашизации* балканских государств. Эта политика, инициатором которой была гитлеровская Германия, но в которой достаточно активно участвовала и Италия, затронула Венгрию, Румынию, Болгарию, Албанию, осуществлялись попытки ее распространения на Югославию. Разумеется, как это обычно и бывает, такая политика прикрывалась разговорами о «новом порядке», о «заинтересованности в сохранении мира на юго-востоке Европы» и т. п.

Кстати, чтобы легче добиться поставленных целей, немцы, как во второй половине XIX в. австрийцы и в 90-е годы XX в. американцы со своими союзниками, объявляли священный поход против «великосербских устремлений». Так, они заявляли, что германская армия – не борется против хорватов, боснийцев или македонцев, а «наоборот – их защитник от “сербских шовинистов”, которые бы в противном случае ввергли их в войну за британские интересы»²⁵⁰.

Затем с точки зрения внешнего доминирования на Балканах пролегал период в пол- с лишним века, и он был отмечен важным и в чем-то схожим процессом. Процесс этот, сопровождавшийся также соответствующим идеологическим обеспечением, – *советизация* Балкан и всей Восточной Европы. В нем в свою очередь можно выделить ряд этапов.

Первый этап советизации в ее крайней сталинской форме проходил вплоть до смерти И. Сталина в 1953 г. Затем начинается этап десталинизации как внутри СССР, так и в его отношениях со странами «социалистического лагеря». Фактически это означало переход в 1955–1957 годах в отношениях с социалистическими странами от протектората к ограниченному суверенитету. Однако «оттепель», как известно, не привела к весне, вновь наступили «заморозки». Они были связаны с событиями 1968 г. в Чехословакии.

По мнению ряда исследователей, «Пражская весна» является своего рода водоразделом в истории «социалистического содружества». После чехословацкого кризиса отношения между социалистическими странами «шли неизменно под уклон»²⁵¹. Собственно

250 Цит. по: Goldstein I. Op. cit. S. 208.

251 Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории... С. 195.

говоря, и понятие «ограниченного суверенитета» или «доктрины Брежнева» появилось именно после 1968 г.

В целом же в Праге была окончательно убита вера в возможность реформирования «реального социализма», придания ему «человеческого лица». Не будет преувеличением сказать, что чехословацкие события оказали влияние не только на интеллигенцию (появление диссидентского движения и проч.), но и на часть советского руководства – более молодую и менее догматическую. Именно из нее рекрутировались кадры горбачевской перестройки, случившейся через 20 лет.

Последний процесс, о котором надо сказать, говоря о внешнем доминировании на Балканах, и который мы наблюдаем в настоящее время, – процесс их *натоизации*. И, как бы мы к нему ни относились, подчеркнем, что в нем нет ничего исключительного. Не претендуя на полную аналогию, заметим также, что процесс натоизации Балкан, в свою очередь, как и все предыдущие, прикрывался и прикрывается рассуждениями о «новом мировом порядке», об укреплении стабильности в Юго-Восточной Европе, об утверждении там демократических ценностей. Сравнивая современные Балканы с периодом советизации, можно также сказать, что сегодня в разных балканских странах существует сочетание ограниченного суверенитета и протектората, как, например, в Боснии или Косово. Но, повторим, разными способами проводится одна политика – натоизация.

Впрочем, об «ограниченном суверенитете» можно в известной мере говорить не только по отношению к балканским и другим восточноевропейским странам. По мнению И. Максимычева, «балканская война НАТО продемонстрировала феномен практически добровольного и полного подчинения Западной Европы политике США в обстановке, когда оно совершенно не диктуется никакими внешними причинами. Если в период конфронтации западноевропейская лояльность Вашингтону объяснялась реальной или мнимой советской угрозой, то сегодня ни этой, ни иных угроз просто не существует»²⁵².

Любопытно отметить, что самый сильный отпор всем трем отмеченным нами процессам на Балканах – фашизации, советизации и натоизации – оказывала одна и та же страна – Югославия, прежде всего ее сербское население. Вспомним, что в конце марта

252 Журкин В., Максимычев И., Машлыкин В., Шишков Ю. Европа в многополярном мире. М., 2000. С. 38.

1941 г. правительство Югославии подписало соглашение о присоединении к Тройственному союзу, и это вызвало в Белграде массовые демонстрации под лозунгом «Лучше война, чем пакт», а затем и государственный переворот. Да и во время Второй мировой войны на территории Югославии против немцев и их пособников был фактически открыт второй фронт, задолго до того, как его открыли страны антигитлеровской коалиции. Причем подавляющее большинство участников Сопротивления были сербы. Вспомним и 1948 г., когда конфликт между Й. Броз-Тито и И. Сталиным привел к выходу Югославии из так называемого «социалистического лагеря». И, наконец, яркое доказательство всему сказанному дает югославский кризис 1991–2001 гг.

Выяснение этого феномена – почему «крепким орешком» для всех внебалканских сил оказывались именно сербы – требует специального исследования. Но одна из причин этого – на поверхности. Она состоит в том, что сербы с начала XIX в. привыкли занимать на Балканах центральное место, играть ведущую роль среди соседних народов, быть, по известному выражению, «Пьемонтом южных славян». Это небольшой народ с менталитетом большого²⁵³.

В какой-то степени общего развития с другими балканскими странами в последние несколько десятилетий избежала только Греция. Однако и там, если присмотреться повнимательнее, можно разглядеть сходные процессы: совпадающий с оккупацией период фашизации (его слабым и более поздним отголоском кто-то, наверное, может назвать семилетний режим правления «черных полковников» в 1967–1974 гг., хотя мы считаем, что он имел несколько иную природу. – *К.Н.*); попытка советизации, проявившаяся в гражданской войне 1946–1949 годов; наконец, вступление в НАТО первой из балканских стран, еще в 1952 г.

И, кстати, несмотря на полувековое развитие в рамках Североатлантического альянса, Греция, на наш взгляд, типологически остается балканской страной, и нет никаких признаков того, что в обозримом будущем будет как-то иначе. Это убедительно подтвердила и ее отличная от стран Запада реакция на те же события 1990-х годов в бывшей Югославии. Скорее всего, такая же судьба ждет и другие

253 Показательна формула, выведенная для понимания сербов одной наблюдательной русской эмигранткой: «Необыкновенные эти сербы. Мелкие в мелком, великие в великом...» (*Шемякин А.Л., Силкин А.А.* «Долой монархию! Да здравствует король Петр!» (Из русских записок себского академика) // *Славянский альманах* 2010. М., 2011. С. 421.

балканские страны, вступившие или стремящиеся в НАТО. (Можно добавить, что и натовская Турция с большой натяжкой может считаться балканской и с еще большим трудом – европейской страной.)

Сравнивая современные события на Балканах с 1940-ми годами, можно сказать чуть подробнее и о позиции России. В те далекие уже годы Советский Союз пытался не остаться в стороне от балканских проблем, однако Германия явно не желала вступать с ним в переговоры. Боясь посмотреть правде в глаза, советское руководство трактовало споры с Германией как «расхождения либо частные, либо региональные» и «упорно продолжало следовать уже выработанному курсу». Тем не менее, именно «балканские проблемы стали тем пробным камнем в советско-германских отношениях, который показывал истинные намерения нацистского руководства». Региональный характер событий лишь камуфлировал стратегический масштаб противоречий двух держав. «Кремль в итоге оказался неспособным что-либо противопоставить тому драматическому развитию событий, которое привело к полному подчинению Балкан фашистской “осью”, а затем и к нападению на Советский Союз»²⁵⁴.

Вновь не претендуя на полную аналогию, заметим, что югославский кризис также выявил истинные стратегические цели альянса, любящего рассуждать о правах человека, демократических ценностях, гуманитарных интервенциях и т. п. И НАТО также долго не сталкивалось с противодействием российской дипломатии, которая, словно загипнотизированная словами о партнерстве, долго не могла или не хотела понять сути происходившего.

Подчеркнем еще раз. Конечно, природа у режимов стран «оси» и НАТО – совершенно различная. Но даже отмеченное нами некоторое внешнее сходство – довольно красноречиво.

В отличие от дипломатии, российское общественное мнение среагировало гораздо быстрее и точнее. Было просто невероятно, что события в Югославии нашли столь горячий отклик, что называется, в «простом народе». Как очень верно, говоря о середине 1990-х годов, подметил тот же И. Максимычев, «боснийский кризис выявил немаловажное влияние общественного мнения России на ее внешнюю политику. Никто не ожидал подобного эмоционального подъема в задавленной внутренними бедами и неразумной экономической политикой стране по не затрагивающему непосредственно ее материальных интересов поводу. Широчайшая поддержка сербов ... продемонстрировала, что общественное мнение

254 Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории... С. 25, 28, 54.

в России живо и что с ним приходится считаться»²⁵⁵. Добавим, что особенно общественная поддержка сербов проявилась в первые дни агрессии НАТО против Югославии в конце марта 1999 г.

В целом российское общественное мнение довольно скоро стало склоняться к тому, что, несмотря на все заверения, одна из важных целей США в югокризисе – вытеснение России с Балкан, что в западной и прежде всего американской элите достаточно распространены не только антикоммунистические, но и антироссийские настроения.

Естественно, это вызывало ответную реакцию. Причем стихийный антиамериканизм пришел на смену «инфантильному проамериканизму», явной симпатии к США, которые в начале 1990-х годов во многом рассматривались в России в качестве своего рода эталона общественного развития.

Как не без основания пишет американский политолог С. Коэн, широкое распространение антиамериканских настроений в посткоммунистической России не является наследием холодной войны. Они «стали углубляться, когда вместо несбывшихся обещаний больших иностранных инвестиций бремя российского внешнего долга выросло настолько, что государство перестало платить пенсии и зарплату, чтобы выполнить предъявляемые Западом требования к бюджету. Распространяясь все дальше, эти настроения усилились после расширения в 1998 г. НАТО на Восток, в чем справедливо увидели нарушение данных американцами обещаний, а после того как, действуя под началом США, НАТО приступила к 1999 г. к бомбардировкам Югославии, стали практически повсеместными и невиданно ожесточенными»²⁵⁶.

Впрочем, российское общественное мнение очень точно отреагировало и на трагедию 11 сентября 2001 г., когда у здания посольства США в Москве моментально выросли груды живых цветов.

Процесс натоизации Балкан, о котором мы ведем речь, важен не только сам по себе. Он тесно связан и с более крупной проблемой – формированием новой системы европейской безопасности. И именно поэтому югославский кризис заметно отличается от всех других европейских конфликтов последнего времени – например, североирландского или кипрского.

255 Максимычев И. Бесцеремонность силы и стыд бессилия // Комсомольская правда. 1995. 4 октября.

256 Коэн С. Провал крестового похода США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001. С. 205–206.

Вопрос о создании новой системы европейской безопасности встал в конце 80-х – начале 90-х годов после окончания «холодной войны» и прекращения блокового противостояния. Россия, будучи одним из полюсов прежнего биполярного мира, выступала за создание всеобъемлющей системы безопасности на основе общеевропейской организации – ОБСЕ. Однако успеха не имела. После некоторого колебания США посчитали, что являются единственным победителем в «холодной войне» и имеют право действовать исходя из логики «победитель получает все».

Фактически это означало начало передела сфер влияния, «передела уже поделенного мира». Где-то такой передел шел мирным путем, путем расширения НАТО на восток, присоединения к блоку некоторых восточноевропейских стран; где-то, как в Югославии, – насильственным, военным.

Расширение НАТО на восток и вмешательство Запада под предводительством США в югославский кризис и привели, на наш взгляд, к новой, натоцентристской модели европейской безопасности. И можно даже назвать точное время, когда оба этих связанных между собой процесса обозначились со всей определенностью, – это 1993-й год. Тогда, как известно, было принято принципиальное решение начать расширение НАТО. И тогда же США начали активно вмешиваться в югославский и, в частности, боснийский кризис, который в тот период выдвинулся на первый план.

По свидетельству работавшего в Белграде представителя Службы внешней разведки России В. Зайцева, в январе 1994 г., после принятия решения о расширении НАТО на восток, у США уже существовали планы использовать конфликт в Югославии для создания условий по перебазированию американских войск из Германии на Балканы. Тем самым появилась бы «возможность контролировать как пути через Черное море к Каспийскому нефтяному бассейну, так и через Малую Азию к Персидскому нефтяному району»²⁵⁷.

Характерны и воспоминания руководителя Службы безопасности президента России А. Коржакова. Он рассказывает, что весной 1995 г. начальник Главного разведочного управления Генерального штаба России Ф. Ладыгин передал через него президенту Б. Ельцину конфиденциальное письмо. В нем на основе оперативной и аналитической информации был расписан «весь сценарий

257 Зайцев В. Тайные планы США становятся явными // Независимая газета. 1999. 13 апреля.

НАТО по Югославии вплоть до будущих бомбардировок в связи с косовским конфликтом. Российский президент отнесся к этой информации очень серьезно...»²⁵⁸

Под натовское ружье были поставлены все – и ОБСЕ, и миротворцы ООН. Так, Босния стала родиной «миротворчества нового типа», когда миротворческие войска имеют тяжелое вооружение, танки и авиацию; когда их ввод навязывается ультимативно, под угрозой применения силы; когда они вводятся не в буферные зоны между враждующими сторонами, а занимают всю площадь подмандатной территории, на которой являются фактически верховной властью. Все это больше напоминает оккупацию, нежели классическое миротворчество. К тому же решение о миротворческой операции сначала явочным путем разрабатывается в недрах региональной организации (в данном случае НАТО), а затем лишь проштамповывается Советом Безопасности ООН.

Так или иначе, но инициированный Западом передел мира поставил на ближайшую перспективу крест на романтической мечте о единой «Большой Европе», о Европе, по словам Ш. де Голля, от Атлантики до Урала, о горбачевском общеевропейском доме, о Европе без разделительных линий и блокового противостояния. Не говоря уж – о единой зоне безопасности от Ванкувера до Владивостока. В этом смысле 90-е годы XX в. оказались для всей Европы временем разочарования. Да и в целом откровенное стремление США после краха биполярного мира к единоличному господству, в частности военное вмешательство в югославский конфликт, нанесло самый сильный удар по демократическим и либеральным ценностям.

Повторим, события на востоке Европы, разрушение двухплюсного мира и окончание «холодной войны» были использованы США и Западом не для объединения континента, а для пересмотра итогов Второй мировой войны и укрепления своего геополитического положения. Геополитика вообще после краха биполярного мира выдвинулась на передний план. И если почти весь XX век – был веком идеологического противостояния²⁵⁹, то теперь оно ока-

258 Смиренский М. Александр Коржаков: Президенту еще в 1995 году говорили, что может случиться в Югославии через четыре года // Парламентская газета. 1999. 10 апреля.

259 Т. Исламов называл XX век «веком тоталитаризма, подобно тому как XV в. вошел в историю как век Гуманизма и Возрождения, XVIII – век Просвещения и Ratio-Разума, а XIX – век Романтизма и победного

залось заменено противостоянием геополитическим, характерным для XIX в. и более раннего времени.

Смена модели системы международной безопасности – событие эпохальное. В. Волков писал: «Балканский кризис ускорил те процессы, которые неизбежно должны были произойти в системе международных отношений. Их суть состоит в замене одной конкретно-исторической модели этой системы (Ялтинско-Потсдамской) на иную, которая пока не получила своего названия. Это сдвиг поистине тектонического масштаба... За последние четыре столетия подобная смена происходит пятый раз (после Тридцатилетней войны в Европе и Вестфальского мира 1648 г.; эпохи Наполеоновских войн и Венского конгресса 1815 г.; первой мировой войны и системы Версальских договоров 1919–1920 гг.; второй мировой войны и Ялтинско-Потсдамского урегулирования 1945 г.)»²⁶⁰.

Итак, в XX веке поочередно существовали три из пяти названных моделей системы международной безопасности. Причем при замене одной из них на другую важнейшую роль неизменно играли Балканы. И даже в годы «холодной войны» роль Балкан (и в частности Югославии) «определялась не столько их внутренними проблемами, сколько идеологическим и политическим противостоянием, характерным для двухполюсного мира». И сегодня «в двусторонних российско-американских отношениях в Европе Балканы явно претендуют на второе место после вопроса о расширении НАТО на восток. Общее между этими двумя проблемами в том, что обе они связаны с перспективами безопасности в Европе»²⁶¹.

В. Волков предсказывал, что, возможно, роль Балкан при смене моделей международной безопасности сохранится и впредь. Сегодня «Балканы превратились в зону повышенного внешнеполитического риска как для России, так и для НАТО, а также США, хотя и по разным причинам... Не исключено, что Балканам суждено стать “пороховым погребом” НАТО... Смогут ли США выдержать бремя единственной сверхдержавы в мире? И, может быть, будущие поколения тоже будут говорить: “Все начиналось с Балкан!”»²⁶²

шествия по континентам буржуазной цивилизации». См.: *Исламов Т.* Век тоталитаризма // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы). М., 1999. С. 3.

260 Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории... С. 322.

261 Там же. С. 343, 355.

262 Там же. С. 325.

В целом можно сказать, что на пространстве бывшей Югославии с 1990-х годов протекали сразу несколько процессов. Один из них – *натоизация*, о которой мы только что сказали. Второй – сам *югославский кризис*. Он распространялся с северо-запада на юго-восток территории бывшей Югославии, поочередно втягивая в свою орбиту возникшие здесь новые государства. Напомним основные этапы этого кризиса: десятидневные вооруженные столкновения в Словении (июль 1991), война в Хорватии (1991–1995), война в Боснии (1992–1995), война в Косово (1998–1999) и 78-дневная натовская агрессия против новой Югославии (Сербии и Черногории) в 1999 г. Наконец, с марта 2001 г. в связи с усилением албанского сепаратизма горячая фаза югославского кризиса на несколько месяцев распространилась на Македонию.

Столь долгий кризис был во многом спровоцирован нарушением хрупкого баланса сил, существовавшего ранее на Балканах. Так, чтобы сломить сопротивление «твердоголовых», как они сами себя называют, сербов, Запад во главе с США взял курс на поддержку албанского меньшинства в Косово. В то же время именно сербы являлись единственной силой на Балканах, которая была способна справиться с албанской экспансией. Затем и македонцев частично заставили пойти на поводу у албанских боевиков.

Рост албанской экспансии и есть третий процесс, протекающий сегодня на Балканах. В настоящий момент албанцы, без сомнения, – самый активный и стремящийся к объединению балканский этнос. И учитывая то, что, кроме собственно Албании, они проживают в Сербии, Черногории, Македонии и Греции, это чревато новыми балканскими переделами. И здесь можно также увидеть более общие процессы. Экспансия албанцев, по-видимому, является частью той самой южной «дуги нестабильности», про которую так много говорят²⁶³ и которая, по словам российского президента В. Путина, простирается ныне «от Косово до Филиппин».

Таким образом, почти всегда Балканы были местом столкновений чужих интересов. И говорить о какой-либо врожденной агрессивности балканцев и вследствие этого постоянной нестабильности Балкан – было бы не совсем справедливо, это означало бы «сваливать с больной головы на здоровую». По крайней мере, и в Первую, и во Вторую мировые войны военные действия пришли

263 См., например: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1993. № 1.

на Балканы извне. (Понятно, что злополучный выстрел Г. Принципа в 1914 г. был лишь поводом: если бы его не было, нашли бы любой другой и в любом другом месте.) О вмешательстве извне и его негативных последствиях следует говорить и применительно к югокризису конца 1990-х – начала 2000-х годов. Поддерживая одних и усмиряя других его участников, Запад часто вел себя «как слон в посудной лавке».

Такое мнение доминирует сегодня в российской историографии. Об этом размышляют и некоторые западные исследователи, в частности, американский специалист по проблемам борьбы с международным терроризмом Й. Боданский²⁶⁴, австрийские политологи П. Хандке²⁶⁵ и Г. Хофбауэр²⁶⁶. Английская исследовательница, политолог и журналист Н. Белофф в своей последней, похожей на завещание книге «Югославия – война, которую можно было избежать» писала, что «если бы не было вмешательства извне, то конфликта в Югославии можно было бы избежать, а югославское государство в том или ином виде сохранить»²⁶⁷. Наверное, это не совсем так. Но верным представляется то, что высокомерное вмешательство Запада в дела Югославии, применение так называемых «двойных стандартов» только затягивало конфликт, приводило к новым жертвам. Так, недавно скончавшийся французский генерал, соратник де Голля, позже специалист по геополитике П.-М. Галлуа считал, что хотя начальные условия для кризиса создала сама Югославия, но кризис спровоцировала Германия, а затем его углубили США с надеждой извлечь максимум пользы из поддержки боснийских мусульман²⁶⁸. И косовских албанцев, добавим мы.

Новые моменты в процесс натоизации Балкан, в ситуацию на полуострове способны внести акции возмездия США против истинных и мнимых международных террористов, которые привели

264 *Бодански Ј.* Офанзива на Балкану. Претња од ширег рата као последица иностране интервенције у БиХ. Београд, 1998; *он же.* Неки то зове мир. У ишчекивању рата на Балкану. Београд, 1998.

265 *Handke P.* Zimsko putovanje do reke Dunava, Save, Morave i Drine ili pravda za Srbiju. Podgorica, 1996.

266 *Hofbauer H.* Balkanski rat. Razaranje Jugoslavije (1991–1999). Beograd, 2001.

267 *Belof N.* Jugoslavija – jedan rat koji se mogao izbeći. Beograd, 1999. S. 11–12.

268 *Галлоа П.-М.* Крв петрола: Босна: геополитички есеј. Београд, 1996. С. 174–175.

к войнам в Ираке и Афганистане. Присутствовать везде даже у США сил может не хватить. Придется поступиться чем-то второстепенным. Как подчеркивает сербский академик М. Экмечич, «любой кризис на востоке Европы затихал, когда существовал какой-нибудь кризис на западе континента»²⁶⁹. Тем более это справедливо, когда кризисы возникают в Азии.

Но что же делать самим Балканам, чтобы перестать быть разменной монетой в игре великих держав? Исходить, наверное, следует из того, что в сегодняшнем мире сосуществуют две основные тенденции – глобализация международного развития, часто означающая американизацию²⁷⁰, и его регионализация. Наряду с тем, что в мире осталась одна сверхдержава – США, что он становится более единым и взаимозависимым, в нем одновременно полным ходом идут процессы образования региональных объединений и центров силы. Одним из таких региональных объединений могут стать Балканы, несмотря на все старые и новые противоречия между странами этого региона.

Конечно, в чистом виде старый лозунг «Балканы – балканским народам» невозможен. Однако налаживание экономического сотрудничества между странами региона возможно. Причем инициатива такого сотрудничества должна идти снизу, от самих балканских стран. В противном случае проекты сверху, со стороны так называемого «международного сообщества», могут не выполнить свою задачу, не наладить реальное сотрудничество и устойчивое развитие стран региона, а стать скорее одним из механизмов все той же натоизации Балкан.

Нынешние тенденции развития славянских государств, по словам уже цитировавшегося нами В. Волкова, «могут поставить их в такое положение, при котором они окажутся перед угрозой потери национальной самобытности, или, как сейчас говорят, иден-

269 *Екмечич М.* Срби на историјском раскршћу. Београд, 1999. С. 10.

270 З. Бжезинский пишет: «Американское превосходство... породило новый международный порядок, который не только копирует, но и воспроизводит за рубежом многие черты американской системы. Его основные моменты включают: систему коллективной безопасности, в том числе объединенное командование и вооруженные силы, например НАТО, Американо-японский договор о безопасности и т. д. ... специализированные глобальные организации сотрудничества, например Всемирный банк, МВФ, ВТО ... рудиментарную глобальную конституционную и юридическую структуру (от Международного Суда до специального трибунала по рассмотрению военных преступлений в Боснии)». См.: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. С. 41.

тичности». Задача славянских стран – «пройти эпоху модернизации без утраты национального лица»²⁷¹.

Это справедливо и для всех балканских стран. И проблема эта – одна из самых актуальных. Нет сомнения в том, что Балканы – часть Европы. Но часть эта – особая, специфическая. Это – классический субрегион с собственной историей, культурой, менталитетом и т. п. Балканские страны не только воевали или вызывали войны, но и всегда вносили в «копилку» европейской цивилизации свой особый, неповторимый вклад. Сегодня же они, как и вся Восточная Европа, теряют свою идентичность, их голос почти не слышен в мощном хоре западных соседей. Исчезает их индивидуальность, «необщее выражение» лица. На наш взгляд, это плохо для всех. Любая монополия губительна, и международные отношения – отнюдь не исключение.

271 Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории... С. 311–312.

БАЛКАНСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Начнем с нескольких слов об особенностях начального этапа современной российской внешней политики, становление которой, как известно, происходило в первой половине 90-х годов XX в. Эти особенности ярко проявились и на балканском направлении.

В те начальные годы новой России внешняя политика, как и политика во всех других сферах, базировалась на отказе от коммунистической идеологии. В то же время нельзя сказать, что под внешней политикой России не было никакой идейной базы. Наоборот, фактически вместо деидеологизации внешней политики произошла замена одной идеологии на другую. Вместо коммунистической идеологии и претензий на мировое лидерство во внешней политике все больше стали проявляться комплексы страны, сдавшейся на милость победителей в холодной войне и ни на что не претендующей. Хотя в российском восприятии краха коммунизма первоначально доминировало совсем другое – ощущение собственной победы и возвращения к нормальному пути развития и даже ощущение своего решающего вклада в позитивные изменения и в других странах Восточной Европы.

Интересно и другое. Тогдашний российский министр иностранных дел А. Козырев не только не пытался выработать государственную общенациональную внешнюю политику во взаимодействии с другими властными и общественно-политическими структурами, но и с жаром включился во внутривластную борьбу, разгоравшуюся тогда в России. Именно ему принадлежало, в частности, характерное выражение «партия войны», которым он, не задумываясь, клеймил своих идейных противников и оппонентов. Естественно, такая позиция исключала возможность наладить хоть какое-нибудь сотрудничество с законодательной властью, общественными структурами, экспертным сообществом.

Классический пример – присоединение России к антисербским санкциям в самом начале югославского кризиса. На этот шаг прежде всего повлияли идеологические мотивы. Сербское руководство было для Козырева лишь «национал-коммунистическим», и попустительствовать ему он не был намерен. Сложные геополитические процессы, национальные интересы России его в данном случае не интересовали.

Козырев даже позволял себе легкую критику США за якобы слишком позднее признание независимости югославских республик. «Вначале, – писал он, – еще до распада СФРЮ, США упорно

не замечали требований суверенитета той же Боснии и других союзных республик, до последнего выступали за сохранение единого государства, несмотря на его *коммунистическую природу* (курсив наш. – К.Н.). Не потому ли в Вашингтоне столь силен антиюгославский накал, что есть чувство первоначальной вины?»²⁷²

Конечно, помимо идеологии сказывалось и тяжелое экономическое положение. Антисербские санкции во многом были поддержаны в обмен на обещание финансовой помощи. Не случайно, что о поддержке резолюции по санкциям Совета Безопасности ООН президент России Б. Ельцин 30 мая 1992 г. проинформировал в первую очередь председателя Европейского сообщества Ж. Делора.

По записи очевидца беседа президента России с председателем Европейского сообщества проходила следующим образом: «Б. Ельцин: “Перейдем к европейским делам. Я считаю, что процессы в России дают возможность проводить более динамичную политику в отношении интеграции России в Европейское сообщество. Россия всегда была в Европе и с Европой. Нужно уже иметь договор о вхождении России в Европу. Я благодарен за поддержку при вступлении России в МВФ. Когда будет встреча в Мюнхене, на которую я приглашен, мы не будем просить о помощи. Но будем говорить о создании механизма реализации и контроля помощи (24 млрд. долл.). Жаль, что этот процесс затянулся. Если реформы не получатся, то от этого пострадает весь мир, так как придется вкладывать триллионы долларов на гонку вооружений. Пока из 24 миллиардов мы не получили ни цента... Наша позиция в отношении Югославии... Мы голосовали против санкций в отношении Сербии. Это было продиктовано стремлением дать им еще один шанс прекратить военные действия. Но они не вняли. И сегодня ночью я дал добро голосовать за резолюцию ООН вместе со всеми по поводу санкций против Сербии”.

Ж. Делор: “Нам не хочется новой драмы в Югославии. Если мы признаем изменения границ, то эта эпидемия пойдет по всей Европе... Очень признателен за позицию, принятую сегодня ночью. Проблема Югославии может расшатать все Балканы. Очень опасна дискуссия по поводу названия «Македония». В Греции очень болезненно это воспринимают”»²⁷³.

272 Козырев А.В. Преображение. М., 1995. С. 125.

273 Цит. по: Никифоров К. Российско-сербские отношения во время югославского кризиса // Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века. Београд, 2011. С. 346.

Чтобы лучше понять тогдашнюю российскую внешнюю политику, приведем один характерный эпизод. Экс-президент США Р. Никсон как-то попросил А. Козырева очертить интересы новой России, и тот ему сказал: «...одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заклинились на национальных интересах. И теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях. Но если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен».

Уже позже Никсон следующим образом прокомментировал эти слова российского министра: «Когда я был вице-президентом, а затем президентом, хотел, чтобы все знали, что я “сукин сын” и во имя американских интересов буду драться изо всех сил. Киссинджер был такой “сукин сын”, что я еще мог у него поучиться. А этот, когда Советский Союз только что распался, когда новую Россию нужно защищать и укреплять, хочет всем показать, какой он замечательный, приятный человек»²⁷⁴.

Вакуум концептуальных, теоретических подходов с течением времени ощущался все сильнее. Неумение и нежелание разобраться в реальном положении вещей вело к тому, что долгое время существовала наивная вера в альтруизм западных демократий, в то, что они, забыв про свои собственные интересы, с распростертыми объятиями примут Россию «в семью передовых демократических государств» и по-братски разделят с ней тяготы трансформационных преобразований. Когда от России требовали уступок, она шла на это с готовностью. Россия делала даже те уступки, которых от нее не требовали. Главным считалось крепить во что бы то ни стало отношения с ведущими западными государствами, прежде всего США. Российская дипломатия шаг в шаг следовала за ними, как за лидером, пытаясь своей покладистостью заработать входной билет в «цивилизованный мир».

Считается, что с начала 1991 г. и вплоть до конца 1993 г. во внешней политике России по отношению к Западу стояла пора «очарований», длился «медовый месяц», вернее – «медовое трехлетие». Однако окончилось оно не чем иным, как решением о расширении НАТО на восток в том же 1993 г. Именно расширение НАТО на восток, а также разраставшийся в эти годы югославский конфликт во многом выявили истинные стратегические цели США и Североатлантического альянса.

274 Цит. по: *Примаков Е.М.* Годы в большой политике. М., 1999. С. 210–211.

Фактически после некоторого колебания США объявили себя единственным победителем в холодной войне, имеющим право на «военные трофеи», то есть на заметное расширение своего влияния и даже гегемонию в современном мире, на создание так называемого «нового мирового порядка», когда, говоря словами римской пословицы, сила определяет право. Об этом было сказано в нашумевшем выступлении В. Путина в Мюнхене в феврале 2007 г. Оно вызвало болезненную реакцию. Но винить нужно прежде всего самих себя. Ведь совсем не Россия, пользуясь своим превосходством, начала после краха биполярного мира систематически нарушать международное право. Особенно заметно это было во время югославского кризиса, сопровождавшегося прямой агрессией НАТО и завершившегося признанием независимости Косово.

Скажем больше. Те же события на Балканах показали кризис западной демократии. В Мюнхене Путин справедливо отметил, что складывается парадоксальная ситуация: «Страны, в которых применение смертной казни запрещено даже в отношении убийц и других преступников... легко идут на участие в военных операциях, которые трудно назвать легитимными. А ведь в этих конфликтах гибнут люди – сотни, тысячи мирных людей!»²⁷⁵

Конечно, сказывалось то, что на многие вещи в России и на Западе смотрели по-разному, в том числе и на югославский кризис. Многочисленные примеры этого приводит в своей книге шотландская исследовательница Сара Макартур. В частности, в России существование Независимого государства Хорватии времен Второй мировой войны имеет однозначно негативную оценку, а известная «Исламская декларация» лидера боснийско-мусульманской общины Али Иметовича трактуется как образец фундаментализма, приведшего, как одна из причин, к боснийской войне. Западный же человек, не оправдывая хорватских фашистов, часто считает, что Независимое государство Хорватия в то же время выражало волю людей жить самостоятельно. Еще разительнее разность подходов в отношении «Исламской декларации». На Западе ее даже изучали на школьных занятиях по политологии как пример демократии²⁷⁶. И таких примеров очень много.

275 www.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml

276 *Макартур С.* Когда к штыку приравняли перо. Деятельность СМИ по освещению боснийского кризиса (1992–1995 гг.). М., 2007.

Но вернемся к внешнеполитическим сюжетам. В сущности, ослабление позиций России на международной арене после распада СССР и во время трансформационных, прежде всего экономических, трудностей – было неизбежно. Вопрос только в том, насколько далеко должно было простираться внешнеполитическое отступление. Ведь Запад тоже не сразу сформулировал свои цели. Они зависели и от позиции России. Ее постоянные уступки лишь увеличивали запросы противоположной стороны. И дело было даже не в игнорировании мнения России. Его часто просто не было. Достаточно сказать, что, несмотря на многочисленные обещания, собственной программы действий по урегулированию югославского кризиса в российском МИД так никогда и не было сформулировано.

Инфантилизм российской внешней политики заключался в непонимании простой вещи: в отличие от внутренней политики, которая может быть какой угодно, внешняя политика не может быть либеральной. Она может быть только консервативной. В основе любой внешней политики должны быть национальные интересы и ничто иное.

К середине 1990-х годов внешнеполитические неудачи России становились все более очевидными. Против политики, которую проводило российское министерство иностранных дел, теперь выступала не только оппозиция, но и почти вся политическая элита и экспертное сообщество. Утверждалось мнение, что у России должно быть собственное лицо и место в мировой политике. Конечно, это отнюдь не означало спора с Западом по любому поводу, а тем более перехода к конфронтации. Но не было никакой нужды постоянно поддакивать, причем даже в ущерб собственным интересам.

Впрочем, вина за внешнеполитические провалы ложилась не только на МИД, но и на руководство страны, которым были созданы основы такой системы, при которой МИД работал в условиях почти полного монополизма и бесконтрольности. Отсутствие коллегиального механизма разработки и принятия решений и было, пожалуй, главным пороком этой системы. Старые структуры наподобие международного отдела ЦК КПСС были упразднены, а новые – не созданы. Создавалось впечатление, что Б. Ельцин, не особенно вникая в детали, без каких-то дополнительных консультаций подписывал почти все, что ему «подсовывал» А. Козырев. И в любом случае дипломаты были предоставлены сами себе.

Собственно говоря, ожидать от российского МИД, как и от любого другого подобного ведомства, концептуальных внешнеполитических разработок нельзя было даже не из-за какой-то злой воли его руководства. Были ограничения и сугубо объективного характера. Традиционно дипломаты идеи не генерируют, а выступают их исполнителями. В этом своем свойстве дипломаты похожи на военных. В зависимости от способностей и профессионализма они могут с большим или меньшим успехом выполнять спущенные им директивы. Но стратегических указаний сверху как раз почти и не было.

Это бросалось в глаза многим. В период президентства Ельцина предпринимались попытки создать специальный механизм межведомственной координации внешнеполитической деятельности. Однако они не дали результатов, и во многом из-за активного противодействия руководства МИД. А. Козыреву удалось провести два президентских указа, подтверждавших координирующую роль самого МИД в вопросах внешней политики. Третий подобный указ подписал у Ельцина уже следующий министр иностранных дел – Е. Примаков. Получалось, что МИД сам себе ставил задачи, сам их пытался выполнить, сам себя координировал и контролировал.

Все это происходило в 1990-е годы – переломные и для Европы, и для всего мира. Старая биполярная система европейской безопасности рухнула, формировалась новая. На ее формирование большое влияние оказывал югославский кризис. К сожалению, российский МИД этого долго не понимал.

Таким образом, мы бы отметили две порочные черты внешней политики России того периода: чрезмерное увлечение новой идеологией вместо деидеологизации и монополизм дипломатического ведомства при принятии решений.

* * *

Мы уже писали в предыдущих главах, насколько запутанным и многослойным, насколько важным для судеб всей планеты оказался югославский кризис. И сразу надо отметить, что должного понимания сути происходившего на Балканах в России в начале 1990-х годов не было. И уже в силу этого балканская политика России не могла быть адекватной.

Югославский кризис, так сильно повлиявший на развитие современных международных отношений, на новую геополитическую расстановку в мире, поначалу казался российским властям лишь досадной помехой на пути в «цивилизованный мир».

Поэтому Россия и признала в числе первых, до достижения каких-либо внутриюгославских договоренностей, независимость Словении, Хорватии и Боснии и Герцеговины. Поэтому в деле югославского урегулирования Россия охотно приняла западные правила игры: державы навязывают югославским народам свою волю, а те должны им беспрекословно подчиняться. Пользуясь особым расположением к себе сербской стороны, Россия именно ей навязывала волю так называемого «мирового сообщества». Поначалу российские средства массовой информации также транслировали западное видение конфликта, что влияло и на российское общественное мнение.

Правда, уже через пару лет общественное мнение в России качнулось в другую сторону. Сказались и огромная цена реформ, и нежелание западных демократий оказать России серьезную помощь. Становилось все более очевидным, что трудности, переживаемые Россией, наоборот, используются для ее дальнейшего ослабления и вытеснения с Балкан и из всей Европы. Самым убедительным примером этого было начало процесса расширения НАТО на восток. И, соответственно, полный крах потерпел курс России на создание новой системы общеевропейской безопасности на основе ОБСЕ. Это оказалось печальным и для ОБСЕ. Сегодня, на наш взгляд, это уже — несамостоятельная, почти маргинальная организация.

Начиная примерно с 1994 г. российская дипломатия стала пытаться точнее соответствовать общественным настроениям внутри страны. Тем более что югославский кризис стал для России не только внешней, но и внутренней проблемой. Однако активность МИД вылилась лишь в изменение фразеологии и стилистики официальных заявлений. Стали раздаваться фразы о равном отношении ко всем сторонам в конфликте, о признании Балкан зоной российских интересов и т. п. Некоторые наблюдатели поспешили трактовать это как переход России на просербские позиции. Но на деле ничего подобного не было. В частности, Россия продолжала оставаться в режиме антисербских санкций, неоднократно голосуя за их еще большее ужесточение.

В этом контексте фантастически звучит утверждение профессора политологии Норвежского университета науки и технологий в Тронхейме С. Рамет о том, что Россия в те годы тайно отправила боснийским сербам «свой технический персонал и военных» для обслуживания ею же поставленной военной техники, в том числе самого современного ракетного оружия. По ее словам, «сербь договорились купить оружие на 360 млн. долларов США, включая

небольшие мобильные танки Т-55»²⁷⁷. Это утверждение — классический пример перекалывания с большой головы на здоровую. Поставки вооружения были, но со стороны США и исламских государств и не сербам, а хорватам и боснийским мусульманам.

На завершающем этапе боснийской войны НАТО уже открыто вмешалась в нее на антисербской стороне, первый раз в своей истории участвуя в военных действиях, причем вне зоны своей ответственности. А Россия уже совершенно бесцеремонно была отодвинута в сторону, в ее услугах больше не нуждались. Она была нужна лишь в качестве вспомогательного участника урегулирования, для придания ему большей легитимности и для уже традиционного давления на сербов. Такую чисто вспомогательную роль сыграла Россия и во время переговоров по мирному урегулированию в Дейтоне, и во время миротворческой операции в послевоенной дейтонской Боснии.

Самым удивительным было то, что российская дипломатия публично объявляла свою политику невероятно успешной, докладывала о все новых и новых победах, о том, что влияние России в югославских событиях постоянно усиливается. В жизни все было с точностью до наоборот.

В начале 1996 г. А. Козырев был отправлен в отставку. Характерно, что Ельцин поставил ему в вину две вещи: расширение НАТО на восток и отсутствие «четкости» в политике по отношению к Югославии. Министром иностранных дел России стал Е. Примаков. Он уже прямо говорил про национальные интересы России. Усились связи России не только с Западом, но и с Востоком. Внешняя политика стала определяться как многовекторная. Более четко заговорили и о многополярном мире. Однако в целом российской дипломатии не удалось переломить негативные для России тенденции и добиться уважительных равноправных отношений с Западом.

Характерно, что кризис вокруг событий в сербском крае Косово мало что изменил и с точки зрения внешнего вмешательства, и с точки зрения позиции России. И вновь дело дошло до нападения НАТО на сербско-черногорскую Югославию в марте 1999 г. И во многом именно стараниями российского спецпредставителя В. Черномырдина Западу удалось выкрутить сербам руки и сломить их сопротивление.

Знаменитый поворот самолета Примакова над Атлантикой и не менее знаменитый марш-бросок российских десантников из

277 Ramet S.P. Op. cit. S. 541.

Боснии в Приштину в 1999 г. до и после бомбардировок Сербии не стали еще поворотом в балканской политике России. После этого довольно долгое время Россия, набив много шишек в югославском урегулировании и оказавшись фактически вытесненной с Балкан, почти демонстративно не вмешивалась в балканские дела. Теперь о победах в дипломатических верхах России уже не докладывали. Наоборот, вспоминали о событиях в бывшей Югославии с явной неохотой или не вспоминали вовсе. Показателем отношения России к Балканам стал вывод из Боснии и Косово немногочисленных российских миротворцев летом 2003 г.

Но главное даже не это. Главным было данное этому выводу объяснение. Напомним, что вывод войск из Косово официально объяснялся тем, что обстановка в крае уже настолько нормализовалась, что в российском контингенте нет необходимости. Тогда как объяснять это надо было совсем другим – тем, что Россию не устраивает формат операции и ее истинные цели, не устраивает вспомогательная, подчиненная роль России, отсутствие у нее самостоятельного сектора ответственности и т. п.

Такое объяснение потеряло всякий смысл, когда меньше чем через год, в марте 2004 г., в Косово прошли новые погромы сербского населения. Через два месяца, 3 июня 2004 г., президент России В. Путин встретился в Сочи с премьером Сербии В. Коштуницей. Путин уже совсем иначе расставил акценты, говоря о российском участии в косовском урегулировании. По его словам, Россия будет в нем участвовать только в том случае, если увидит, что она нужна и решения принимаются при ее участии. Он сказал: «Мы вывели оттуда свой воинский контингент не потому, что нам безразлично, что происходит в Косово, а потому, что присутствие контингента, который ни на что не может повлиять и ничего не решает, бессмысленно»²⁷⁸.

Многие тогда не обратили внимания на эти слова. Но нам представляется, что именно они обозначили начавшийся поворот во внешней политике России, завершившийся упомянутой мюнхенской речью В. Путина 10 февраля 2007 г.

Повторим, слова Путина в Мюнхене, публичный отказ от податливости 1990-х годов, откровенный разговор о том, о чем раньше предпочитали умалчивать, вызвали болезненную реакцию его западных партнеров. Тяжело было отказываться от взятой на себя самочинно прерогативы единолично интерпретировать все мировые процессы и события.

278 См., например: www.rg.ru/2004/06/04/belgrad.html

Все это очень важно. Нормальная политика всегда предполагает то, что вещи будут называться своими именами. Только тогда, когда Россия четко обозначит свою позицию, к ней начнут серьезно относиться. Тем более что многие вопросы нуждаются в серьезном обсуждении. Ни Россия, ни НАТО не могут в одиночку решить многие проблемы, например, разоруженческую или афганскую. Но отношения между ними должны быть не выставочными, а будничными, рабочими. А главное — это сотрудничество должно быть честным с обеих сторон.

Указанный поворот во внешней политике России был, конечно, обозначен не только на вербальном уровне, но и в практических делах, в том числе и на балканском направлении. В частности, российская политика активизировалась в связи с проблемой нахождения статуса Косово. Причинами этого называют желание России конвертировать свои экономические успехи времен высоких цен на энергоносители в политический вес. Однако, на наш взгляд, желание России не допустить нового нарушения международного права было важным не только для нее, но и для других стран и всего мироустройства.

Россия это прекрасно понимала. Отсюда и все ее заявления о том, что необходимо выработать «универсальные принципы» решения подобных конфликтов, которые могут быть применены к любой ситуации, а не только к Косово. К сожалению, Россию не послушали, спровоцировав тем самым признание ею независимости Абхазии и Южной Осетии.

На Западе часто говорят, что признание независимости Косово, пусть и с нарушением международного права, положит конец балканским раздорам. Но кто знает Балканы, понимает, что здесь ничего просто так не заканчивается. Вспомним, что Берлинский конгресс, отдав Боснию и Герцеговину Австро-Венгрии, спровоцировал тем самым в определенной мере и выстрелы Гаврилы Принципа в 1914 г. и боснийскую войну 1992–1995 гг.

Как пишет Дж. Кер-Линдзи, «вопреки часто повторяющимся утверждениям о том, что косовская независимость необходима для стабильности региона, в действительности появились основания для других долгосрочных проблем в регионе. Прежде всего в соседней Боснии и Герцеговине боснийские сербы в провозглашении независимости Косово увидели возможность для выдвижения своих требований о государстве или объединении с Сербией»²⁷⁹.

279 Кер-Линдзи Д. Указ. соч. С. 23.

Нельзя забывать о том, что сегодня на Балканах остаются нерешенными, по крайней мере, три национальных вопроса – сербский, албанский и македонский. И нам представляется наивным думать, что все проблемы почти автоматически разрешатся, как только так называемые «Западные Балканы» окажутся в Евросоюзе и НАТО.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что Балканы для России – это «среднее зарубежье», стратегически важный регион. Особые отношения традиционно связывали Россию с проживающими на Балканах славянскими (прежде всего православными) народами. В русском национальном самосознании, несмотря на все катаклизмы советского времени, и сегодня существует представление о славянской общности, о том, что именно Россия находится в центре славянского мира, в определенной мере отвечает за сохранность славянской культуры, призвана при необходимости ее защищать.

Конечно, мир сейчас совсем не такой, как в XIX веке. Тем не менее, интерес к Балканам в России никуда не исчез. И активизация связей России с балканскими странами в связи с новыми маршрутами поставок энергоносителей это не только подтверждает, но и создает прочную основу для более тесного дальнейшего сотрудничества. Здесь мы видим уже чисто прагматическое взаимовыгодное сотрудничество с обеих сторон.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Нельзя сказать, что в России выходит мало работ, затрагивающих сербскую историю и особенно сербскую современность. Конечно, в основном это публицистика, но и серьезных научных трудов хватает. Интерес в России к Сербии и сербам стабильно высок. И это понятно. В русском самосознании сербы занимают особое место²⁸⁰.

Частично это благодарность в ответ на изначальное сербское русофильство, с которым встречался всякий русский, побывавший в Сербии. Это русофильство возникло издавна и не исчезает уже несколько столетий, несмотря на то, что официальные русско-сербские (советско-югославские, но тоже понимаемые преимущественно как русско-сербские) отношения далеко не всегда были безоблачными. Известны, например, проавстрийская ориентация последних Обреновичей в конце XIX и самом начале XX вв. или неприятие большевистского режима королем Александром Карагеоргиевичем в межвоенный период, когда между Югославией и Советским Союзом вплоть до кануна Второй мировой войны не было даже дипломатических отношений.

После Второй мировой войны на отношения между двумя народами не мог не оказать резко негативного влияния конфликт между Сталиным и Тито в 1948 г. Наконец, официальная политика России во время десятилетнего югославского кризиса (1991–2001 гг.) многими в Сербии воспринималась негативно и даже как предательство. Претензий к России предъявлялось гораздо больше, чем к тем странам, которые в 1995 и 1999 гг. бомбили сербскую землю. Традиционно завышенные ожидания сербов от России и русских никуда не исчезли и проявились вновь.

Иногда Россию обвиняли даже в том, к чему она не была причастна. Так, не найдено ни одного документа об участии России в государственных переворотах 1903 и 1941 гг. Однако об этом то и дело можно прочесть даже в научной сербской литературе. Дошло до того, что уже и в убийстве З. Джинджича подозревают Россию.

280 Подробнее об отношении русских к сербам см.: Русские о Сербии и сербах. Т. 1. Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякин; комм. А.А. Силкин, А.Л. Шемякин. СПб., 2006.

Так, по словам политика суперлиберального толка В. Пешич, она этого совсем не исключает²⁸¹.

Однако, повторим, все эти моменты не меняли общего фона и не могли заслонить главного – искреннего русофильства сербского народа. На его представления о России огромное влияние оказывали не только конъюнктура межгосударственных отношений, в которых все же примеров русской помощи единокровным и единоверным сербам было гораздо больше, но и более древние идеалистические предания, благодаря которым русофильство стало даже частью сербского национального самосознания.

Несмотря на все перипетии последних десятилетий, сербское русофильство никуда не делось и сегодня. Опросы общественного мнения в Сербии в 2010 г. показали, что сербы из народов «большой восьмерки» лучше всего относятся именно к русским. По шкале от «-5 до +5» только русские имеют в сербском представлении значительный плюс. (Хуже всего сербы относятся к американцам и англичанам. Чуть лучше – к французам, но и они оцениваются со знаком минус. В то же время итальянцы и японцы имеют небольшой плюс²⁸².)

Это подтверждают и многие русские добровольцы, побывавшие в бывшей Югославии в 90-е годы прошлого века²⁸³. В качестве самого сильного впечатления о Сербии они называли неисчезнувшее и даже граничащее с иррациональностью русофильство сербов. В частности, один из первых добровольцев, житель Самары Ю.М. Хамкин пишет, что не понимает, за что сербы «нас так уважают. Если мы их где-то поддерживаем, они говорят: “Нас с руссами 300 миллионов!” Если предаем, как сейчас, они вздыхают: “Бог высоко, рус далеко. Бог не слышит, рус не чувствует”»²⁸⁴. О.В. Валецкий, прошедший, наверное, на Балканах времени долъ-

281 См.: *Јовановић М.* О «две Русије» у српском друштву или Русија «за унутрашњу употребу»: слика Другог као идентитетско самодефинисање // Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010). Антологија. Приредио Мирослав Јовановић. Београд, 2011. С. 32.

282 В 92. Vesti za 05.10.10.

283 Всего на сербской стороне за все годы югославского кризиса воевало около 300 русских добровольцев.

284 *Хамкин Ю.М.* Поезжай и умри за Сербию. (Заметки добровольца). Самара, б. г. С. 196.

ше других добровольцев, пишет о том, что среди сербов «встречал к себе весьма благожелательное отношение»²⁸⁵.

Полицейский наблюдатель в Республике Сербская Краина в Хорватии Б.К. Ракитин вспоминает первую встречу в сербском монастыре: «Встретили нас как родных людей, вернувшихся домой из дальнего путешествия». И далее: «На сербских территориях наша национальность была дополнительным пропуском и защитой»²⁸⁶.

В то же время нельзя не видеть и того, что если в простом народе из поколения в поколение воспроизводится русофильство, то у части политической и интеллектуальной элиты, изначально среди обучавшейся на Западе молодежи, регулярно возникают прозападные настроения. В результате с внешнеполитической повестки дня Сербии никогда не сходил вопрос о ее пророссийской или прозападной ориентации. Эта дилемма актуальна и в наши дни²⁸⁷.

Профессор Белградского университета М. Йованович выделяет в этом процессе определенные этапы. По его мнению, до последней четверти XIX в. в Сербии абсолютно доминировали русофильские настроения. Однако 1878-й год стал переломным моментом, после которого восприятие России в сербском обществе разделилось на два все более удаляющихся друг от друга противоположных дискурса. Другой переломный момент – 1948-й год «со своей идеологической исключительностью», когда русские впервые стали трактоваться даже как неприятели. «Этот глубокий раскол в отношении к России остается константой сербского общества до сегодняшнего дня, только со временем он еще больше радикализировался»²⁸⁸.

Но в любом случае интерес к России в Сербии не ослабевает. Так, только за последние десять лет о современной России

285 Цит. по: *Энгельгардт Г.Н.* «Местное общество», политики и военные в балканских войнах 1990-х гг., глазами русского наблюдателя // *Человек на Балканах глазами русских.* С. 327, 335–336.

286 *Ракитин Б.К.* Воспоминания о чужой войне // *Наши миротворцы на Балканах.* М., 2007. С. 71, 75.

287 Обзор литературы по этой проблеме см., например: *Калоева Е.Б.* Сербия между Востоком и Западом // *Современная Россия в оценках восточноевропейцев.* М., 2009. С. 126–139. См. также: *Мировић Д.* Запад или Русија. Београд, 2004.

288 *Jovanović M.* О «две Русије» у српском друштву... С. 20, 22, 32–33.

опубликовано как минимум 30 книг, а общее количество статей, в том числе и в Интернете, даже трудно сосчитать. Ничего подобного не наблюдается в отношении США и других западных стран.

Причем, по мнению того же М. Йовановича, авторы этих книг, как правило, не только не имеют каких-либо специальных знаний о России и российской реальности, но часто не знают даже элементарных вещей. Интерес к России во многом замешан на мифотворчестве, а не на рациональном знании²⁸⁹. Точное знание о России даже неважно. «Россия, – пишет Йованович, – в сербском публичном дискурсе, в медийном пространстве и восприятии отдельных личностей существует исключительно ради нас (Сербии, до этого Югославии) и только ради “нас”».²⁹⁰

Не только в отношении к России, но и в отношении к русским в Сербии существуют твердые мифологические конструкции, связанные с симпатией или антипатией отдельных лиц, их семей, окружающей среды. «Отец посадил меня на колени и рассказал о России» или «Дедушка завещал держаться русских» – и теперь можно услышать в неофициальных обсуждениях из уст многих граждан Сербии²⁹¹. Несколько лет назад автору этих строк белградский таксист, серб из Черногории, напевал любимую песню своего отца: «Плови патка, плови гуска, ова земља биће руска»²⁹².

На бытовом уровне Россия и русские постоянно присутствуют в сербской ментальности. Многие сербы и сегодня с удовольствием вспомнят своего русского учителя гимназии или какого-нибудь русского, знакомого родителей, или другого русского, встреченного где-нибудь на жизненном пути. Сербский этнолог Д. Дрляча пишет, что «по праву можно утверждать, что у каждого серба был или есть какой-нибудь “свой” русский, что большинство сербов знакомо хотя бы с несколькими русскими. Русские были и остаются неотъемлемой частью нашей жизни, воспоминаний, обязательной темой разговоров. Они оставили глубокий след в сербской среде,

289 Там же. С. 36–37; *он же*. Dve Rusije: o dva dominantna diskursa Rusije u srpskoj javnosti // Odnosi Rusije i Srbije na početku XXI veka. Beograd, 2010. S. 13–14.

290 *Он же*. О «две Русије» у српском друштву... С. 13.

291 *Timofejev A.* Mitovi o Rusiji i dinamika razvoja ruskih spoljnopolitičkih odnosa na Zapadnom Balkanu // Odnosi Rusije i Srbije na početku XXI veka. S. 20.

292 «Плывет утка, плывет гусыня, эта земля будет русской» – серб. (Ну где еще можно такое услышать! – *К.Н.*)

может быть, как раз потому, что они (несмотря на родство с нами) все-таки – иные, и так близки и так далеки»²⁹³.

Классик современной сербской историографии академик С. Чиркович писал, что «русское влияние на сербскую культуру, самосознание и понимание сербами своего места в мире было непрерывным на протяжении всего XIX в. Россия для Сербии и сербов являлась непересыхающим источником идей самого широкого спектра – от крайне консервативных до открыто революционных... И на протяжении всего XX в., и в сложной ситуации начала нынешнего столетия тесные связи, плодотворное взаимодействие русской и сербской культуры являются важнейшим фактором развития сербского народа»²⁹⁴.

Мы уже писали, что «сербы – это небольшой народ с менталитетом большого». Эта особенность иногда приводила сербов к величайшим победам. Достаточно вспомнить Первое и Второе сербские восстания против огромной Османской империи или целых два движения Сопротивления – этническое (чисто сербское) и партизанское (по своему составу тоже преимущественно сербское) в годы Второй мировой войны. Однако иногда именно эта особенность сербского народа мешала ему правильно оценить собственные силы, проявить необходимую дипломатичность, дожидаться более благоприятного момента. Последний пример – распад Югославии, при котором именно сербы потерпели сокрушительное поражение.

Но, возможно, именно эта черта сербского народа, помимо всего прочего, позволяет русским хорошо его понимать. Мы любим крайности и очень часто мыслим одними категориями. Например, и у русских, и у сербов переход из православия в другую веру всегда вел к потере национальности. И беды у нас часто – одного свойства. Достаточно вспомнить, каким для двух народов оказался прошедший XX век.

Из всех бывших европейских социалистических стран только у наших народов так и не сложился консенсус – чего же мы все-таки хотим, в каком направлении двигаться дальше. Левые иллюзии все еще сильны и в Сербии, и в России. В других странах Центральной и Юго-Восточной Европы такой консенсус был, правда, к сожалению,

293 Дрляча Д., Каиуба М.С., Мартынова М.Ю. Русские в Сербии как исторический и социально-культурный феномен // Меняющаяся Европа. Проблемы этнокультурного взаимодействия. М., 2006. С. 109.

294 Чиркович С.М. Указ. соч. С. XIII.

он часто сопровождался антирусской риторикой, которая в Сербии возможна лишь в заведомо ограниченном масштабе.

И еще об одном хотелось бы сказать. Засидевшись в 1990-е годы на старте реформ, Сербия отставала от России в своих преобразованиях. В наши дни это уже, конечно, в прошлом. Однако кое-что осталось. Сейчас внешнеполитическая линия сербского руководства напоминает в чем-то российскую политику тех же 1990-х годов, когда в Москве существовала наивная инфантильная вера в альтруизм западных демократий. И только со временем утвердилось мнение, что у России должно быть собственное лицо и место в мире.

В Сербии, несмотря на все санкции и бомбардировки, такое осмысление еще только предстоит. И оно уже идет. В конце апреля 2012 г. в газете «Политика» был опубликован своего рода манифест под названием «Провозглашение политической нейтральности Сербии», подписанный многими сербскими интеллектуалами. В нем говорится, что «Сербия в течение своего длительного исторического развития никогда не входила ни в какие долгосрочные военные и политические союзы. Сама история сербского народа создавала политическую и военную нейтральность Сербии... Сербия как политически нейтральное государство не должна быть членом Европейского союза, но с Европейским союзом и его государствами-членами развивать взаимовыгодное сотрудничество»²⁹⁵.

Кстати, нежелание входить в союзы, уступать хотя бы долю своего суверенитета наднациональным, надгосударственным структурам – еще одна черта, сближающая русских и сербов. Широко известна часто повторявшаяся русским царем Александром III фраза о том, что во всем мире у России только два верных союзника – ее армия и ее флот. Правда, он же однажды в тосте назвал единственным искренним и верным другом России черногорского князя Николу. Но здесь, конечно, был элемент игры.

Осмысление Сербией своего места в мире будет более трудным, чем это было в России, учитывая размеры и потенциал страны, разрушенный в предыдущие годы. Но оно вполне возможно, примером чего является политика в соседней Республике Сербской, объективно находящейся в заведомо худшем положении. Уважают только тех, у кого есть позиция. Только это будет соответствовать генетическому коду сербов, поломать который не удавалось еще никому – ни внешним, ни внутренним силам.

295 Проглас за политичку неутралност Србије // Политика. 2012. 23 април.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аврамович Д. 98–99
Альтерматт У. 143
Ахтисаари М. 141
- Бакарич В. 59
Белофф Н. 153
Бжезинский З. 140
Биланджич Д. 73, 76
Билдт К. 142
Блэр Т. 142
Боданский Й. 153
Брежнев Л.И. 145
Броз-Тито Й. 22, 32, 41–42, 48–63, 65–66, 69–72, 75–78, 80–81, 83–84, 97, 113, 119, 146, 167
- Валецкий О.В. 168
Виноградов В.Н. 10
Волков В.К. 10, 82, 151, 154
Вукманович-Темпо С. 63
Вучич А. 125
Вэнс С. 100
- Галуа П.-М. 153
Гаршанин И. 13, 20
Гитлер А. 142
Голдштайн И. 36, 39, 74
Голль Ш., де 150, 153
Горбачев М.С. 118–119
Готовац В. 84
Грол М. 51–52
- Дабчевич-Кучар С. 70
Давидович Л. 26
Дачич И. 125–127
Делор Ж. 157
Джилас М. 52, 59, 62–63, 69
Джинджич З. 23, 36, 94, 100–102, 109, 116–121, 123–124, 167
Джого Г. 83–84
Джонстон Д. 107
- Джорджевич Д. 23
Джуретич В. 83
Димитриевич В. 77
Димитриевич-Апис Д. 24
Джурич М. 76
Димитров Г. 133
Димич Л. 67, 85
Динкич М. 127
Достян И.С. 10, 27
Драгосавац Д. 82
Драшкович В. 94, 100, 108, 122
Дрляча Д. 170
- Ельцин Б.Н. 142, 149, 157, 160–161, 163
- Живков Т. 133
Живкович З. 119–120, 124
- Зайцев В.П. 149
Зундхауссен Х. 107
- Изетбегович А. 84, 89, 91, 159
Илич В. 118, 122
Исакович А. 84
- Йованович М. 169–170
Йованович С. 10, 15, 21, 26
Йованович Ч. 123, 127
Йович Д. 85
- Каменецкий В.М. 68, 73, 79
Кандель П.Е. 7, 18, 74, 78
Каплан Р. 140
Карагеоргиевич Александр I, король 24, 31, 33, 35–38, 167
Карагеоргиевич Петр I, король 22, 30–31, 34
Карагеоргиевич Петр II, король 23, 50
Карагеоргиевичи 17, 23, 33, 35
Караджич В. 19
Кардель Э. 32, 51, 59, 61–63, 65, 73, 75, 77–78
Кейнс Дж. 98
Кер-Линдзи Дж. 165
Кидрич Б. 59, 61
Киплинг Р. 29
Кирилина Л.А. 9
Киссинджер Г. 158
Князев Ю.К. 72
Козырев А.В. 156, 158, 160–161, 163
Колишевский Л. 82
Коржаков А.В. 149
Корошец А. 38
Костиков В.В. 142
Косыгин А.Н. 64
Коштуница В. 43–44, 83, 94, 100, 108–109, 115–118, 150–126, 164
Козн С. 148
Козн У. 142
Крестич В. 19
Кузнечевский В.Д. 78
Кузьмичева Л.В. 4
Кэмерон Д. 139
- Лабус М. 118, 122
Ладыгин Ф.И. 149
Лукович (Улемек)-Легия М. 119
Люшич Р. 13, 24
- Макартур С. 159
Максимычев И.Ф. 145, 147
Мао Цзэдун 84
Маркович А. 87, 94
Маркович Мир. 43, 78, 101
Маркович Мих. 78, 83
Маркс К. 59–60, 69

- Марьянович Й. 68–69
 Мачек В. 38–41
 Меркель А. 139
 Милутинович М. 118
 Милошевич Б. 141–142
 Милошевич С. 23, 25–26, 43, 45, 78, 85–87, 89, 91, 93–95, 97–102, 106–109, 113–119, 122–124, 127–128, 141–142
 Мичич Н. 118, 120
 Мичунович Д. 94
 Михайлович Др. 24, 49
 Михайлович Д. 43, 101
 Михайлович К. 83
 Михник А. 46
 Младич Р. 126
 Молотов В.М. 57

 Наумович С. 106
 Никезич М. 70–71
 Никитин С.А. 10
 Никифоров К.В. 4
 Николич Т. 120, 123–127
 Никсон Р. 158

 Обренович Александр, король 22–23, 29–30
 Обренович Драга, королева 23
 Обренович Милан, король 22
 Обренович Милош, князь 23
 Обренович Михаил, князь 22, 24
 Обреновичи 23, 167
 Оуэн Д. 100, 142

 Павлович Б. 70
 Пашич Н. 26
 Перович Л. 70
 Петранович Б. 10
 Петровичи-Негоши 23
 Пешич В. 100–101, 168

 Пилько Н.С. 9
 Пиркер П. 70
 Писарев Ю.А. 10
 Пияде М. 53, 55
 Прибичевич С. 33, 35
 Примаков Е.М. 161, 163
 Принцип Г. 153, 165
 Путин В.В. 139, 152, 159, 164

 Раделич З. 62
 Радич С. 34–36
 Ражнатович-Аркан Ж. 109
 Ракидин Б.К. 169
 Рамет С. 162
 Ранкович А. 60, 65, 84
 Рачич П. 36–37
 Релич С. 142
 Ристич Й. 21
 Ругова И. 90, 102

 Самарджич Р. 6
 Саркози Н. 139
 Симович Д. 40
 Смирнова Н.Д. 9
 Солженицын А.И. 131
 Спахо М. 38
 Сталин И.В. 52, 57–58, 60, 63, 84, 144, 146, 167
 Стамболич И. 23, 85
 Станкович Дж. 20
 Стоядинович М. 38–39
 Стоянчевич Д. 96
 Стоянчевич С. 79

 Тадич Б. 122–127
 Тадич Л. 83–84
 Тачи Х. 102
 Терзич С. 107
 Тито см. Броз-Тито Й.
 Томас Р. 95
 Трипало М. 70
 Трифунович М. 52
 Труд А. 5

 Туджман Ф. 70, 89, 93, 95

 Улуния Ар.А. 9

 Фрейдзон В.И. 9
 Фридман М. 98

 Хамкин Ю.М. 168
 Хандке П. 153
 Харф Т. 141
 Холбрук Р. 102, 140, 142–143
 Хомбах Б. 117
 Хофбауэр Г. 153

 Цветкович В. 97
 Цветкович Д. 39
 Цветкович М. 125
 Циммерман У. 91, 142

 Чавошки К. 76, 83
 Чаушеску Н. 132
 Червенков В. 133
 Черномырдин В.С. 163
 Черчилль У. 52
 Чиркович С. 10, 171
 Чосич Д. 68–69, 84, 86, 128
 Чуркина И.В. 9

 Шемякин А.Л. 4
 Шешель В. 26, 43, 100, 109, 120, 124–125, 127
 Шубашич И. 41, 50–51

 Экмечич М. 10, 16, 37, 40, 154

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
-----------------------	---

Часть I. Сербские сюжеты

Цикличность новой сербской истории	12
Парламентаризм в Сербии в XX в.	28
Югославский эксперимент.....	47
Трансформационный процесс в Сербии.....	93
Сербская государственность в начале XXI в.	113

Часть II. Балканские сюжеты

Особенности этнических изменений на Балканах в XX в.	129
Процессы внешнего доминирования на Балканах	140
Балканская политика России в конце XX – начале XXI в.	156

Вместо заключения	167
--------------------------------	-----

Именной указатель	173
--------------------------------	-----

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ НИКИФОРОВ

СЕРБИЯ НА БАЛКАНАХ
XX ВЕК

Корректор *М. Н. Толстая*
Оригинал-макет *С. Д. Боярская*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other INDRIK publications may be ordered by

e-mail: market@indrik.ru
or by tel./fax: +7 495 959-21-03

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) —
95 3800 5

Формат 60×90/16. Печать офсетная.
11 п. л. Тираж 500 экз. Заказ №

КОНСТАНТИН
ВЛАДИМИРОВИЧ
НИКИФОРОВ

Родился 17 апреля 1956 г. в Пекине. В 1982 г. окончил исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова и в 1985 г. аспирантуру Института славяноведения РАН, в 1987 г. защитил в Институте кандидатскую, а в 2000 г. — докторскую диссертации. С конца 2004 г. — директор Института славяноведения РАН. С 2006 г. ведет спецкурс для студентов кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ.

Историк, специалист по новой и новейшей истории Балкан. Исследует проблемы истории Сербии и других земель бывшей Югославии, международные отношения на Балканах в XIX – начале XXI в. К.В. Никифоров — один из авторов очерков новейшей политической истории России. Автор нескольких монографий и около 140 статей.

Член бюро Национального комитета российских историков и член Национального комитета славистов России. Вице-президент Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы. Председатель российской части исторических Комиссий Румынии и Сербии. Член Российского оргкомитета по подготовке и проведению празднования Дня славянской письменности и культуры и Программного комитета Форума славянских культур. Ответственный редактор «Славянского альманаха», член редколлегии многих отечественных и иностранных научных журналов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНДРИК